

ЭШЛИ
ПРЕНТИС
НОРТОН

шоколадные деньги

«Знаете, что я чувствовал,
когда читал роман?
Будто на всех парах
на меня движется поезд.
Я был шокирован,
парализован и не мог
сдвинуться с места».

BOOKLIST

18+

Annotation

Каково быть дочкой самой богатой женщины в Чикаго 80-х, с детской открытостью расскажет Беттина. Шикарные вечеринки, брендовые платья и сомнительные методы воспитания – у ее взбалмошной матери имелись свои представления о том, чему учить дочь. А Беттина готова была осуществить любую материнскую идею (даже сняться голой на рождественской открытке), только бы заслужить ее любовь.

- [Эшли Прентис Нортон](#)
 -
 - [Часть I](#)
 - [1. Стрижка](#)
 - [2. Мак](#)
 - [3. Отцовский завтрак](#)
 - [4. Секс в нашем доме](#)
 - [5. Разгром](#)
 - [6. «Похмельная жрачка в круизе»](#)
 - [7. Разрыв](#)
 - [8. Похороны](#)
 - [Часть II](#)
 - [9. Кардисс](#)
 - [10. Мередит](#)
 - [11. Домовое собрание](#)
 - [12. Парни в пиджаках](#)
 - [13. Острые ощущения](#)
 - [14. Посылка](#)
 - [15. Попойка](#)
 - [16. Сказки на ночь](#)
 - [17. На следующий день](#)
 - [18. Две недели спустя](#)
 - [19. Танцы](#)
 - [20. Стрижка II](#)
 - [21. Кейп, полночь](#)
 - [22. Пойманы на горячем](#)
 - [23. Признание](#)
 - [24. Тот же день](#)

- [25. Телефонный звонок](#)
 - [26. Разговорчик](#)
 - [27. Понедельник](#)
 - [28. Телефонный звонок II](#)
 - [29. Вторник](#)
 - [30. Судный день](#)
 - [31. Тот же день, продолжение](#)
 - [32. Материнский инстинкт](#)
 - [33. Суд](#)
 - [34. Прощание](#)
 - [Часть III](#)
 - [35. Книга спичечных коробков](#)
 - [36. Прощай, Бэбс](#)
 - [37. Взрослые. В прошлом и в настоящем](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
-

Эшли Прентис Нортон

Шоколадные деньги

Ashley Prentice Norton
THE CHOCOLATE MONEY

© Комаринец А., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Часть I

1. Стрижка

Август 1978

В тот день, когда я остигла себе волосы и «испортила на хер Рождественскую открытку», мне было просто скучно, и никакая я не «дерзкая паршивка», как говорит всем своим подругам Бэбс.

Конец августа. Мне десять лет. Бэбс на кухне разговаривает с Энди, которая приходит после полудня по субботам пить «Кровавые Мэри» и есть яйца Бенедикт. Бэбс алкоголь не употребляет. Она вечно расхаживает с хрустальным бокалом для шампанского от *Baccarat*, в котором свежевыжатый сок (грейпфрут, слива или ежевика), разбавленный изрядной дозой минералки *Perrier*, – во фруктах ведь слишком много калорий. Я даже не знаю наверняка, нравится ли ей вкус, но на вид красиво.

– Видишь ли, Энди, – говорит Бэбс, – на завтра у нас намечена Открытка. Даже не знаю, как лучше. Выбрать летнюю тему или более рождественский настрой? Разумеется, никаких одинаковых свитеров с олешками, но, может, что-то чуть менее радикальное, чем в прошлом году. Я знаю, фотография ню была со вкусом, но не хочу, чтобы та сучка Нона Кардилл снова писала про меня гадости в своей колонке. Эта дуреха, наверное, вообще никогда белья не снимает. И всякие там звонки из школы. Никакого чувства юмора у людей. Никаких очков за креативность.

Когда в прошлом году мы разослали нашу рождественскую открытку, все в моем классе в Чикагской Начальной надо мной смеялись. Ну да, мы были голые, но я сидела на коленях у Бэбс и прикрывала ее интимные части. Лучше от этого не стало. Они говорили, у меня не все дома, раз я позволила снимать себя без одежды. Лучшее, что я смогла придумать в ответ: мол, это была не моя идея.

– Это же чистый авангард, Бэбс, – говорит Энди. – Открытка до сих пор висит у меня на холодильнике.

На мой взгляд, это слишком уж подхалимски, но Бэбс только смеется.

Я сижу на полу у кухонного стола, меня почти не видно, я читаю журнал *Tiger Beat*, где на обложке мой кумир – Брук Шилдс. Бэбс купила мне подписку в подарок на день рождения, и это был самый лучший подарок, какой она мне делала. Я смотрю, как они курят и сбрасывают пепел в свои тарелки от *Villeroy & Boch* – «воскресный» фарфор Бэбс. Не важно, что мы едим с этих тарелок, Бэбс что угодно превращает в

пепельнице. Они с Энди прямо-таки висят на белой мраморной кухонной стойке, словно не в силах сидеть прямо. На Бэбс – белые шорты и белая плейбойская майка, серебристая головка зайчика на ней вышита стразами. На Энди – коричневое платье на завязках, настолько жатое, что выглядит так, будто она держит его под матрасом. На ногах у нее широкие сандалии «биркенштоки». Когда она вошла, я заметила волоски на пальцах ее ног.

Бэбс очень красивая, и мне очень хочется выглядеть как она. У нее голубые глаза и светлые волосы, которые она небрежно заплетает во французскую косу. Бэбс можно было бы счесть близняшкой Грейс Келли, если бы Грейс произносila слова вроде «член» или «киска» и била маленьких детей. Бэбс всегда говорит, что предпочла бы походить на Брижит Бардо, быть эдакой сексуальной, раскованной и расхристанной, как незастеленная постель, но такое ей не по зубам – фигурой не вышла. Она очень высокая – пять футов десять дюймов, и фигура у нее как у мальчика: узкие бедра, никакой задницы, никаких титек.

Ноги Бэбс прямо передо мной, и, выражаясь ее языком, они *охренительно обалденные*. Ее ляжки лоснятся от масла ши и пахнут южноафриканскими лимонами – спасибо лосьону *Veritas*. Она почти никогда не носит брюки или колготки. Ничем их не прикрывая, она извлекает максимум из погоды: ее ноги покрываются мурашками на холода, сверкают на солнце, блестят под дождем.

Поскольку я ее дочь, то надеюсь, что со временем у меня тоже отрастут такие, а еще мне кажется, что уж мне-то она могла бы разрешить их потрогать. Но нет, для меня ее тело под запретом. Словно она боится, что мои маленькие ручонки оставят на ее коже отпечатки и безвозвратно их испортят.

Энди даже чуточку привлекательной не назовешь, вот почему Бэбс с ней дружит. У Энди курчавые волосы с проседью и большие лошадиные зубы. Она всегда и во всем, по любому поводу согласна с Бэбс.

– В этом разница между нашей Открыткой и всеми остальными. Как тебе прекрасно известно. Нельзя просто сфоткать абы что и послать друзьям. Надо подумать, потратить на нее время. Чтобы, открыв конверт, люди удивились. Мне хочется что-то в духе «Поворотного пункта»^[1]: у нас обеих волосы собраны в пучок и мы в одинаковых трико. Но с привкусом Нового года. Боюсь, это мало кто поймет. Какая жалость, что мы не знакомы с Мишней. Колготки у него там просто сказочные!

Я не понимаю. Пучки и трико? Какие еще колготки? И кто такой Миша? И с каких это пор Бэбс увлекается балетом?

– Те, кто не знает этого фильма, не заслуживают твоей Открытки,

Бэбс.

Сегодня Энди держится на удивление авторитетно, задает стандарт друзьям Бэбс. На мой взгляд, она надеется, что очередная Открытка проредит категорию тех, кто нравится Бэбс, и сама Энди поднимется на пару ступенек выше. В настоящий момент Энди просто «дневная» подружка. На обед, когда приходят люди поинтересней, ее не приглашают. Но Энди думает, что, если она будет появляться снова и снова, Бэбс поднимет ее статус, найдет для нее место за столом. Как же, держи карман шире. Мнение о людях Бэбс составляет раз и навсегда, никаких пересмотров и пересдач зачета. Как и я, Энди в вечном ожидании, постоянно «на низком старте», но это никогда не сработает. На хорошие места всегда находятся люди получше.

Бэбс замечает, что я слушаю их разговор, и говорит:

– Хватит тут слоняться, Беттина. Пойди займись на хрен чем-нибудь полезным.

Ее «*чертовски раздражает*», когда кто-то слоняется, поэтому я встаю и ухожу.

Бэбс постоянно говорит подобные вещи, и я привыкла. Но уходить и искаль, чем бы заняться, мне не хочется. Я – единственный ребенок, но напрочь лишена мифического воображения одинокого ребенка: в отличие от знаменитой Элоизы из книжки, я не могу провести день за починкой сломанной куклы или часами скармливать черепахе изюм.

У меня есть няня, но не обожающая или шикарная, как Мэри Поппинс. Стейси двадцать лет, и она не из Англии, а из Лиона в штате Висконсин. Перед тем как поступить на работу к Бэбс, она жила в маленьком доме на ранчо со своей семьей. Обычно няням у нас удавалось продержаться месяцев девять, а Стейси с нами уже два года. Истинный подвиг.

Любимые профессиональные обязанности Стейси – курить *Virginia Slims* с ментолом (Бэбс никогда бы не наняла няню, которая не курит) и гонять по Лейк-шор-драйв в «пейсерे», которым разрешает ей пользоваться Бэбс. Она читает «космо» и выделяет маркером абзацы о том, как довести мужчину до экстаза. Я ее нисколько не интересую.

Я не могу целиком и полностью ее винить. Я – маленькая девочка, с которой трудно общаться и которая не знает никаких кунштюков. Я не люблю наклейки, я не играю с куклами Барби, а мультики считаю глупыми. Для меня важно когда-нибудь подружиться с Брук Шилдс. Бэбс однажды столкнулась с ней в «Студии 54»^[2] и попросила для меня автограф – на коктейльной салфетке. Я была так счастлива, что вставила салфетку в рамку вместе с фотографией Брук. Это самое большое мое сокровище.

В отличие от Брук, я не роскошная, даже ничуточки не хорошенъкая. Во мне четыре фута и три дюйма, и у меня русые волосы, на которых не держится завивка. Однажды Бэбс попыталась придать им объем, обработав электрическими щипцами, но только обожгла мне скальп. Бэбс обещает, что, когда мне исполнится одиннадцать, она на день рождения отправит меня к парикмахеру, чтобы он сделал мне профессионально высушенные «перья».

Единственное мое достоинство – я худая, и Бэбс любит покупать мне одежду. Она уйму денег на нее тратит: замшевые или кожаные штаны, которые она выбирает в Париже, футболки с шелкографией Уорхолла, серые передники из жатого шелка и черные бархатные балетки. Но все это попусту, я – спичка, которая, сколько ни чиркай, никак не вспыхивает.

Оставив Бэбс и Энди на кухне, я решаю пойти в игровую комнату пентхауса. Бэбс называет так нашу квартиру, потому что она размером с настоящий дом: два этажа, четыре камина, шесть спален, восемь туалетов и вдобавок терраса. Проблема в том, что в игровой нет ничего, с чем мне хотелось бы поиграть. Это же просто огромная комната песочного цвета с ковролином от стены до стены и огромными игрушками – эдакая детская площадка на открытом воздухе по версии Бэбс. Тут есть красная деревянная «полоса препятствий» с турниками и металлической горкой, песочница, засыпанная песком с какого-то пляжа во Франции, и блестящая черная лошадь в натуральную величину с гривой и хвостом из настоящих конских волос. Скукотища.

Помимо игрушек тут есть глянцевая зеленая скамейка, которая выглядит так, словно ее украли из настоящего парка. Скамейка законным образом принадлежит Бэбс, но есть в ней что-то тревожное: к ней прибита золотая табличка, которая гласит «МОНТГОМЕРИ И ЭЙДОРА БАЛЛЕНТАЙН. Убыли 26 мая 1967. Да упокоятся они...».

Монтгомери и Эйдора Баллентайн – это родители Бэбс. Они умерли в результате несчастного случая на яхте за год до моего рождения. В подлокотник скамейки вмонтирована стеклянная пепельница. В результате аварии отцу Бэбс одним махом снесло голову. Мать живьем затащило в двигатель яхты. Он еще работал и покрошил ее тело в кровавые ошметки.

Над скамейкой – картины Лукаса. Лукас – двоюродный брат Бэбс. Как и Брук Шилдс, он живет в Нью-Йорке. Лукас имеет свободный доступ к жизни Бэбс. Она так разговаривает с ним по телефону, что я пришла к выводу, что он ей нравится, но сексом это никак не связано. Она говорит с ним так, как говорила бы с братом, и однажды даже перед ним извинилась. Возможно, они с Бэбс два сапога пара, ведь у Лукаса тоже есть

«шоколадные деньги». Лукас женат на женщине по имени Поппи, и у них есть сын по имени Джо-Джо, но я их никогда не встречала. Бэбс говорит, Лукас терпеть не может летать самолетом.

Картины у Лукаса абстрактные: по большей части серые и черные линии на больших белых полотнах. Хотя я их не понимаю, они мне взаправду нравятся. Каждые два месяца он присыпает свежую партию, а Бэбс отправляет назад почтой старые, которые он потом выставляет в галерее и, хочется надеяться, продает.

Рассматривать картины, может, и не слишком интересно, но от них мне становится не так одиноко, они означают, что у меня есть какая-то тень семьи помимо Бэбс. Если Бэбс скажет, мол, все, с нее хватит, Лукас может стать запасным вариантом. Не знаю точно, как доберусь из Чикаго в Нью-Йорк, но надо же с чего-то начинать. Пусть здесь, на двадцать девятом этаже, балом правит воображение Бэбс, но от реального мира меня отделяет лишь поездка на лифте.

Бэбс считает, что она такая же талантливая, как Лукас. Есть три вещи, которые она действительно хорошо умеет: устраивать вечеринки, делать скрапбуки и, разумеется, придумывать Открытки. Ее скрапбукинг оригинален тем, что в ее книгах почти нет картинок, там сплошь счета из ресторанов, куда она ходила, за одежду и обувь, которые она купила, коктейльные салфетки с вечеринок, на которых она бывала. Свои «книги» она хранит в гардеробной за шубами, они расставлены по годам. Она строго-настрого велела никогда их не открывать, мол они не для меня. Но я ничего не могу с собой поделать. Это же практически ее дневник.

Зато уж в Открытках я знаю толк. Я целый год жду, когда мы будем делать очередную, ведь это значит, что мы весь день проведем вместе, будем позировать в разных нарядах, пробовать разные места съемок. Поскольку Открытка намечена на завтра, я немного успокаиваюсь, решаю послушаться и чем-нибудь себя занять: заставляю себя поиграть в игровой. Я пять минут вишу вниз головой на шведской стенке, дважды падаю с жуткой лошади и ударяюсь рукой, смотрю, сколько сил хватает, на картины Лукаса.

Потом я решаю пробраться в гостиную. Мне не полагается ходить туда одной, но это лучшая комната во всем пентхаусе, тут столько всего разного. Она – в два этажа высотой, а по площади занимает едва ли не половину пентхауса. В ней – ты словно в парящем в небе коробе из прозрачного пластика. Вместо одной стены тут огромное окно, которое тянется от пола до потолка и из которого открывается потрясающий вид на озеро Мичиган. Поток машин на Лейк-шор-драйв виден до самой Норт-авеню. Летом даже

видно, как женщины, у которых нет членской карточки кантри-клуба, сидят на пляже Оук-бич и натирают себя дешевым лосьоном для загара и, наверное, читают Даниэлу Стил.

Бэбс купила пентхаус после смерти родителей. До того она жила в пригороде Чикаго под названием Грасс-вудс, в большом особняке под названием «Чайный дом». Я рада, что Бэбс переехала в город и купила пентхаус. Пусть пентхаус меньше, чем дом, зато в нем есть много крутых штук, например винтовая лестница, которая ведет в ее спальню. Ступеньки у нее – большие плиты кремового мрамора с прожилками, а перила – длинная серебряная трубка, загибающаяся, как соломинка для лимонада. Перила соединены со ступеньками серебряными палками, и мне нравится просовывать между ними голову.

Сегодня я решаю рискнуть и подняться на верх лестницы, чтобы элегантно спуститься вниз, как это делает Бэбс, когда открывает вечеринку. И с самого начала у меня все не задается. Я так поглощена тем, что, задрав голову, смотрю вверх, что едва не опрокидываю чашку из майолики, в которой лежат сигареты Бэбс, а потом наступаю на ее ножницы для скрапбукинга.

Я люблю эти ножницы, лезвия у них длинные и серебряные, как два меча, а рукоять – золотая и усеянная бриллиантами, рубинами и изумрудами. Она бугристая и гладкая одновременно, как липкая от песка морская ракушка. Иногда я беру ножницы в рот и сосу. У них металлический вкус, но на удивление приятный.

Подняв ножницы, я прижимаю их к щеке, потом все же отвожу руку. Чем дальше я их держу, тем труднее положить их назад. Я широко развожу лезвия и снова подношу к правой щеке. Лезвия еще чуток расходятся, и я легонько надавливаю.

В рот мне попадает несколько волосков, еще несколько прилипают к губам. Не выпуская из рук ножниц, я их сдуваю. Я мешкаю и воображаю, как Бэбс шепчет мне на ухо: «Ты такая долбаная трусиха».

Слова звучат так реально, что я ежусь. Когда Бэбс меня оскорбляет, я никогда ей не отвечаю. Просто сижу и слушаю, глаза у меня на мокром месте, и губы дрожат. Словно кто-то пролил мой «Ширли Темпл»^[3].

Но поскольку Бэбс в комнате нет, у меня хватает храбости дать отпор. Я собираю солидную горсть волос, основательно за них дергаю. От боли я словно бы вся просыпаюсь. Меня заливает восторг. Я на всю ширину раскрываю ножницы, а потом изо всех сил сжимаю ручки. Щелк. Волосы у меня тонюсенькие и почти не оказывают сопротивления – точно мясницкий нож прорезает торт на день рождения.

После краткого мига триумфа я ударяюсь вдикую панику. Мои волосы прилипли к лезвиям, а ведь ими полагается резать только бумагу для скрапбукинга. Ничего больше. Я сворачиваю ампутированные пряди в комок и заталкиваю под уголок ковра. В это мгновение, будь я постарше, я помедлила бы, закурила, хорошенько несколько раз затянулась. Но мне только десять, и нельзя терять время.

Я тщательно вытираю ножницы подолом платья, потом рассматриваю лезвия в ярком солнечном свете, льющемся в окно гостиной. Выглядят чистыми. Я осторожно кладу ножницы назад на ступеньку. Я хочу доказать, что все снова нормально, поэтому иду на кухню искать Бэбс.

Они с Энди покончили с едой и больше не разговаривают. Вид у Энди нервный. Она еще не готова уйти и закончить свой день одна. Между ними повисла пауза, а Бэбс пауз не переносит. Они словно бы ждали, когда я войду.

Бэбс бросает на меня взгляд и говорит:

– Что ты на хрен сделала с волосами?

Бэбс вечно говорит «черт». Это не всегда гадкое слово, но сегодня гадкое.

– Ничего, – отвечаю я.

Я правда удивлена, что она способна определить, что я сделала. Я-то думала, что решила проблему. Но Бэбс всегда видит меня насквозь.

– Беттина, детка, ложь тебе не поможет.

Она спокойно поворачивается к раковине, подставляет под струю воды тлеющую сигарету. Выбрасывает окурок в мусорное ведро.

Сложив руки на груди, Энди поворачивается ко мне, делает встревоженное лицо. Она хмурится, точно случившееся глубоко ее обеспокоило. Но благодаря мне она внезапно оказалась в одной лиге с Бэбс. Энди никогда не совершила бы такой глупости, как обрезать себе волосы.

– Никакое это не долбаное «ничего», – без тени эмоций продолжает Бэбс. – На голове у тебя деръмо. Мне-то самой наплевать, но завтра у нас Открытка.

Бэбс спокойна, а это взаправду дурной знак. Если я делаю что-то не так, она почти никогда не орет. Напротив, чем больше она выходит из себя, тем больше она отстраняется от ситуации.

Она исключит меня из Открытки? Это было бы самым страшным наказанием на свете. Все знают, что в Рождественскую Открытку обязательно включают детей. Если только они не умерли или не заперты в каком-нибудь страшном месте.

Повернувшись ко мне спиной, Бэбс сполоскивает желток с тарелки

Энди. Обычно она посуду не моет, но сегодня суббота, и у слуг, которые бы делали это за нее, выходной. Она терпеть не может, когда остаются хотя бы малюсенькие следы еды.

Внезапно она разражается смехом. Я знаю, что это не хороший смех, а такой, который означает, что сейчас случится нечто дурное. Если я попробую засмеяться, мой смех не сольется с ее, а отскочит ко мне же, как мячик. Энди ведет себя так, будто понимает, в чем шутка, а потому тоже смеется.

– Пойди надень гребаные туфли, Беттина, – говорит Бэбс.

Вернувшись, я слышу, как Бэбс говорит в телефон:

– Джейф? У нас кризис. Паршивка играла в парикмахерскую и черт-те что себе на голове сотворила. А у нас завтра Открытка. Исходного материала немного, но, может, ты постараешься?

Бэбс поджимает и расслабляет пальцы на ногах, и я слышу, как хрустят суставы. Она, как всегда, босиком. Ногти у нее на ногах выкрашены мандариновым лаком. Она всегда носит какой-нибудь крутой цвет. Она делает педикюр, маникюр и эпиляцию вдвое чаще нормальных женщин. Крошечная азиатка, которую почему-то зовут Мануэла, приходит по утрам раз в неделю и орудует инструментами, существующими исключительно для Бэбс.

Я стою и смотрю на Бэбс, пока она выслушивает ответ Джейфа.

– Сделай хоть что-нибудь. Я знаю, ты сможешь, – произносит Бэбс. – Я тоже тебя люблю. И у тебя такая невероятно красивая задница. Даже лучше моей.

Такой у Бэбс способ выражать благодарность. Она никогда не говорит «спасибо».

Бэбс любит «голубков», как она их называет. Как-то она мне сказала, что «голубки» – это мужчины, которые занимаются сексом с другими мужчинами. Каждый по очереди вставляет свой пенис в попку другому – так она это объяснила. У меня возникла уйма вопросов, как это происходит. Они забеременеть могут? А как быть с какашками, которые там застряли? У них есть особые инструменты, чтобы заранее их вынимать? Но Бэбс была не в настроении вдаваться в подробности. Она просто сказала: «Голубки самые лучшие. Они взаправду хотят сделать тебя красивой» – и на этом ушла от темы.

Бэбс позвонила Стейси по домашнему телефону, пусть даже комната Стейси – у самой кухни. Стейси притащилась в пурпурных махровых шортах и пурпурной футболке с сердечками. На ней были ортопедические тапки от плоскостопия, а в руках – розовая банка *Tab*^[4]. У нее русые

волосы, которые пушатся у лица, и огромные голубые глаза, как у диснеевского персонажа. Но нос у нее чересчур большой, а потому все портит. До нас она работала в закусочной «Дейри Квин».

– Да, мисс Баллентайн, – произносит Стейси сладеньким «чем-могу-быть-полезна» тоном, каким никогда не говорит со мной.

– Стейси, у нас несвоевременный кризис.

– Правда? – переспрашивает Стейси в восторге, что ее допустили к драме.

– Правда, – без эмоций отвечает Бэбс. – Очевидно, Беттину ни на минуту нельзя оставить без присмотра, чтобы она не испоганила всем день. Знаю, сегодня у тебя выходной, но не могла бы ты отвести ее в «Зодиак»? Возможно, Джекф сумеет как-нибудь исправить это дермо.

«Зодиак» расположен на Оук-стрит, рядом с кинотеатром «Эсквайр», и занимает два этажа. Наружная стена у него стеклянная, и прохожим видно, как людям стригут волосы.

Когда мы переходим Мичиган-авеню, Стейси идет очень быстро и дергает меня за руку, точно я мешкающая трехлетка. Когда мы добираемся до противоположного тротуара, она набрасывается на меня:

– Можно было бы подумать, твоя мамаша заметила мои секущиеся концы, – злобно шепчет она мне на ухо. – А ты знаешь, что моя последняя стрижка обошлась в восемь долларов? И это было в «Чистом гении», где тебе дважды моют голову шампунем. Дважды!

Перед тем как толкнуть дверь салона, Стейси ерошит и жамкает себе волосы, зачесывает их на лицо. Наверное, она думает, что если постарается себя обезобразить, то Джекф решит, что ее прическа плохо выглядит, и настоит, чтобы постричь и ее тоже.

Я знаю, что радости от нашего похода в «Зодиак» ждать нечего, что нас ждет своего рода травматология перед реанимацией.

В салоне черный потолок, черные стены и черные кожаные кресла. На потолке нарисованы скопления золотых звезд, а еще с него низко свисают зеркальные шары, как на дискотеке. Вокруг скоплений звезд вьются названия двенадцати астрологических знаков.

Джекф занят, он подстригает волосы пожилой женщине и смеется за работой. Он высокий, с широкими плечами и блондинистыми светлыми патлами. Его ассистентка Никки говорит, чтобы мы сели на диван в дальнем углу. Она говорит, мол, придется подождать.

Стейси хватает стопку журналов и закуривает ментоловую *Virginia Slims*. Я просто сижу. Жду.

Проходит два часа, а Джейф даже не смотрит в мою сторону. Мне так скучно, что я наконец бросаю взгляд в зеркало возле черного кожаного дивана, рискую узнать, что у меня с волосами. И с удивлением вижу, что не такая уж катастрофа. Просто прически у меня кособокая. И не такая уж уродливая, просто выглядит странно. Будь у меня обруч или баретка, никто и не заметил бы.

Пока мы ждем, свет в салоне меняется, и я чувствую, что день подходит к концу. Стейси заметно расстроена. Она достает из своей огромной сумки две банки *Tab* и пластиковую баночку шоколадных карамелек Баллентайн – «Сосалки Золотой Берег». Она трясет коробку, стараясь сбить карамельки со стенок, но лишь вызывает этим неприязненные взгляды. Даже мне известно, что в парикмахерской нельзя есть сладкое. Здесь вам не киношка.

Стилисты складывают свои инструменты. Они убирают щетки и наворачивают черные шнуры на фены. Они опрыскивают зеркала «уиндексом» и стирают с них налет дня.

Наконец Джейф смотрит на нас и кивком показывает, что готов. Пока я забираюсь на кресло, он разглядывает свои ногти, точно они у него взаправду интересные. Ничего мне не говорит, пока я устраиваюсь. Может, мне надо самой завести беседу? Но я никогда не разговаривала один на один с «голубком». Я не знаю, что именно мне полагается говорить. Не хочу случайно его обидеть.

Он повязывает мне вокруг шеи грязную накидку, на которую налипли чужие волосы. Он опрыскивает мне голову из бутылки с водой. Женщина с шампунями давно ушла.

– А для моих волос что-нибудь предложите? – спрашивает, надвигаясь на него, Стейси. Я совсем про нее забыла. Но она никогда не сдается.

– Расчешите, – сухо отвечает Джейф.

Стейси отступает.

Джейф начинает стричь или, точнее, кромсать мои волосы. Пока он трудится, я зажмуриваюсь. Ну почему я просто не распорола себе щеку и не избавила себя от этого кошмара?

Наконец Джейф останавливается и включает фен. Он не берет щетку, чтобы уложить мне волосы, как делал это со всеми остальными. Он просто водит жарким воздухом по моему скальпу небрежными кругами и взад-вперед, словно сдувает с газона опавшие листья. Я открываю глаза.

Я стараюсь сделать вид, будто довольна, но это невозможно. Волос у меня на голове почти не осталось. Они лежат на полу, смешались с волосами прочих клиенток Джейфа. Может, если он даст мне немного

времени, я сумею выбрать мои, забрать с собой и дома как-нибудь приладить на место?

Стейси поднимает глаза с соседнего кресла, куда устроилась, старательно игнорируя Джиффа. И разражается хохотом. Мне хочется запустить ей в голову полной банкой Tab.

Бэбс звонит Джиффу, как только мы переступаем порог пентхауса, чтобы сказать, как гениально все получилось. Невзирая на тот факт, что салон уже закрыт, он сразу берет трубку. Наверное, ждал ее реакции.

– Девчонка-сорванец, – говорит Бэбс. – Джин Сиберг в «*A bout de soufflé*»^[5]. Ты превзошел самого себя, детка.

Я понятия не имею, кто такая Джин Сиберг, и я точно не хочу прическу, как у нее.

Бэбс ерошит мне волосы. Заканчивая разговор, она выводит кружки большим пальцем у меня на лбу.

– Браво, дружок, – говорит она, щебеча в трубку. – Открытка будет потрясающая. К черту «Поворотный пункт». Придумаем что-нибудь другое. Эта прическа такая охрененно классная!

Мне хочется радоваться комплименту, но в глубине души я спрашиваю себя, не завладела ли ее вниманием только потому, что ей нравится, как меня покалечили.

2. Мак

Ноябрь 1979

А потом появляется Мак.

Бэбс встречалась со многими мужчинами, но Мак – первый, кто протянул дольше месяца. Наверное, потому, что он вправду красивый, но Бэбс позднее объясняет мне, что он «долбаный гений» в постели.

Я знакомлюсь с ним в самом начале их романа. Однажды вечером Бэбс идет на какой-то благотворительный бал. Бал дают ради «благого дела», которое ее не интересует: помочь больным бездомным, или спасение вымирающих животных, или еще что-то полезное, в результате чего не построят здание и не назовут его в твою честь, сколько денег им ни отвали. Но она все равно идет – отчасти ради пакетов с подарочной всячиной. «Обожаю хорошую халеву», – обычно говорит она. На такие мероприятия она никогда не берет с собой спутника – она «любит быть открытой для нового».

Я сижу у себя в комнате и читаю книжку из серии «Маленький домик в прериях». Чуток детская для меня, но я в восторге от того, как там члены семьи ладят друг с другом. Они живут в тесной хижине и почти все необходимое покупают в одном-единственном магазине.

Я начинаю думать, а вдруг наши с Бэбс проблемы – в пентхаусе и в том, что, отправляясь за покупками, она почти никогда не берет меня с собой. Около одиннадцати вечера я слышу звук поднимающегося лифта. Я не ожидала, что Бэбс вернется так скоро. Обычно после вечеринки она отправляется на дискотеку.

Я решаю спуститься на нее посмотреть. Люблю, когда Бэбс разряжена. Она так ослепительна, что я не могу поверить, что она моя мама. Когда она уходила, я обедала и упустила шанс попрощаться. Спускаясь по лестнице, я слышу два голоса: Бэбс и какого-то мужчины. Голоса сплетаются, накладываются, но не вторгаются друг в друга...

– Экскурсия... – говорит голос Бэбс.

– Да, – смеется мужчина.

– Какая я скверная хозяйка. Сейчас налью тебе скотч...

– ...Если я его хочу. Нет, спасибо...

– ...Если ты не за этим пришел...

– И?

– И?

Они оба смеются.

- Ты на ночь останешься, о горемычный? Перемоем им кости?
- Да, пропустил последний поезд в Грасс-вудс.
- И будешь за это наказан. А женушка где? Неужто ты безобразник?
- Забрала машину. Голова разболелась.
- Какая жалость.
- Может, и нет.

Смех.

Смех.

Тишина.

Когда я, наконец, добираюсь к подножию лестницы, Бэбс и мужчина, с которым она разговаривала, целуются. Его руки гладят ее спину, ходят вверх-вниз, вверх-вниз, обхватывают ягодицы. Его ладони скользят по ткани с металлическим шорохом, ведь на Бэбс голубое, расшитое бисером платье в пол. Я знаю, что оно от Билла Бласса, потому что однажды она устроила мне экскурсию по своей гардеробной и научила, как распознавать самых крутых дизайнеров. Мужчина на несколько дюймов выше Бэбс, на нем – смокинг. Когда они отодвигаются друг от друга, за те несколько секунд, пока никто не произносит ни слова, я замечаю золотые запонки и понимаю, что смокинг у него не из проката.

– Беттина, милая! – с энтузиазмом восклицает Бэбс. – Хочу тебя познакомить с одним моим другом.

В ее тоне нет ни тени неловкости от того, что я их застала. Бэбс никогда не смущается. Скорее всего, она счастлива, что я видела, как она целуется с таким красивым мужчиной.

– Это мистер Морс, – говорит Бэбс, и я подхожу пожать ему руку.

– Брось, Бэбби, у нас тут не школа хороших манер. Просто Мак.

Меня охватывает приятное, теплое чувство, потому что, когда взрослые просят называть их по имени, можно подумать, что они зовут тебя поучаствовать в их делах. Нет, конечно, он едва ли намеренно позволил бы мне смотреть, как он целуется с Бэбс, но вдруг мне разрешат побывать с ними, пока они будут пить по рюмочке на ночь?

– Приятно познакомиться, Мак, – говорю я. Мне правда приятно вложить руку в его теплую ладонь.

«Мак» легко и мягко соскальзывает у меня с языка, но, когда я смотрю на Бэбс, у меня пересыхает во рту, даже само имя скучоживается. На такой обмен любезностями она разрешения не давала.

– Манеры, Мак. Манеры. Ей не сорок, а одиннадцать.

Не знаю, может, мне надо начать знакомиться съзнова? Но Мак

невозмутим. Не обращая внимания на Бэбс, он подмигивает мне.

– Моему сыну Хейлеру тоже одиннадцать. Прекрасный возраст.

Не знаю, что уж тут прекрасного, но я поражена, как легко он ринулся с места в карьер без одобрения Бэбс. Я в жизни не видела ни одного взрослого, который решился бы говорить со мной, если это выведет из себя Бэбс.

Я киваю. Интересно, как далеко он зайдет?

– Я познакомился с твоей мамой, когда нам еще и одиннадцати не исполнилось. Мы вместе учились в школе в Грасс-вудс. И мы с моей женой Мэгс купили дом, в котором твоя мама выросла. Тебе как-нибудь стоит приехать на него посмотреть.

Какой странный поворот, какой вообще странный разговор... Как он может встречаться с Бэбс и при этом говорить о своей жене? Может, это как-то связано с его внешностью? Пусть Мак взрослый, но я все равно поражена, какой он красивый. Глаза у него такие голубые, как голубое фруктовое мороженое, которое продают только летом, а еще у него чуть взлохмаченные золотисто-русые волосы. Ростом он около шести футов двух дюймов, но, в отличие от Бэбс, рост у него не пугающий. Нет, он скорее вызывает обожание. Если я обниму его за шею, уверена, он меня не оттолкнет. Ему, наверное, все и всегда с рук сходит.

Но я удивлена, что он рискует не подчиниться Бэбс. Особенно, если так давно ее знает. Я смотрю на нее. Она закурила и стряхивает пепел на пол. Смотрит на него в упор, решая, что делать дальше. Она хватает его за руку, притягивает его к себе и целует в шею.

– Отпусти малышку спать, Мак. Я же знаю, тебе хочется скотча.

Он поворачивается к ней и смеется.

– Слушаюсь и повинуюсь, мадам...

Улыбнувшись мне, он идет за ней в гостиную. Я смотрю им вслед.

Поздно-поздно той ночью Бэбс приходит ко мне в комнату. Когда она меня будит, я думаю, она хочет похвастаться Маком и тем, как хорошо они провели время, но она говорит:

– Заруби себе на носу. Когда пытаешься флиртовать с моим ухажером, ты не выглядишь не погодам развитой, ты выглядишь попросту глупо. Мак – человек воспитанный, а потому будет терпеть твои глупости. Но руки прочь. Просто чтобы не выставить себя дурой. Поняла?

Я начинаю было объяснять, потом просто киваю. Она-то уже за порогом.

В теории мне полагается добавлять Бэбс привлекательности, а не

наоборот. Благодаря мне у нее есть дом и семья, и биологические часы у нее не тикают. Ей перевязали трубы сразу после того, как я родилась. До родов врач ей возражал. Говорил, мол, ему не по себе, мол, не хочет делать такую радикальную операцию такой молодой женщине. Но «шоколадные деньги» в конечном итоге победили. Бэбс пожертвовала миллион долларов, чтобы от фундамента до крыши отремонтировать родильное отделение, и теперь ее матка раз и навсегда под замком.

В конце ноября Бэбс и Мак ссорятся. Когда я просыпаюсь наутро, то сразу понимаю: случилось что-то дурное. Атмосфера в пентхаусе переменилась. Сам воздух как будто стал тяжелым и затхлым, как в шкафу, который давно не открывали. Я роюсь в памяти, что такого могла сказать, какие такие мелкие проступки и пакости совершила. Но в конечном итоге это бесполезное занятие. Если Бэбс хочет на меня злиться, она всегда найдет причину.

Тем вечером за обедом она рассказывает мне, что случилось. Ко мне это не имеет отношения. Слава богу.

— Беттина, — говорит Бэбс, — урок этикета. Мак безнадежен, когда доходит до подарков. Представь себе. Вчера ночью я стою на четвереньках, жду, когда Мак трахнет меня в зад. Он достает из дипломата смазку. Я с самого начала дала ему понять, что, если он желает анального секса, пусть сам смазку покупает, я ему не склад. Пока он роется в поисках тюбика, я вижу коробочку, завернутую в глянцевую белую бумагу и со смешной такой маленькой открыткой. Первая ошибка: никогда не прикрепляй открытку к важным подаркам. А потом по лавандовому бантику на свертке я догадываюсь, что он взаправду ходил в Guillard. В долбаный ювелирный Guillard! Так предсказуемо. Там же сплошной мусор продают. Но я понимаю, он хотел как лучше, приложил усилия, поэтому решаю спустить все на тормозах и только беспечно роняю: «Кто-то ходил за покупками».

Я понятия не имею, что такое смазка, но уверена (слишком уж быстро и чересчур громко Бэбс все повторяет и повторяет «Долбаный Guillard»), что все пошло не так, как планировалось. Подарок был не для нее.

— Мак говорит: «Да, у Мэгс скоро день рождения». Слава богу, думаю я. Нет, правда. Не придется открывать дурацкую шкатулку и не выдавливать всякие там наигранные «спасиочки». Пора возвращаться к насущным делам. Но от упоминания о подарке у него пропала эрекция. Я решаю дать ему передохнуть и говорю только: «Плевать мне, для кого он. Мне просто хочется знать, что там». А он в ответ: «Ожерелье из таитянского жемчуга». Но я-то знаю, что у него капусты не хватит купить

что-то путное. Такое, что выведет из себя других женщин, когда Мэгс это наденет. Готова поспорить, чертова побрякушка в кулачке у нее уместится. Все становится скучным, поэтому я щелкаю пальцами и говорю: «Хватит!» Он возвращается в постель. Я решаю перекатиться, забросить ему ноги на шею и крепко сжать. Он натирает свой член гелем, и я ввожу его себе во влагалище. Мой анус теперь вне доступа. Пусть-ка дома попробует.

На следующий день Бэбс идет в ювелирный магазин и покупает себе жемчужное ожерелье с бриллиантами. Едва переступив порог, она мне его показывает. Жемчужины огромные, как серые градины, а бриллианты – как яркие лучики серебряного солнца, которые распорют тебе шею, если наденешь слишком быстро.

Дав мне подержать ожерелье, она заговорщицки говорит:

– Вот какие жемчуга полагается получать в подарок. Если мужик не может их себе позволить, пусть дарит букеты.

На следующее утро я поздно спускаюсь к завтраку. Наша повариха Лили варит мне овсянку с корицей. Лили я люблю больше всех на свете. Даже больше Брук Шилдс. Она черная, выросла в Теннесси и всегда называет меня «сахарок». Волосы у нее черные, с седыми прядями. Она полная и плотная, и лицо у нее некрасивое, но если бы мне позволили выбирать себе маму, я выбрала бы Лили. Лили работает в нашей семье с тех пор, как Бэбс исполнилось восемнадцать. Она – единственный человек, кто не боится Бэбс. У нее есть Иисус.

Я сажусь за пустой стол. Стейси разрешено спать допоздна, потому что я сама могу одеться и на автобусе поехать в школу. Лили подходит ко мне и говорит:

– Твоя мама уехала на несколько дней. Она отправилась с мисс Талли в Париж.

Талли пришла на смену Энди, и хвала за это небу. Талли надо мной не насмехается, и вообще она ничего. У нее есть дочь, которую зовут Фрэнсис. Мы одного возраста, и она тоже милая.

Поездка Бэбс для меня сюрприз. Обычно Бэбс начинает обсуждать путешествие задолго до его начала, показывает мне карты и рестораны в справочнике «Мишлен», которые обвела кружком. Как-то она мне сказала, что однажды возьмет меня с собой в Лондон. На «Конкорде». Она не сказала когда, но я до сих пор возбужденно предвкушаю.

– Когда она вернется, Лили? – спрашиваю я.

– В пятницу или субботу, наверное, – отвечает Лили, убирая со стола мою тарелку.

Это особое баловство, ведь Бэбс всегда заставляет меня мыть за собой посуду. Когда она «уезжает в путешествие», для меня наступают мини-каникулы. Мы с Лили играем в карты и читаем ответы на письма читателей в колонке Энн Лэндерс. Стейси тоже довольно мила со мной. Она позволяет мне мастерить ей пепельницы из блесток, клея и старых банок из-под «Маунтин Дью». Мы даже смотрим вместе телевизор.

Как бы я ни развлекалась, я все равно скучаю по Бэбс. С нетерпением жду ее возвращения.

Тем вечером Лили заглядывает ко мне в комнату пожелать доброй ночи. Едва она уходит, я прокрадываюсь в спальню Бэбс. Я люблю трогать ее вещи. Воображать себя ею.

У Бэбс персиковый период. Ее комната полнится этим цветом. Персиковый не вполне укладывается в цветовую палитру Бэбс. Слишком приглушенный. Наводит на тошнотворную мысль о плодах. Но персиковый – более утонченный, чем оранжевый. Он обходится дороже, и большинство женщин, когда они обставляют спальни, о нем даже не вспоминают.

Покрывала на кровати Бэбс – шелковое. Мои пальцы беззвучно и легко скользят по нему, когда я вывожу какие-нибудь узоры, обычно мое имя. Подушки и простыни у нее – от «Лерон». Один комплект постельного белья стоит как свадебное платье. Все постельное белье – с красивым растительным орнаментом, а еще на него нашиты именные ленточки «Бэбс». Наша горничная Делайла меняет и гладит его два раза в неделю, но от него все равно пахнет Бэбс. Я ложусь на ее кровать и почти сразу засыпаю.

Позже меня кто-то будит. Даже не прияняв себя окончательно, я пугаюсь. Инстинкт.

Но на сей раз это не Бэбс. Это Мак. Он мягко гладит меня по голове. Терпеливо ждет, когда я вынырну из сна. Совсем не похоже на Бэбс, которая просто выдергивает меня из забытья всякий раз, когда приходит ко мне в комнату поболтать после полуночи.

Мак. Я впервые с ним наедине.

Он так часто бывает в пентхаусе, что швейцар просто его впустил. Даже не позвонил наверх предупредить. Я удивлена, что проспала его приход. Обычно я сразу понимаю, что он пришел к Бэбс. Он словно бы вбирает в себя всю энергию вокруг, отвлекает от меня. Ночи Мака – единственные, когда я способна полностью расслабиться. Пока Мак в пентхаусе, пока он мнет простыни Бэбс, она занята и искать меня не станет.

Я открываю глаза, медленно моргаю. Мак легонько касается моего

плеча. Я сажусь. В комнате полутемно, но кое-что разглядеть можно. Свет из коридора падает на кровать, разбивая тьму на отдельные силуэты. Мак наклоняется ко мне так близко, что наши носы почти соприкасаются. Я щекой ощущаю его дыхание. Глаза у меня щиплет. Наверное, он пил.

На Маке плащ цвета хаки. В руке дипломат. Синий костюм, белая офисная рубашка. Невзирая на поздний час, его одежда выглядит свежей и отутюженной. Возможно, это фокус, доступный лишь людям с большими деньгами. У Мака они «старые». Безымянные. В отличие от денег Бэбс, у него денег нет имени или титула. Они просто старые, точно лежат где-то на чердаке. Пыльные, но ценные.

Я смотрю на него снизу вверх. Он красивее любого актера в кинофильмах. Он проводит рукой по волосам, немного их ероша. Непроизвольный мелкий жест, который так раздражает Бэбс. «Если ему нужно занять чем-то руки, пусть закуривает, мать его». А мне нравится смотреть, как он так делает. Словно он знает, что человек не вправе быть таким красивым, и пытается придать себе недостатков. Дать и другим шанс.

– Где Бэбс, малышка? – начинает Мак.

Я уже до мелочей знаю его интонации. Я знаю, как он просит Бэбс налить ему выпить, знаю хрипловатые рулады, какие он выводит, когда они с Бэбс занимаются сексом. От того, что, разговаривая со мной, он теперь называет ее не «твоя мама», как в день нашего знакомства, а Бэбс, мне становится грустно. Теперь даже он знает, что Бэбс может быть – всегда и только – Бэбс. Она никогда не меняется, даже ради меня. А еще мне не слишком нравится обращение «детка». Из его уст оно звучит не ласково, нет, это – просто ленивое словечко, которое он вворачивает, когда разговаривает с девочками, которые ничего для него не значат.

– Она вот уже несколько дней не отвечает на звонки, – продолжает он. – Я начал волноваться.

Я хочу сказать, что Бэбс не из тех, за кого волнуются, но говорю только:

– Ее тут нет.

Я боюсь, что, если сразу выдам слишком много информации, он уйдет.

– А где она? – спрашивает Мак.

– Она на тебя злится, – говорю я, надеясь так выиграть еще немного времени.

– Почему?

– Из-за той ночи. Когда ты купил подарок.

– Не понимаю.

Эпизод с ожерельем превыше его понимания, зато я привлекла его внимание.

– Откуда ты знаешь?

Я скатываюсь с кровати, достаю из ящика туалетного столика жемчуга Бэбс. Приношу их ему.

Уехав в Париж, Бэбс оставила ожерелье дома. Я нашла его свернувшимся змейкой в ящике туалетного столика. Брошено среди щеточек для ресниц и тюбиков помады, как забытая нитка бус с карнавала Марди-гра. С тех пор как она уехала, я навещала ожерелье дважды. Я хочу его примерить, но боюсь сломать застежку. Я осторожно касаюсь жемчужин. Они гладкие и холодные – как замороженные виноградины.

Я не удивилась, что нашла жемчуга в ящике. Бэбс, скорее всего, никогда их не наденет. Какое бы удовольствие они ей ни принесли, оно выдохлось, едва продавец вернул ей кредитную карточку и улыбнулся следующему покупателю. На взгляд Бэбс, в жемчугах нет ничего сексуального. Какими бы дорогущими ни были эти, они не способны царапать и резать, как другие драгоценные камни. И еще жемчужины окружлые. Слишком женственные. Слишком пассивные. Подвержены воздействию духов, хлорки, острых предметов, которые оставляют царапины. Бэбс считает жемчуг глупым.

– Видишь?

Сев, Мак берет у меня ожерелье, держит за конец, прикидывая вес. Точно это животное, которое она убила.

– То еще ожерелье. Как по-твоему, почему она злится на меня, если пошла и купила себе такое? Я бы сказал, она сделала это на радостях.

Мне хочется сменить тему, но что еще может его заинтересовать? Будь я достаточно взрослой, я могла бы подставить губы для поцелуя. Но он сидит тут со мной только потому, что хочет понять Бэбс.

Мак так занят попытками разобраться, почему Бэбс уехала, оставил вместо себя одиннадцатилетнюю девочку, что тоже не нарушает молчание. Он касается наручных часов. У часов круглый циферблат, черные римские цифры и черный ремешок из крокодиловой кожи. В ремешке – там, где проходит штырек пряжки, – промялась ложбинка.

Наконец-то! Вот о чем можно поговорить.

– Можно посмотреть твои часы?

Сняв, он протягивает их мне. Я их надеваю. Часы тяжелые и огромные у меня на запястье и прокручиваются, как браслет. Часы Мака словно бы и мне придают приятную весомость. Больше всего на свете мне хочется оставить их себе. Но почему-то я знаю, что без них он из пентхауса не

уйдет.

Я снимаю часы, переворачиваю циферблатом вниз. На задней крышке надпись: «11 апреля 1966. МГМ & МТМ».

– Мне их подарили, – поясняет Мак, видя, как я пытаюсь разгадать смысл букв.

– На день рождения? – спрашиваю я, зная, что день рождения у Мака в августе. На следующий день после Бэбс.

– Когда я женился.

– Твоя мама? – Теперь я делаю вид, что мне одиннадцать, хотя мне и правда одиннадцать.

– Моя жена. – Он почти морщится, произнося последнее слово.

На краткий миг мне кажется, что он сейчас взаправду скинет ботинки... Ляжет на кровать и заснет со мной. Позволит держать себя за руку. Может, он тоже будет держать меня за руку. Грудь у него такая широкая, отутюженный воротничок рубашки такой свежий, я просто уверена, что от него пахнет весной. Мне хочется зарыться головой в его рубашку и задремать, пусть только на часок.

Но он встает, застегивает плащ, подхватывает с пола дипломат. Наклоняется и целует меня в макушку.

– Спокойной ночи, детка. Если Бэбс будет звонить, скажи, я по ней скучаю.

Я шепчу:

– Доброй ночи, Мак.

И он выходит за дверь.

После его ухода я нахожу на кровати четвертак. Монетка блестящая, словно только что отчеканенная. Это не часы, но хоть что-то. Мак мне ее не дарил, но и я ее не крала. Это обмен, порожденный мгновением.

Я храню этот четвертак почти полгода, потом теряю.

3. Отцовский завтрак

Декабрь 1979

Каждый год в начале декабря шестой класс Чикагской Начальной устраивает «отцовский завтрак». Папаш приглашают прийти перед началом уроков в школьный кафетерий и полакомиться блинами, вафлями, беконом и булочками с корицей. Ученики украшают столовую красными и зелеными бумажными розетками и собственноручно нарисованными портретами своих пап. В тот день, когда нам полагается их рисовать, я раздумываю, как бы мне отвертеться.

Моя классная руководительница Уэндолин Хендерсон ходит по комнате, раздает белые заготовки, чтобы было с чего начинать. Она и мне дает, не зная о моей дилемме. Все остальные мальчики и девочки вокруг меня берут фломастеры и приступают. Уэндолин возвращается к своему столу мимо меня.

– Тебе тоже пора пошевеливаться, Беттина, – говорит она мне с истинно учительским апломбом.

«Как это, мне пошевеливаться?» – хочется спросить, но я отвечаю лишь:

– Извините, я не могу.

– Это еще что такое? – переспрашивает она. – Не важно, что в твоей семье ситуация нестандартная.

– Э? – переспрашиваю я, а потом до меня доходит, что она, наверное, думает, что мои родители в разводе. Я решаю огорочить ее правдой:

– У меня нет папы.

Теперь Уэндолин начинает закипать, поскольку думает, что я придуриваюсь.

– Он умер? – спрашивает она без тени эмоций. Просто пытается установить факты.

– Точно не знаю, – честно говорю я.

Уэндолин смотрит на меня раздраженно. Она считает, что я просто пытаюсь привлечь к себе внимание.

– Тебя удочерили? – подбрасывает она.

– Нет.

– Ну, тогда у тебя должен быть папа, – говорит Уэндолин, точно никаких других вариантов быть не может.

– Наверное, – признаю я, – но я не знаю, кто он. Моя мать никогда мне

про него не рассказывала.

Школа – единственное место, где я называю Бэбс «моя мать». Уэндолин не перенесла бы, что я называю ее «Бэбс». Как сейчас не может перенести отсутствие папы.

– Гмм, – тянет Уэндолин, все еще не веря моему ответу. Но у нее на руках еще двадцать детей. Она не может и дальше тратить на меня время. Подумав минуту, она находит решение, – мне сразу видно, что она им гордится.

– Всегда можешь пригласить маму, – говорит она.

Мне не хочется объяснять ей, что Бэбс раньше полудня не встает. И уж точно не сделает исключение ради завтрака в школьном кафетерии. Я делаю вид, будто пригласить Бэбс гениальная мысль. Взяв фломастер, начинаю трудиться над приглашением.

Некоторое время спустя Уэндолин возвращается проверить, как у меня дела. Увидев портрет Бэбс, она одобрительно кивает. Бэбс мне в лицо рассмеется, если я принесу такое домой. Когда Уэндолин отворачивается, я комкаю лист и выбрасываю в корзину.

Уроки закончились, я застаю Бэбс в гостиной, она курит свои *Duchess Golden Lights*. Ничем больше не занята. Курение – само по себе серьезное занятие.

Мне не хочется ее прерывать. Я мешкаю в коридоре.

Курящая Бэбс – просто роскошное зрелище. Бэбс далеко не спортсменка, но то, как она обращается с сигаретой, напоминает мне теннисистов Уимблдона с их ракетками. Каждый июнь мы с ней сидим дома и смотрим турнир по телевизору.

Когда Бьерн Борг тянется навстречу мячу в подаче, он тянется всем телом, весь свой вес вкладывает в удар и, ударив в одну ему ведомую точку, посыпает мяч через сетку ровно в тот участок поля, куда хочет попасть. Когда Бэбс берет сигарету, она не горбится над ней, чтобы скорее затянуться. Она открывает сигарете каждый дюйм своего тела, и любой, кто смотрит, может переживать ее ощущения вместе с ней. Она вставляет сигарету между губ, делает глубокий вдох и втягивает дым глубоко, глубоко в легкие. Затем – легкая дрожь удовольствия, когда никотин попадает в кровь, но она абсолютно владеет собой, когда выдыхает. Равномерно. Несспешно. Ровно. Сам вид того, как она выдыхает сладкую смесь дыма и воздуха, которую алхимическим путем создала внутри себя, действует опьяняющее.

Я подхожу ближе. Увидев меня, она произносит:

– Беттина! Как школа?

Приглашение поболтать. Тон веселый. Я им упиваюсь, сажусь к ней на диван.

Возможно, Бэбс рассмеется, услышав, какое ошарашенное лицо сделалось у Уэндолин Хендерсон, когда я рассказала про папу. Бэбс ненавидит Уэндолин. Говорит, что она недотепа, не способная понять нашу вселенную. А еще Уэндолин толстая. Два очка не в ее пользу.

– Нам велели рисовать приглашения на Папин завтрак, и мисс Уэндолин не верит, что у меня нет папы.

– Если отбросить полное отсутствие у Уэндолин воображения, конечно, у тебя есть пapa, Беттина. Ты просто не знаешь, кто он.

– Почему ты мне не рассказываешь? Ну, пожалуйста? – рискую спросить я, хотя и помню, что в прошлом подобные вопросы ни к чему не приводили. Сегодня я ничего не могу с собой поделать. То, как усердно мои одноклассники рисовали свои приглашения, меня проняло.

– Не могу, Беттина. Мы условились, что сохраним это в тайне.

Столько информации я еще никогда от нее не получала. Он знает о моем существовании! Интересно, может, он пapa кого-то в Чикагской Начальной и не хочет рисковать своим браком?

– Но я никому не скажу. Честное слово. Я просто хочу знать.

– Я уже тебе говорила. Это просто не твоё дело.

Если это и чье-то дело, то уж, конечно, мое. Я чувствую, как на глаза мне наворачиваются слезы. От знания меня отделяет всего одна фраза, но Бэбс непреклонна. И я не могу придумать ничего такого, что вынудило бы ее рассказать. Я правда очень хочу, чтобы у меня был пapa, который пришел бы со мной на завтрак.

Бэбс видит, что я расстроена, и – необъяснимо – не насмехается надо мной. Она берет меня за руку, и мы вместе поднимаемся к ней в спальню.

– Вот, с этим ты почувствуешь себя лучше, – говорит она.

Выдвинув ящик туалетного столика, она достает что-то вроде серебряной монеты. Протягивает ее мне.

Это медаль, на одной стороне – барельеф двух грифонов, а вокруг них надпись латинскими словами. На обратной стороне написано: «Первая премия за сочинение на латыни, 1958». Медаль у меня на ладони кажется увесистой, я провожу пальцем по грифонам.

Я не решаюсь о чем-либо спросить из страха, что Бэбс передумает и заберет назад подарок. А она говорит:

– Он получил премию за латынь, когда учился в старших классах.

Медаль – ценная для меня валюта. До сих пор я не видела ничего, что

когда-либо принадлежало моему отцу, и, возможно, она – ключик к тому, как потом его отыскать. В одиннадцать лет у меня еще нет ресурсов, чтобы начать поиски. Возможно, поэтому Бэбс мне ее дала.

– Спасибо, – говорю я, точно медали достаточно. Словно она может пойти со мной на отцовский завтрак.

Будь Бэбс иного типа матерью, в этот момент мы обнялись бы. Но я границы знаю. Однако, может, я сумею попросить еще кое-что.

– Ты пойдешь со мной на завтрак, Бэбс?

– Ты же знаешь, что я никогда не завтракаю, Беттина. – Теперь тон у нее разобиженный, почти оскорбленный.

Я правда не хочу быть на завтраке одна. Мне приходит в голову абсурдная мысль, но вдруг она сработает?

– Можно мне попросить Мака?

– Что? – переспрашивает она, словно я спросила, можно ли съесть ее сигарету.

– Ну знаешь, Мака...

– Да знаю я, кто такой Мак, черт побери. Конечно, ты не можешь его попросить. У Мака собственный дурацкий сын есть, и мы не в сериале «Остров фантазий»^[6]. Он не твой папа, и чем скорее ты выбросишь эту чушь из головы, тем счастливей будешь.

– Я не стану говорить, что он мой папа. Скажу, что он друг семьи. – Этот сценарий просто засел у меня в голове.

– Мак – не друг семьи, Беттина. Он даже мне не друг. Мы трахаемся, вот и все. Мы даже не завтракаем вместе. Он едва знает, кто ты такая. Point finale^[7].

Я не рассказывала Бэбс про нашу с ним ночь. Как бы мне ни хотелось, чтобы Мак со мной пошел, речь тут о том, чтобы со мной был взрослый. Я буду выглядеть круглой идиоткой, если приду одна.

Словно прочтя мои мысли, Бэбс говорит:

– Родители в Чикагской Начальной не в счет. Они просто сортире придурков средней руки. Ты могла бы пойти одна. Но у тебя кишит тонка.

Тут она права.

Потом Бэбс находит решение. Тоскливо в лучшем случае решение, но оно избавит меня от полного унижения.

– Почему бы тебе не позвать Стейси? Я, черт побери, плачу ей гораздо больше, чем она заслуживает, а пока ты в школе, она ничем не занята, только смотрит глупые сериалы и учится красиво курить перед зеркалом.

Я не люблю Стейси, но она все же лучше, чем вообще никто. Но

трудно будет объяснить Уэндолин, кто она такая. Почти ни у кого из моих одноклассников нет нянь. У некоторых есть, но только потому, что родители работают, и даже тогда они называются «приходящими». Они потому и приходящие, что не на все времена, только пока папа с мамой не вернутся. И вообще, папы найдут время прийти на завтрак. Пусть даже придется пропустить пару совещаний. Привести с собой Стейси – все равно что прийти со швейцаром.

Но, разумеется, я приглашаю с собой Стейси. А она как будто на седьмом небе, что может выйти в свет и подменить Бэбс. Узкие джинсы и растоптанные кеды она сменяет на старое красное шелковое платье – обноски Бэбс. Я почти тронута, что Стейси пришло в голову принарядиться.

В кафетерии сладко пахнет сиропом и сахаром. Пока мы идем вдоль стойки раздачи, нас обслуживают семиклассники. Невзирая на все мои тревоги, ученики так взволнованы, что они тут с отцами, даже не замечают, я привела с собой нянью двадцати одного года. И, в отличие от матерей, отцы в Чикагской Начальной не запомнят этот факт, чтобы после вволю посплетничать. Нет, папы думают о своих детях и о том, как бы вернуться скорее на работу. Но Уэндолин замечает, и на сей раз ей вроде бы действительно меня жаль.

4. Секс в нашем доме

Январь 1980

Той зимой Бэбс спит с Маком чуть ли не каждую ночь. Он постоянно бывает в пентхаусе. Приходит он поздно ночью, уходит рано утром. Мне полагается спать, но в «ночи Мака» я сижу под дверью своей комнаты и слушаю.

Они уже не ограничиваются ее спальней, а начинают прямо на задней лестнице. Видимо, она идет под самым подходящим углом. Пока Мак и Бэбс ползут вверх в ее комнату, я слушаю мерное сопение Мака, перемежающееся бранными выкриками Бэбс: «Охренеть! О... черт! Вот так! Еще, мать твою!» Когда дверь Бэбс закрывается со щелчком, я занимаю их место на лестнице. Обычно Мак оставляет после себя рубашку. Позже Бэбс говорит мне, что ей нравится сосать его соски.

Я провожу ладонями по манжетам рубашки, одну за другой ощупываю пуговицы. Иногда я осыпаю их крошечными поцелуями, стараясь не оставить на ребрышках слону, чтобы не было отметин там, где им быть не положено. От рубашек Мака так приятно пахнет. Запах не давящий и не навязчивый, как от духов Бэбс, нет, от них пахнет просто чистотой и чем-то древесным, вроде мха. Я знаю, что сама я пока ничем не пахну. Я всегда испытываю искушение снять ночнушку и голышом завернуться в рубашку. Мне просто хочется почувствовать, что какая-то часть мужчины, который спит с моей матерью, принадлежит мне.

Но я никогда не решаюсь. Если Бэбс когда-нибудь поймает меня на том, что я трогаю вещи Мака, она просто рассмеется и скажет: «Ах ты боже мой» – на псевдожалостливый лад. Словно поймала меня на попытке облизывать апельсины на обоях в уборной ресторана.

После обеда, когда Лили убирает наши тарелки, а Стейси уходит к себе в комнату, Бэбс рассказывает мне почти все, что они делают в те夜里.

– Беттина, – говорит она, – то, что происходит между мной и Маком, весьма поучительно. Тебе нужны детали, а не то пресное дерымо, которым вас пичкают в школе.

Мне на самом деле не хочется знать деталей, но Бэбс все равно пускается в их изложение:

– Когда настанет время тебе заниматься сексом, я не хочу, чтобы ты сидела, сложа руки в полном, черт побери, недоумении. Оральный секс очень важен. Немного терминологии. Когда мужчина ласкает твой клитор,

тебе следует называть это «ублажать естество». Минет, конечно, так себе словечко, но никогда не говори «отсосать», это вульгарно. Сосать, конечно, следует, но не все же время. Можно сказать «играть на кожаной флейте» или что-нибудь в таком духе.

Интересно, может, мне следует конспектировать?

Бэбс продолжает:

– Помни, что каждый мужчина исключителен и не похож на всех остальных. Нельзя лениться и пользоваться заученной формулой. Возьмем, к примеру, Мака. Он предпочитает, чтобы лизали, а не сосали. Но только не в самом конце, когда он вот-вот кончит. Тогда он хочет, чтобы его член обрабатывали, как младенческую соску.

Она тянется за сигаретой. Мне не нравится мысль о пенисе Мака во рту Бэбс. Я беспокоюсь, что однажды она выйдет из себя и его откусит.

– Тебе нужно найти мужчину, который знает, как ласкать клитор. Так женщине легче всего кончить. Но мужики, у кого есть хотя бы толика сноровки в этой области, встречаются реже, чем принято думать. Мак, слава богу, точно знает, где находится клитор и не пасует, когда до него добирается. Многие мужчины ненадолго задерживаются на клиторе, они считают, что должны, но явно предпочли бы делать что-то другое. Сосать тебе грудь или лапать за задницу. Никогда не трать время на мужчину, который боится пристроиться ртом у тебя между ног и выдать по полной. Мак ласкает меня, пока у меня не случается два-три оргазма. Ни одна уважающая себя женщина не должна довольствоваться меньшим. Это просто леность.

В другую ночь Бэбс делится новыми подробностями своей сексуальной жизни. Рассказывает, что они часто сбегают из пентхауса и едут в «Хопсеквеску», загородный клуб Мака в Грасс-вудс.

– Весь клуб принадлежит нам, кроме нас, там никого, – объясняет Бэбс. – Мак останавливает свой гольф-кар в лесу около песчаной ловушки у восьмой лунки. На мне костюм для тенниса. Мои ноги выглядят замечательно, и Мак может легко задрать юбочонку. На нем самом его скучный спортивный костюм: штаны хаки, вышитый шерстью ремень. Рубашка на пуговицах. Мокасины с петелькой^[8] на босу ногу. И опять же дурацкие пенни, – продолжает она, – дурацкие бреннеровские монетки девятьсот девятого года^[9]. Их ему дед подарил на четырнадцатый день рождения. Перед тем, как он уехал учиться в Кардисс. С тех пор он вставлял их в каждую пару. Подумать только, сентиментальность в обуви! Какая дурь!

Мне не нравится слушать какую-либо критику в адрес Мака. Особенно по поводу чего-то столь тривиального, как его обувь.

В конечном итоге я даже рада, что знаю, что происходит в «Хопсеквеске». Когда тебе одиннадцать и мама рассказывает всякое, кажется, что как раз такое и следует знать.

Но уже в этом возрасте секс меня не пугает. Я от корки до корки прочла «Радости секса» Бэбс со всеми пошлыми рисунками голых взрослых. Повсюду волосы из подмышек и лобковые волоски. Я – не из тех тупых ребятишек, которые считают, что взрослые делают друг другу больно, когда стонут, или пугаются, если взрослые вопят, когда кончают. На самом деле я много что знаю про оргазмы. Перед тем как ложиться спать, я каждый вечер мастурбирую в ванне.

При всей своей проницательности Бэбс пока не поймала меня за этим занятием, которое я называю «ловить кайф», – только много позднее я узнаю, что не вполне верно употребляла это выражение, слова «кайф» и «под кайфом» как-то связаны с наркотиками. Нет, осуждать меня Бэбс не будет, скорее наоборот. Она, вероятно, сочтет это гораздо лучшим времяпрепровождением после школы, чем балет или степ. Но я не хочу ей рассказывать. Это мой личный секрет.

Насколько мне известно, мой метод специчен. Я вытягиваюсь в ванне, открываю кран и даю струе воды ударять в маленький безволосый холмик у меня между ног.

Из книг мне известно, что влагалище спрятано внутри моего тела и что то место, куда ударяет струя, когда я себя под нее подставляю, это клитор. Но в ванне я прибегаю к собственным словечкам, устанавливаю свои правила. Всю ту область, которой касается вода, когда я мастурбирую, я называю «моим я».

И мой ежевечерний ритуал такой приятный. Мерное давление теплой воды сначала производит легкое покалывание, которое разрастается и разрастается, как воздушный шар, пока не происходит огромный взрыв. Но это не так, как если бы воздушный шарик проткнули, просто он истекает из «моей я», точно поток воды.

В мгновение кайфа я изо всех сил вжимаю ладони в стенки ванны. Удерживаю себя, чтобы невероятная пульсация не заставила меня выпрыгнуть из ванны. Ребенка заносит и выносит. А еще ядерживаю себя на месте, чтобы «моя я» оставалась на месте там как можно дольше, я хочу проверить, насколько острые ощущения я смогу вынести, прежде чем отодвинусь. Понемногу я узнаю, что нет предела тому, сколько кайфов можно поймать. Мой рекорд – четыре.

Если у меня довольно кайфов, я легко засыпаю, сновидения меня не тревожат. Без кайфа я вижу кошмары. В таких снах я обычно голая, сижу, скорчившись на полу, посреди многолюдной «застегнутой» (так Бэбс называет мероприятия, где все в вечерних костюмах) вечеринке. На мне что-нибудь из роскошных украшений Бэбс, например жемчуга, которые Бэбс купила со злости на Мака. Ожерелье тугое и все затягивается, и затягивается у меня на шее. Тут до меня доходит, что меня вот-вот затопчат тяжелые вечерние туфли и остроносые лодочки-стилеты, какие обычно носят взрослые. Они не собираются причинять мне боль, я просто у них на пути. Они идут по моему телу, а я задыхаюсь в ожерелье. После таких снов я всегда чувствую себя уязвимой и только наполовину собой. Мне нужно поймать кайф, и не один, и не два, а как можно больше, чтобы прогнать этот гадкий сон.

Но я абсолютно уверена, что идея ловить кайф родилась не у меня. Меня не отпускает ощущение, что когда Бэбс была беременна мной, то не занималась сексом, а только мастурбировала. А поскольку у нас с Бэбс было одно тело (или настолько близко к этому, ведь тогда одно тело не просто проникает в другое, а по-настоящему плавает внутри другого), то меня убаюкивали ее оргазмы. Теперь я делаю это одна. Своего рода мягкий выход из утробы, моя собственная, вывернутая наизнанку, версия рождения.

Когда вся вода из ванны стекает, я переваливаюсь через край и отдыхаю на коврике, стоя на четвереньках. Обычно я слишком слаба от острых ощущений, чтобы встать на ноги. Я немного выжидаю, чтобы обсохнуть и чтобы не оставить лужу и не поскользнуться на мраморном полу. Потом я ползу к себе в спальню, мои костлявые коленки подкашиваются, когда я наконец добираюсь до кровати.

Пол в моей комнате выстлан ковром из белого искусственного меха, похожего на кроличий, ворсинки у него такие тоненькие и мягкие, как пушок на голове новорожденного. У меня огромная кровать с балдахином, но она решительно не похожа на ту кровать миленькой принцессы, о которой положено мечтать девочкам моего возраста. У нее решетка из зеленых листьев кованого железа, которые словно бы вырастают из столбиков. Листья извиваются, тянутся, превращаются в пугающие плети плюща. Сверху на эту жуткую кровать наброшена белая москитная сетка. Будь моя жизнь мультфильмом, в котором я разговаривала бы с мышами и в друзьях у меня ходили бы поющие гномы, Бэбс была бы крестной-волшебницей, которая сшила эту сетку, чтобы защитить меня от злобных тварей. Печальная правда в том, что сетка – просто креативный штришок,

которым она может похвастаться перед подругами.

Пока мы обедаем, Лили всегда тайком поднимается наверх и готовит мою комнату ко сну. Стейси не дает себе труда побеспокоиться. Лили расстилает мою постель и оставляет на подушке аккуратно сложенную свежую ночную сорочку. Бэбс запрещает мне спать в белье. Она считает, что каждому влагалищу нужно проветриться после целого дня взаперти.

Лили всегда оставляет на моей подушке «Сплаш». «Сплаш» – это комок темного шоколада размером с гальку, обернутый в пурпурную фольгу с золотой буквой «Б». Это мой самый любимый на все времена продукт Баллентайнов, к тому же это самый дорогой шоколад во всей линейке фирмы. Мешочек таких стоит двенадцать долларов.

Невзирая на прославляемый рекламой экстаз от этого дорогущего шоколада, мне не положено им себя баловать. Никогда. Что бы ни случилось, ни при каких обстоятельствах Бэбс не позволяет мне есть шоколад или другие сладости. Она не желает иметь толстую дочь, и я не смею рисковать такой судьбой.

Я всегда старательно разворачиваю оставленный Лили «Сплаш», но никогда не кладу его в рот. Только нюхаю. Я не хочу разочаровывать Лили, поэтому оставляю крохотные частички пурпурной обертки на тумбочке у кровати, чтобы она увидела их утром. Что до самого шоколада, я опускаю окно и швыряю его в ночь.

Иногда я спрашиваю себя, что происходит со всеми этими комочками шоколада. Они ударяют по голове людей внизу, которые идут по Уолтон-стрит, направляясь к Уотер-Тауэр-плейс в кино или обедать? Если кто-то получает таки «голышком» по голове, он думает, что на него накакала птичка или напал злобный сгусток воздуха? Но, правду сказать, мне нет до этого дела. Я с кайфом и без «Сплаша». Я заслужила еще одну ночь сна в моей собственной кровати.

5. Разгром

Январь 1980

Сегодня после школы у меня занятие по плаванию. После него я как выжатый лимон. Хлорка выела любую грязь с моих волос и тела, и я решаю пропустить вечернюю ванну и ловлю кайфа. Вместо этого я читаю на ночь книгу. «Мадам Бовари». На английском. Книга сложная, но я продираюсь, как могу. Я немного знаю по-французски, но недостаточно, чтобы читать «Мадам Бовари» в оригинале.

С тех пор как мне исполнилось пять, каждые июнь, июль и часть августа я провожу в Кап д'Антибе, где живу у Сесиль, кузины Бэбс. «Мне нужен летний отдых», – говорит Бэбс. Это лучший подарок, какой когда-либо делала мне Бэбс. К прочим моим умениям я добавлю знание французского и смогу им пользоваться на протяжении всей жизни. Хотя Бэбс довольно часто ездит во Францию, она даже не пыталась выучить язык. Ее лексикон и манера говорить не поддаются переводу.

Сесиль в родстве с Бэбс со стороны матери. Как и мама Бэбс, Эйдора, Сесиль – красавица, но она из среднего класса, то есть, на взгляд Бэбс, все равно что нищая. Быть нищей, возможно, интересно, но совсем не забавно.

Я все еще читаю, когда Бэбс заходит в мою комнату поболтать. Мак, наверное, взял выходной. Бэбс легким шагом подплывает к моей кровати, на ней только лифчик и трусики. В одной руке – тяжелый бокал Perrier с ломтиком лайма, в другой – горсть Duchess Golden Lights. Похоже, Бэбс настроилась на долгий разговор. Она никогда не стала бы растягивать сигареты на случай, если разговор вдруг станет интересным. Левым локтем она прижимает к себе стопку журналов, которые раскладывает в ногах моей кровати. *Vogue. Harper's Bazaar.* Она садится рядом со мной.

– Мне вот что пришло в голову. Мы слишком мало заботимся о твоей обуви. Люди всегда подмечают, что у кого на ногах. Это может стать ключом к твоей популярности в школе.

Я в этом сомневаюсь, но, когда Бэбс предлагает какой-то проект, я всегда «за».

– Я подумала, мы с тобой могли бы полистать журналы, – продолжает она, – и отметить просто потрясающие, а завтра сходить в Saks или даже в I. Magnin и их купить. Ради такого стоит пропустить школу. Твой размер мы без проблем подберем. На свете уйма женщин, которым хватает дурного вкуса быть низенькими и иметь маленькие ноги. Я уже отметила

несколько страниц, которые мне нравятся.

Я беру *Vogue*, игнорирую исхудальные тела моделей и сосредотачиваюсь на их ногах. Я перелистываю страницы и вижу зеленые замшевые сапоги, красные атласные стилеты, черные балетки змеиной кожи. Даже если они мне не слишком нравятся, даже если я не могу вообразить себе, как пойду в них в Чикагскую Начальную, я все равно в восторге. За покупками Бэбс отправляется без оглядки на бюджет, и мы целый день могли бы провести вместе, снова и снова доставая кредитку. Бэбс поглощена чтением «Харперз», обводит понравившееся карандашом.

Я отодвигаю книгу подальше. Стараюсь спрятать ее от Бэбс. Бэбс ругается, когда ловит меня за чтением. Говорит, что я выделяюсь. Не прилагаю усилий, чтобы завести друзей. Я даже не закладываю страницу. Я в любой день бы променяла приключения Эммы на рассматривание туфлей с Бэбс. К несчастью, «Мадам Бовари» соскальзывает с кровати в щель у стены, где я припрятала лимонад. Я слышу, как банка ударяется о стену и переворачивается. Липкая жижа уже, наверное, собирается лужей на дорогущем кроличьем мехе.

Слух у Бэбс, как у газели. Она тоже слышит, как подтекает из банки. Она ползком перемещается по кровати. Запускает руку в щель и медленно достает банку, точно вытаскивает из грязного озера мусор. С мгновение она ее рассматривает, потом запускает ею в стену.

Я смотрю, как банка летит через комнату. На серебристых парчовых обоях остается пятно: от жижи из банки больше урона, чем я нанесла ковру из кролика.

– Какого черта, Беттина?! Ты же знаешь, что тебе не полагается держать у себя в комнате еду!

Она закуривает, вырывается у меня из рук *Vogue*. Ждет реакции.

Я думаю, что, если поведу себя правильно, если сумею выкрутиться, мы сможем вернуться к обуви. Уж конечно, мы обе от журналов получим больше удовольствия. Изредка, но иногда все же мне удается умилостивить Бэбс, подобрав верный тон.

– Извини, Бэбс, – говорю я. – Я просто подумала, я буду очень-очень аккуратной и проблем не возникнет.

Не повезло. Она продолжает смотреть на меня пустым, невыразительным взглядом. Я испортила ее проект. Все из-за лимонада.

– Лимонад – для Лили. Ты знаешь, сколько калорий в одной-единственной долбаной банке? Не говоря уже о том факте, что ты пронесла ее тайком. А я ненавижу проныр, черт побери. Интересно, что ты еще у себя прячешь?

Я стараюсь коснуться ее запястья. Удержать ее на кровати. Бесполезно. Корабль отчалил. Остается только надеяться, что поскорей рассветет и впереди замаячит спасительный берег. Бэбс любит не спать всю ночь, трудясь над различными проектами, но всегда удаляется до того, как Лили будит меня на завтрак, – такое у нее представление о том, как ведут себя цивилизованные люди.

– Сними ночную рубашку, Беттина, чтобы я видела, что ты ничего под ней не прячешь.

Я делаю, как сказано, сижу теперь голой на кровати. Для большинства людей это было бы достаточным наказанием. Не для Бэбс.

Встав, она подходит к платяному шкафу, где я держу одежду. Шкаф чем-то напоминает тот, что описан в книжке «Лев, колдунья и платяной шкаф». Достаточно большой, чтобы я могла в нем спрятаться. Иногда я так и делаю. Но не сегодня. Сегодня нигде не спрятаться.

Открыв дверцу, она выдвигает верхний ящик. Хватает охапку носков и несет к кровати. Начинает их разворачивать. Она тщательно засовывает руку в каждый, проверяет, не вложено ли что-нибудь в самый конец, куда упираются пальцы.

– Я знаю, как у проныр мозги работают, Беттина. Они выбирают места, куда большинству людей не приходит в голову заглянуть.

Интересно, а вдруг я и впрямь спрятала в носках что-то важное? Но нет. Единственный ценный для меня предмет – подписанная Брук салфетка приклеена к ее фотографии и вставлена в рамку и стоит у меня на письменном столе. Не спрятана, а у всех на виду. Может, это добавит мне очков за честность. Может, Бэбс поймет и чуть остынет.

Но она только-только раскочегарилась. После носков она берется за мое белье. Оно все одинаковое – белые хлопчатые трусики. У меня нет ни диснеевских принцесс, Винни Пухов или феечек. Она берет каждые и растягивает резинку, потом нюхает ластовицу.

Я еще недостаточно взрослая, и белье у меня по-детски безупречное – даже до стирки. Я всегда тщательно подтираюсь, когда хожу в туалет. Никакие женские выделения пока мое белье не пачкают.

Бэбс так худа, что у нее самой месячных почти не бывает. Она так мало ест, что кишечник у нее работает редко, а когда срабатывает, она подолгу принимает душ и тщательно оттирает анальный проход от малейших следов экскрементов. Единственное, от чего страдает ее белье, – носка. Когда резинки начинают растягиваться, Бэбс кромсаet свое белье кухонными ножницами и жжет его в мусорном ведре. Делает она это, чтобы помешать «всяким психам, которые хотят подроить на белье

шоколадной принцессы».

Как-то я выкопала из мусора полоску ткани с ее трусов. Я смастерила себе из нее браслет на ногу и надевала в ванну на то время, пока ловила кайф. Я так нервничала, что она узнает, что через два дня браслет выбросила. Наверное, я все-таки проныра и лгунья. Бэбс надо быть начеку, чтобы защититься от меня.

Я смотрю, как она переходит к карманам моих штанов. Странно, но меня утешает, что она проявляет такой интерес к моим вещам. Ко мне.

К трем часам утра все мои вещи свалены огромной грудой посреди комнаты. Бэбс как будто удовлетворена проделанной работой, ей ведь представился случай применить свои воспитательные навыки, дабы превратить меня в порядочного человека.

Она закончила. Вероятно, мы можем вернуться к журналам. Ошибочка. Ей осталось еще кое-что.

Бэбс подходит к моему столу. Берет фотографию Брукс.

– Как глупо с моей стороны, – говорит она, – я едва не пропустила Бруки.

Бэбс щелчком раскрывает рамку, фотография Брукс и салфетка с автографом падают на пол.

Я стараюсь придумать, что бы ей предложить в обмен на Брукс. Но я голая. У меня ничего нет. И Бэбс никогда не дает спуску.

«Не надо, Бэбс, не надо, Бэбс. Пожалуйста, не надо».

Бэбс швыряет мои сокровища на кровать к моим ногам.

– Итак, детка. Думаю, око за око.

Вернувшись к столу, она берет карандаш. Уж лучше бы меня им изрисовала. Может, проткнула бы щеку. Написала бы бранные слова у меня на лбу. Но нет. Она хватает фотографию Брукс и калякает прямо по ее лицу.

Бэбс расходится все больше. Нажимает сильнее. Оставляет глубокие борозды в фотографии. Не унимается, пока отметины не покрывают все лицо Брукс целиком. Теперь Брукс выглядит так, словно у нее чудовищные прыщи, настоящая сыпь. «Всегда можно купить другую фотографию, – думаю я. – Не так страшно».

Но Бэбс еще не закончила. Она берет салфетку. Брукс ведь в самом деле ее касалась! Ее заменить невозможно. Это самое лучшее, что у меня есть. Бэбс опускает руку в щель у кровати, где пролился лимонад. Промакивает мокре место салфеткой. Поднимает ее повыше. Я вижу, что автограф Брукс расплылся так, что почти не читаем. Ничего, я это переживу, думаю я. Брукс все равно касалась ручкой этой маленькой салфетки, она все равно чего-то стоит. Но утешительных призов сегодня

ночью не будет. Бэбс подносит салфетку к моему лицу. Она рвет ее, пока не остаются лишь узкие белые полоски. Как ее старое белье.

– Видишь? Вот как себя чувствуешь, когда кто-то копается в твоих вещах. Теперь можешь провести осмотр. Что хочешь, оставь, остальное выброси. Я принесу из кухни мусорное ведро. Когда закончишь, твой шкаф будет самым опрятным на свете, а одеваться будет, все равно что покупать вещи Saks. Все будет на своем месте, и только те вещи, из которых нравится выбирать.

Она уходит за мусорным ведром. Я не знаю, позволено ли мне надеть ночную рубашку или мне полагается взяться за уборку голой. Я даю себе минуту на размышление. Я смотрю на журналы, все еще лежащие в изножье кровати. Интересно, мы вообще к проекту обуви вернемся? Скорее всего, нет. Но я была так близка.

Позже той ночью, разбирая огромную гору своих вещей, выбрасывая большую их часть, потому что слишком устала, чтобы класть их на место, я обнаруживаю, что кое-что важное Бэбс оставила. Свои сигареты.

Я беру одну левой рукой, вставляю в рот. Прикуриваю. Вдох омерзителен. Никотин попадает мне в кровь так быстро, что у меня кружится голова и я хватаюсь за столбик кровати. Я вынимаю сигарету изо рта. В голову мне приходит другая мысль. Я ничего не могу с собой поделать, я зла на себя, что стала причиной разгрома всей комнаты.

Я вытягиваю правую ногу. Наклоняюсь и ищу подходящее место. Запястья тут не подойдут. Бэбс слишком часто читала мне нотации про самоубийство. «*Если собираешься вскрыть себе вены, убедись, что знаешь, что делаешь. Нет ничего более жалкого, чем оказаться в больнице, потому что не подготовилась заранее*». Бэбс всецело за самоубийство. Терпеть не может всяких депрессивных. «*Если не можешь встать с кровати, покончи с этим раз и навсегда*». И очень старых тоже. Слишком многие из них зажились на свете. Какают в памперсы, щеголяют жуткими синяками и мерзкими пигментными пятнами на высохшей коже.

Если она увидит ожог у меня на руке, то решит, что это ребяческая попытка привлечь к себе внимание. Поэтому я втыкаю сигарету в кожу чуть выше косточки на правой лодыжке. Крови нет. Только круглая красная татуировка. Этого Бэбс никогда не сможет меня лишить.

Мне больно, но не слишком.

6. «Похмельная жрачка в круизе»

Апрель 1980

В апреле того года роман еще продолжается, но что-то в нем неуловимо переменилось: Мак реже приходит в пентхаус, Бэбс то места себе не находит, то скучает. Когда она доходит до ручки, то решает устроить праздник.

Вечерника Бэбс – всегда большое событие. Каждый хочет попасть в число приглашенных. У каждой вечеринки обязательно есть тема, и одеваться надо соответственно. Бэбс говорит, мол, ключ в том, чтобы верно соблюсти детали. Это еще важнее, чем выбрать, кого пригласить.

Ту вечеринку Бэбс решила назвать «Похмельная жрачка в круизе». Поскольку Бэбс не пьет, у нее не бывает похмелья. Но она не против, чтобы другие пили. Она говорит, мол, большинство ее знакомых невыразимо скучны, пока не напьются. Трезвые они слишком беспокоятся, что о них подумают. В отличие от нее, они не бесстрашные. Я тоже не бесстрашная. Бэбс ждет не дождется того дня, когда я взаправду начну употреблять алкоголь. Отношение Бэбс к спиртному непросто объяснить, но я ее понимаю. У Бэбс есть правила для самой Бэбс и правила для всех остальных.

Бэбс ни за какие коврижки на круизный лайнер не заманишь. Круизы – пошлость для среднего класса, а поздний воскресный завтрак – еще на целую ступень выше по шкале вульгарности. Завтрак и ланч в одном флаконе. Не прием пищи, а жрачка: сколько хочешь, возвращаешься за добавкой, орудуешь щипцами у исходящих паром стоек самообслуживания. Ждешь, когда «шеф» в бумажном колпаке и резиновых перчатках нарубит ломтями свинину. Такие мероприятия – одного порядка с пищевой крысой, кормящейся в мусорных баках на задах «Макдоналдса».

Однако это послужит пищей для «охрененной шутки». Похмелье до попойки, круиз без лайнера, завтрак перед сном. Альтернативная вселенная, которой заправляет Бэбс.

Разумеется, моей вселенной тоже заправляет Бэбс, но в недели перед вечеринкой моя жизнь становится намного легче. Мне разрешено помогать Бэбс с приготовлениями. Школа оказывается побоку, чем-то, чем я занимаюсь между делом.

Каждое приглашение на «Похмельную жрачку в круизе» – целый набор из самых разных предметов. Мы с Бэбс собственноручно собираем

все три сотни коробок.

Почти каждый день мы ложимся в начале третьего ночи. Я не против недосыпания. Я хорошо умею склеивать и упаковывать. Не бросаю работу, когда Бэбс устраивает себе перекур.

Первый компонент – само приглашение, которое Бэбс отдала напечатать на круглых картонных подставках под кружки. На подставках ободок из рисованных оранжевых спасательных жилетов, на которых написано «СС Бэбс» – «Спасательная служба Бэбс», если хотите. В кружок из спасательных жилетов вписано само приглашение:

*Распоясайтесь и распустите пояса на «Похмельной жрачке
в круизе»*

100 Ист-Лейк-шор-драйв

19:00 в субботу, 17 мая

Дресс-код: уморительный морской

Затем в каждую коробку полагается положить куб из прозрачного пластика, полный ядовито-синей жидкости: если его встряхнуть, жидкость превращается в пляшущие волны. Предварительно мы к каждому кубу прикрепляем kleem маленький пластмассовый круизный лайнер и крошечных людей лицом вниз, словно они упали в море. Затем мы добавляем в коробку по рюмке на каждого приглашенного, на которой – тем же шрифтом, что и приглашение – написано: «ПЕЙ ДО ДНА, БЛЮЙ СПОЛНА». И наконец, пакетики сухих смесей – для «Гавайского пунша» и фруктового напитка «Тэнг». Наверное, это излюбленные напитки скучных и пошлых людей.

Ответные карточки выполнены на манер туристических открыток «Привет с Багамских островов», со штемпелями и обратным адресом Бэбс. На выбор предлагается три варианта:

*Приду в гости, притащу свои кости
Не проспался и проспал
Зануда*

Сомневаюсь, что кто-то поставит галочку в графе «зануда». Но Бэбс посыпает приглашения кое-кому из знакомых, кто не поймет шутку, не придет. Она хочет, чтобы эти люди признали, что у них кишечка тонка ходить на такие, как у нее, вечеринки. Я просматриваю список приглашенных и вижу... «Мистер и миссис Маккормак Х. Морс»! Интересно, в какой графе

поставят галочку Мак и Мэгс?

Коробки с наборами-приглашениями мы кладем в миниатюрные кожаные портфели. Бэбс надписывает имя и адрес каждого приглашенного на прямоугольничке плотного кремового картона. У Бэбс изумительно красивый почерк.

Мне доверено вставлять эти прямоугольнички в оранжевые кожаные бирки для чемоданов от Hermes, на обороте каждой бирки красуется штам «СС Бэбс». Бэбс всегда дарит на своих вечеринках практичные сувениры, такие, чтобы их действительно можно было использовать после праздника. Мне нравится думать, что через много лет, если что-то случится с Бэбс и я захочу разыскать людей, которые знали ее и, возможно, помнят меня, то смогу просто пойти к ленте выдачи багажа в аэропорту и поискать эти таблички.

Когда все готово, мы с Фрэнклином, шофером Бэбс, проводим несколько дней, разъезжая по Чикаго и окрестностям, чтобы лично доставить приглашения. Каждое утро Бэбс рисует маршрут, по которому мы должны следовать: втыкает булавки с номерными ярлычками в карту улиц и наклеивает соответствующие им ярлычки на портфели. Это настолько важнее школы, что Бэбс даже не дает себе труда послать Уэндолин записку с объяснением, где я.

Бэбс говорит, что приглашения должны доставить мы с Фрэнклином, потому что на почте их помнут или раздавят, но я знаю, тут замешано нечто большее. На Рождество Бэбс купила себе новую машину. Чтобы машину должным образом оценили, ее должны увидеть. Это многодверный лимузин цвета кофейной тянучки. Внутри – полноценный бар, телевизор и лампы, которые тянутся по обе стороны салона – как на взлетно-посадочной полосе аэродрома. В зависимости от настроения их можно пригасить или выкрутить на полную мощность. Там есть телефон с кнопками, которые вспыхивают, когда набираешь номер. Бэбс врубает погромче Лайонела Ричи, «Кул» или «Гэнг», когда разъезжает в «катафалке», как она его называет. Иногда она даже не едет куда-то конкретно, а просто катается. Такие машины я видела только по телевизору. Благодаря лимузину у меня такое чувство, будто Бэбс кинозвезда.

На номерном знаке «катафалка» значится просто «БЭБС». Когда я еду в нем, у меня возникает ощущение, что я наконец стала частью Бэбс, ведь там пахнет, как от самой Бэбс – стойкий запах сладкой, пережженной смеси *Duchess Golden Lights* и духов *Georgette Klinger*. Когда мотор работает вхолостую, у меня такое чувство, что сама Бэбс дышит.

Всякий раз, когда машина останавливается, я выхожу, бегу к

багажнику, нахожу нужный чемоданчик и отдаю его привратнику. Если мы в пригороде, то я отношу его до крыльца. Дверь мне обычно открывает экономка, но иногда это бывает мамаша в пропотевшем спортивном костюме для тенниса или рабочих штанах и резиновых сапогах, в каких возятся в саду. Обычно такая мамаша говорит: «Спасибо, Беттина», что меня удивляет, ведь я-то их не знаю. Потом до меня доходит, что женщина скорее всего узнала меня по нашей рождественской Открытке.

Будь вечеринки Бэбс ординарными, куда бы людей приглашали только ради закусок и напитков в нормальной одежде, эти люди, возможно, послали бы нам с Бэбс ответное приглашение, позволили бы мне играть со своими детьми. Но нет, учитывая, как обстоят дела, к вечеринкам Бэбс они относятся как к походу в цирк. Смотришь представление, веселишься, а когда уходишь домой, не спрашиваешь, что станется с мартышкой в дурацком колпаке.

Бэбс приглашает и кое-кого за пределами Чикаго. Предназначенные им портфельчики она упаковывает во много слоев бумаги в оранжевую и белую полоску. Кладет каждый в большую картонную коробку.

Проходит какое-то время, и почтальон приносит открытки с ответом на приглашения, и на большинстве значится «да». Даже кузен Бэбс Лукас приедет с женой Поппи из Нью-Йорка. Сюда они прибудут на поезде и отбудут на следующий день, потому что у Лукаса открытие галереи. Сесиль и ее муж Люк отвечают «нет». Бэбс говорит, мол, это потому, что им не по карману билет на самолет из Франции. Типично.

В день перед «Похмельной жрачкой в круизе» пенхаус совсем не похож на жилую квартиру. Бэбс никогда не скучилась на декорации, но для этого праздника ставит весь дом с ног на голову. Например, в гостиной демонтируют огромные стекла от пола до потолка, оставив лишь узенький балкончик и пустоту на месте окна. Для этого приходится перекрыть проезд по Лейк-шор-драйв, пока вертолеты с огромными крюками уносят стеклянные панели на пляж у озера. Там панели заворачивают в пластик и перевозят на какой-то склад. На это уходит два дня, ребятишки в школе только об этом и судачат.

Став старше, я иногда рассказываю истории про ту вечеринку и, когда я дохожу до стекол, мне обычно не верят.

- Но вы же там жили! – восклицают слушатели.
- Это же было не насовсем, – отвечаю я.
- А что, если бы пошел дождь? – недоумеваю они.
- Не знаю. Не пошел же, – отвечаю я.

Но они все равно не в силах такое переварить. Звучит не как забава, а

как выходка сумасшедшего.

За час до прибытия гостей все идеально. Пентхаус напоминает круизный лайнер. С первого этажа убрана вся мебель, ее место заняли «круизные декорации». Теперь тут стоят рядки шезлонгов, на которых лежат сложенные полотенца в оранжевую и белую полоску. Черная парусина шезлонгов подрагивает на ветру с озера. Еще тут появился большой надувной бассейн с голубой водой, попасть в него можно по двум приставным лесенкам.

Бэбс разочарована бассейном. Она говорит, мол, получилось больше похоже на задний двор в Висконсине, чем на «Лодку любви»^[10], но на меня он производит большое впечатление. Я взбираюсь на лесенку. Лицом вниз в воде плавают три женских манекена, одетые только в трусики и лифчики. Белье яркое – вроде того, в каком красуются женщины на страницах «Плейбоя»: сзади прозрачное, а спереди – сплошь шелковые бантики или замысловатые кружева. Бэбс такое не носит. Говорит, мол, у мужчин, которых заводит подобное белье, проблемы с эрекцией или они склонны эякулировать до времени. Интересно, она сама купила белье или послала в «Виктория сикрет» Стейси?

Искусственность выдают синтетические волосы и пластмассовые конечности, сразу видно, что это не настоящие люди. Но впечатление все равно жутковатое. Я слезаю с лесенки. Тем вечером кое-кто обмолвится, мол, бассейн – просто дурновкусие. Особенно учитывая, что родители Бэбс утонули. Мне будет неловко за Бэбс. Но, с другой стороны, зачем тогда эти люди пришли? Почему не поставили галочку в графе «зануда»? Сидели бы дома. Все же знают, что Бэбс вечно подобные шутки откалывает.

Официанты и официантки, одетые как экипаж круизного лайнера, уже впряглись в работу. Они расхаживают с коричневыми пластмассовыми подносами и блокнотами для заказов. Вживаются в роль перед тем, как прибудут первые гости. Они балансируют пинья-коладами и дайкири и прочими коктейлями с фруктами и соломинками в стаканах.

Бэбс соломинки на дух не переносит. Соломинки – для лентяев, которые не дают себе труда поднести стакан к губам. Для толстяков, которым надо как можно быстрее всосать побольше калорий. Короче, идеально для вечеринки с названием «Похмельная жрачка». Но всякий раз, когда мы идем в ресторан, Бэбс заставляет меня вынуть из моего стакана соломинку и положить ее на стол. Мне от этого неловко, потому что от соломинки на скатерти всегда остается мокре пятно, которое кажется еще неряшливей и оскорбительней, чем сама соломинка. Напоминает мокрую слизь, вытекшую из сдувшегося презерватива, который я однажды нашла

на задней террасе пентхауса после одной вечеринки. Но я все равно вынимаю соломинку. Бэбс говорит, дескать, воспитание человека всегда можно определить по тому, что он или она делает с соломинкой.

Игре официантов я даю самую высокую оценку. По выражению Бэбс, у меня «актерский период». Я составляю сложнейшие плей-листы из альбомов бродвейских шоу, на которые Бэбс ходила в Нью-Йорк-сити. На Рождество она подарила мне розовый переносной магнитофон. Лучший подарок за всю мою жизнь. Я часами практикуюсь у себя в комнате. Бэбс нравится, какую музыку я выбираю: песни, в которых есть ругательства, баллады, которые поют мужчины про романы, что плохо закончились.

За неделю до «Похмельной жрачки в круизе» Бэбс вознаграждает мои труды.

— Беттина, — говорит она, — почему бы тебе не исполнить какой-нибудь номер для моих друзей? Ты так старательно их репетируешь. Нисколько не сомневаюсь, у тебя отлично получится.

— С удовольствием, Бэбс, — говорю я, стараясь, чтобы прозвучало не взволнованно, а профессионально.

Мой нынешний репертуар — из мюзикла «Кордебалет». Особенно мне нравится песня, которую я называю «Грудь и бедра». Она — про женщину, чье тело никому не нравится. Она становится знаменитой, только сделав себе пластическую операцию. Я заучила все слова. Когда я шевелю губами, правда-правда создается впечатление, что это я пою.

Репетируя, я думаю, как Мак будет на меня смотреть. Воображаю, как он будет хлопать громче всех остальных. Принесет мне воды, когда я закончу. Позволит сидеть у него на коленях, пока Бэбс разговаривает с другими гостями. Я произведу на него впечатление, как не сумела, когда мы сидели вместе на кровати Бэбс.

В вечер перед вечеринкой мы готовимся вчетвером: мы с Бэбс, Талли и ее дочь Фрэнсис. Настоящее имя Талли — Натали. Она начала звать себя Талли после развода, решив, что ее сочтут другим человеком. Они с Бэбс вместе ходят развлекаться или ездят в экзотические путешествия. Их любимое занятие — игра под названием «шопинг на скорость». Они договариваются о некой сумме — скажем, десять тысяч долларов — и идут в магазин вроде «Гуччи». Выясняют, кто сумеет потратить условленную сумму быстрее. Единственные правила — нельзя покупать через подставных лиц и покупать можно только те вещи, какими будешь пользоваться. Возвращать вещи в магазин запрещено.

Помимо этих развлечений у Талли есть и другое призвание, среди подруг Бэбс она такая первая. Талли пишет серию «Дневник наследницы»:

романы про наследницу «Ролодекс», которая путешествует по всему миру, берется ради развлечения за малооплачиваемую работу и спит с мужчинами, которых встречает в пути. Пока Талли написала пять книг. Бэбс они раздражают. Она утверждает, что у Талли нет ни грана таланта и что она всего лишь заимствует из жизни самой Бэбс. Но втайне Бэбс рада, что про нее пишут книги, поэтому Талли многое позволено.

Ванная Бэбс не какой-нибудь там закуток, а полноправная комната, не меньше спальни или кухни. Там от стены до стены толстый персиковый ковер. Ванна персикового мрамора. Раковина на пьедестале ей под стать. Еще тут стоит обитый коричневой замшей диван с шелковыми подушками, у которых персиковые кисточки. Когда ты мокрая, сидеть на нем нельзя, но выглядит он круто.

На диване сейчас сидит Талли и курит. На ней белый шелковый халат, отороченный мехом, и тапочки ему в тон. Бэбс расположилась у туалетного столика, ей укладывают волосы и делают макияж «ее мальчики» – Джейф и Джаспер. Ее халат распахнут. Нам всем отлично видно ее прозрачное, телесного цвета белье. Оно нисколько не скрывает ее соски и лобковые волосы. Она всегда так готовится к выходу, так что никого это не шокирует. Интимных частей тела у Бэбс не существует.

Мы с Фрэнсис сидим по-турецки у ног наших матерей. Я люблю Фрэнсис. Мне не надо объяснять про нее Бэбс. Внешность у нее невыразительная, и она всегда готова попробовать то, что я предлагаю делать.

Джейф небрежно закалывает волосы Бэбс на макушке, несколько светлых прядей падают ей на лицо. Огромные заколки «невидимки» торчат под самыми невообразимыми углами. Затем наступает черед макияжа. Глаза у Бэбс закрыты, лицо она подставляет Джасперу.

– Джас, – говорит она, – суть в том, чтобы придать мне вид похмельный, но такой, точно я все еще гожусь для хорошего перепихона. Растрепанная, но вполне приличная. Ну вроде как... макияж наложен вчера, потом ненадолго щекой в подушку, и блеск для губ на скорую руку. А еще мы в круизе, поэтому не скучись на вульгарность.

Джаспер смеется и накладывает базу под макияж. Из нижнего ящика туалетного столика Бэбс выуживает пудру и размазывает ее по одной щеке, как след от наволочки.

Мы с Фрэнсис тоже в халатах. Но они – часть нашего костюма, заказаны специально для вечеринки. Халатики – в белую и голубую полоску и коротенькие, едва прикрывают попку. На спине надпись «СС Бэбс, экипаж». Под халатиками на нас белые бикини, где на

треугольничках, которым полагалось бы прикрывать грудь, вышита синим бисером буква «Б». Попозже нам позволят надеть синие туфли на высоком каблуке, и у каждой будет свое задание. Карманы Фрэнсис набиты таблетками «алка-зельцер» и пакетиками растворимого аспирина. Предполагается, что она будет раздавать их прибывающим гостям. У меня – два отрывных блокнота для заказов с названиями напитков, изобретенных Бэбс: «паскудство на палубе», «член с хулой» и еще много всякого. Мне положено раздавать заказы тем, кто выглядит чересчур трезвым или не склонен напиваться.

Еще нам тоже сделают макияж, но только когда закончат с Бэбс и Талли.

И тут входит с серебряным подносом Лили. Я всегда определяю момент ее появления. Когда она ходит, ее колготки трутся друг о друга на ляжках и издают шорох.

– Пожалуйста, мисс Табита, – говорит Лили.

На подносе огромный хрустальный графин с ледяной водой. Лед – не кубиками, как у обычных людей, а дисками с дырочкой посередине – как бублики. Вода может свободно через них проходить. На поверхности плавают тонюсенькие дольки апельсинов, лаймов и лимонов. По бокам от кувшина – изящные бокалы для вина. Сам кувшин пузатый, как луковица тюльпана, и запотевший. Гроздка красного винограда жмется в серебряной хлебнице, в которую заткнуты серебряные ножницы, чтобы срезать ягоды. Три кусочка черного шоколада размером с кружки для масла, какие подают к завтраку, лежат по самому центру тарелки фарфора «Бернардо». Таков обед Бэбс перед вечеринкой. Перед любой вечеринкой он всегда один и тот же.

– Спасибо, Лили, – не отрывая глаз, говорит Бэбс.

– Лили, – окликает Талли, рассматривая поднос. – Я бы хотела бокал белого вина, если не сложно. Два кубика льда. Немного картофельных чипсов. С дижонской горчицей и толикой кайенского перца. И печеньице «Минт Милано».

Ясно, что Талли на ходу выдумывает заказ. Хочет сделать вид, будто в еде она так же привередлива, как Бэбс. Но даже я знаю, что в вино лед не кладут.

Но Лили сохраняет серьезную мину и уважительно говорит:

– Да, миссис О’Мара.

Она смотрит на нас с Фрэнсис. Я вижу, что ее смущает наша обувь. Я тоже не испытываю восторга. Если у Лили делается встревоженный вид, я тоже начинаю тревожиться. Точно она видит, как надвигается что-то, чего

не вижу я.

– Принести девочкам что-нибудь поесть, мисс Табита? – спрашивает она.

– Они поедят на кухне, Лили, – говорит Бэбс. – Я их к тебе пришлю, когда с ними закончат. Просто проследи, чтобы они не путались под ногами у официантов.

– Да, мэм.

– Где Стейси?

– Кажется, наряжается.

– Наряжается? Чего ради?

– К вечеринке. Она мне сказала, ей надо всего минутку.

– Скажи ей, чтобы тащила сюда свою задницу. Мне нужно, чтобы она натерла девочек кокосовым маслом. Она, наверное, опять возится со своим набором для домашней эпиляции. Она что, решила, будто мы взаправду отправляемся в круиз и она будет сидеть у бассейна и улучшать загар в подмышках? Я всецело за аутентичность, но только не за мой счет. И мне действительно наплевать, как выглядит ее линия бикини. Плюс в прошлый раз она едва не сбрила себе половину брови, а я не могу, чтобы на меня работали люди, которые так выглядят.

– Да, мисс Табита.

Лили снова смотрит на меня. Я знаю, что она меня любой любит, но боюсь, что однажды она найдет себе работу у нормальных людей.

Взяв кувшин, Лили до половины наливает бокал Бэбс. Сколько бы раз я ни наблюдала, как Лили это делает, я все равно восхищаюсь, какие точные у нее движения. Какие красивые.

Я решаю смешать особый напиток – только для нас с Фрэнсис. Там будет уйма алкоголя. Нам нельзя выглядеть трезвыми или отстраненными. Во всяком случае, я не хочу так выглядеть. За Фрэнсис я бы не поручилась. Она все еще заказывает шоколадное молоко, когда матери ведут нас обедать. Когда его приносят, Бэбс всегда смотрит на меня. Закатывает глаза, словно говоря: «*Ну можно ли поверить, что мы сидим с долбаными идиотами?*»

Джаспер заканчивает колдовать над щеками Бэбс и достает из своего саквояжа баночку голубых теней для век. У теней цвет сахарной ваты, броский, но сладкий и съедобный. Решительно не цвет Бэбс. Такое Стейси могла бы носить. Джаспер накладывает толстый слой «голубого Стейси» на веки Бэбс, потом проходится по ним пуховкой с серебристыми блесками. Когда он заканчивает, Бэбс выглядит так, словно ее покрыли глазурью для кексов. Интересно, будет ли поздно ночью Мак облизывать эти вкусные с

виду веки, пока у него самого губы и зубы не станут голубыми?

Мне хочется спросить небрежно у Бэбс, придет ли Мак на вечеринку. Она ни разу его не упоминала, и я беспокоюсь, а вдруг это что-то значит. Но я не решаюсь. Бэбс знает, что я почти никогда не спрашиваю о чем-то просто так. Она ведь подчеркнуто потребовала, чтобы я к нему не приставала. Если она почувствует, что я слишком им интересуюсь, то может лишить меня танца. Или отослать меня в комнату, так что я вообще всю вечеринку пропущу.

Бэбс открывает глаза, подается к зеркалу и рассматривает плоды трудов Джаспера.

– Господи Иисусе, Джаспер! Ты попал в точку. Не будь я долбаной хозяйкой лодочной гуляночки, могла бы просто пойти в «У Рэнди» и спросить, не найдут ли меня на смену с двенадцати до восьми. Только подумай, какие перспективы! Я могла бы наливать кофе и записывать заказы в маленькие блокнотики. Да, кстати, а кто вообще ест среди ночи? Я просто обожаю тамошние пепельницы из золотой фольги. Мне всегда хотелось знать, их выбрасывают или моют для следующих клиентов?

«У Рэнди» – ночная закусочная на Норт-авеню, прямо через улицу от Чикагской Начальной. Многие мамы завтракают там после того, как отводят детей в школу. Мне не совсем понятно, откуда Бэбс так хорошо известно это место.

Талли смеется.

– Вот занимательно было бы, Бэбси! Я знаю уйму шлюх, которые ходят туда после работы.

Талли называет Бэбс «Бэбси», потому что ей кажется, что это хорошее прозвище. Но Бэбс не из тех, для кого придумывают имена.

– Ничего интересного в шлюах нет, Талли. А вот дрэг-куин – другое дело. Это искусство. Ну а шлюхи – просто женщины, трахающиеся с мужиками за деньги. Где тут сюжет?

Несколько сдувшись, Талли стискивает большим и указательным пальцами недокуренную сигарету, подносит ее ко рту. Она даже курить красиво не умеет.

– Но, Бэбси, – осторожно начинает Талли, стараясь снова обрести опору. Бэбс, наверное, серьезнее бы отнеслась к Талли, если бы та наклонилась и пнула Фрэнсис в шею. – Я не имела в виду то, чем они занимаются, но поболтать с ними явно было бы интересно.

– Сама попробуй пойти в «У Рэнди», одетая как блядь, и посмотри, что из этого выйдет, – только и говорит Бэбс.

Сорок пять минут спустя мы с Фрэнсис накрашены так же броско, как

взрослые. Блестки на глаза и губная помада. Самую малость чересчур. В точности как Бэбс. Волосы у нас уложены в неряшлиевые высокие прически, и Бэбс велела Джасперу наложить нам серые тени под глаза, чтобы мы выглядели усталыми. Наконец объявляется Стейси с двумя бутылочками автозагара и втирает нам с Фрэнсис лосьон в кожу. Она ничего не пропускает. Натирает нам подошвы ног и между пальцами. Словно мы взаправду просто дети, которые идут на пляж.

Мы с Фрэнсис сидим на кухне, а кругом снуют официанты в форме стюардов. Перед каждой из нас тарелка с круизной кормежкой: ананас, дыня, клубника и манго, кусочки ветчины. Мы едим аккуратно, чтобы не смазать помаду на губах. Когда мы закончим, я устрою так, чтобы нам подготовили особые праздничные напитки. Времени почти семь вечера. Скоро начнут прибывать гости.

Я иду в гостиную. Фрэнсис следует за мной по пятам. В дополнение к официантам теперь тут несколько фотографов, на шее каждого висят полароидная камера и венок из настоящих гибискусов. Еще тут теперь расхаживают, покачивая бедрами, смуглые женщины в юбках из травы и в коротеньких топах. Под гам укулеле Питер Дучин^[11] играет The Pina Colada Song^[12]. По пентхаусу бродят как минимум шесть музыкантов с укулеле, наигрывающих поп-хит «Пузырьки». Интересно, где Бэбс раскопала всех этих людей?

Я подхожу к молодому официанту, одетому в гавайскую рубашку, шорты цвета хаки и вьетнамки. Я знаю, что бы я ни заказала, он не станет задавать вопросов. В его возрасте у него еще нет отцовских инстинктов. Он не знает, что двенадцатилетним девочкам не полагается пить спиртное. Я задумываюсь на пару минут, стараясь выискать что-нибудь уникальное. Потом вспоминаю, что Мак всегда пьет скотч. Хорошее начало.

– Прошу прощения, – говорю я. – Будьте добры, два скотча, безо льда, чуточку лаймового сока и сахар по ободку.

Фрэнсис такого не ожидала. В кое-то веки она решает мне возразить:

– Какая гадость, Беттина. Я не буду это пить.

– Погоди. Вот увидишь.

– Сейчас-сейчас, прекрасная леди, – говорит официант, полностью входя в роль. – Наслаждаетесь круизом?

Я иду за ним к барной стойке. Бар находится у самых поручней нашего «корабля». В лицо мне ударяет ветер с озера. Ощущение приятное, будто мы плывем, будто мы куда-то направляемся. Я точно знаю, что Мак рано

или поздно придет. Даже Мэгс не захочет пропустить такое. В том-то и суть вечеринок Бэбс: нравится вам сама Бэбс или нет, от ее праздников все равно получаешь удовольствие.

Официант наливает коктейли в большие бокалы для виски, чуть взбалтывает. Протягивает нам. Потом хлопает меня по попке. Меня это выбивает из колеи. Не хочу, чтобы кто-то меня лапал. Если, конечно, это не Мак.

Фрэнсис способна выпить всего несколько маленьких глотков.

– Беттина, – глупо хнычет она, – это гадко. Я хочу просто ананасный сок.

– Да выпей уже, – раздраженно отвечаю я. – И сразу почувствуешь себя лучше.

– Нет, – не унимается Фрэнсис. – Не хочу.

– Ладно, тогда я выпью твой. – Теперь я спрашиваю себя, а зачем вообще тут Фрэнсис, она же сущая зануда.

Я расставляю бокалы на приставном столике, и мы садимся в смежные шезлонги. Я медленно тяну свой напиток. На случай, если мой закончится, у меня есть бокал Фрэнсис.

Начинают прибывать гости. Настроение меняется. Обслужа уже не репетирует. Официанты полностью вошли в роль. Одни гости плещут руками в бассейне, другие получают разноцветные венки-леи от менеджера круиза, худющей дамочки в голубом льняном платье, которая приветствует их в фойе пентхауса.

Все больше и больше людей поднимаются на борт «СС Бэбс». Вид у всех гостей такой, словно они взаправду решили отправиться в круиз. Костюмы превосходны: цветастые пляжные платья в пол, дешевые купальники, сумки-набрюшники и новенькие белые кеды.

Мой скотч с лаймовым соком не такой уж противный на вкус. Оказывается, я уже половину своего выпила. Ощущение у меня такое, будто мозги у меня отделились от черепной коробки. Они словно бы парят над любыми заботами или страхами. Мне хочется закричать: «Бэбс! Я понимаю! Я не глупая пьяница, как большинство!»

Бэбс в гуще толпы. На ней цельный белый купальник с остроконечным вырезом до пупка и капитанская фуражка. Чулки в сеточку цвета морской волны и лодочки-стилеты в тон. Она улыбается, болтает со всеми. Приветствует гостей на борту.

Я оставляю Фрэнсис с ее ананасовым соком. Встаю, чтобы выполнить миссию, которую возложила на меня Бэбс. После того как меня облапал официант, я боюсь начинать с какого-нибудь мужчины. Я подхожу к

непривлекательной женщине в цветастом платье, недостаточно длинном, чтобы скрыть сандалии с открытым носом. Как у нее на ногтях облупился. Как можно собираться на подобную вечернику и не сделать педикюр? У нее же была уйма времени записаться к мастеру. Она сжимает в руке белую виниловую сумку, слишком большую, чтобы считаться вечерней. Эта сумка часть ее костюма? Выглядит так, словно ее купили в дешевом универмаге. Или она пользуется ею в реальной жизни? Учитывая ногти на ногах, сомневаюсь, что она потратилась бы на новую сумку для вечеринки. Ей определенно не помешала бы пара коктейлей покрепче.

Опустив руку в карман халата, я отрываю верхнюю страницу блокнотика.

– Бухните-ка «Хрена с хулой», – предлагаю я. На мой взгляд, звучит очень смешно.

Я протягиваю ей листок, а она лезет в белую сумку за очками. По выражению ее лица совершенно очевидно, что ей не по себе от плавающих в бассейне манекенов. Она держит листок двумя пальцами, точно это использованная туалетная бумага. Не может себя заставить отдать его мне. Ищет, куда бы его выбросить.

Мне хочется попросить его назад, ведь мне кажется, идея была хорошая, но я этого не делаю. Я уже поворачиваюсь уходить, когда она хватает меня за плечо.

– Твоей матери следовало бы постыдиться. Тебе не стоит быть здесь и раздавать шутки, как... как эта... – Она практически сует мне под нос листок. Словно я его не читала, словно не понимаю, что там написано. – Бэбс перешла черту. Да, она...

Женщина качает головой. Уходит от меня прочь. Терпеть не могу таких, как она. Сколько бы она ни разыгрывала возмущение, в лицо Бэбс она ничего не скажет. И на следующий день со своим возмущением не позвонит. Она пойдет к буфету. Возьмет булочек с корицей, наложит себе яичницы и плавленого сыра. Возможно, даже станцует несколько танцев. По дороге домой будет брюзжать и жаловаться в машине мужу, а после оставит все как есть. И она все равно явится на следующую вечеринку. Ну так алоха вам, дамочка.

Я стараюсь забыть про неприятную тетку, но, в отличие от Бэбс, я не люблю злить людей. Я продолжаю ходить в толпе, но ничего больше не раздаю.

Действие скотча нарастает. Силуэты гостей начинают смазываться и сливаться. Только одна пара выделяется. На нем – выцветшая футболка с надписью «Говорят ФИДЖИ», линялые голубые джинсы и белые конверсы,

залипанные краской, на ней – голубое платье на завязках с узором в синие якоря и синие туфли-лодочки на небольшом каблуке. Она выбрала морскую тему, он – карибски-небрежную. «Уморительный» они опустили. Кто эти люди?

Они подходят ко мне. Мужчина очень высокий, он осторожно наклоняется и мягко берет меня за плечи. Ничего угрожающего. Мне чудится в нем что-то знакомое, но я не могу определить, что именно.

– Беттина, – произносит мужчина. Это не вопрос, а утверждение.

Его хорошенъкая спутница (жена?) дружески улыбается. Я не знаю, что сказать. Они не спешат пойти веселиться с прочими взрослыми. Они хотят поговорить. Со мной! Я выжидаю.

– Ты такая же красивая, как твоя мама.

Мне хочется сказать: «Нет, не красивая. Мы ничуть не похожи». Но мне очень уж нравится, что меня с ей сравнили. Это же комплимент.

Он рассматривает мой костюм, потом продолжает:

– Ты молодец, что на такое согласилась.

Точно у меня был выбор! Это что, новые друзья Бэбс, о которых я не знаю?

Мужчина красивый, но не такой, как Мак. У него светлые курчавые волосы, довольно длинные. И глаза у него другие. Не голубые, а карие, как у меня. Он тоже полон энергии, но как будто об этом не подозревает. Женщина рядом с ним более сдержанная. Такая несколько раз подумает, с кем разговаривать, а с кем нет, и ругательства вворачивать не станет. Не чопорная или самодовольная, нет, скорее леди.

– Спасибо, – говорю я.

– Я поражена, что ты умеешь ходить на таких каблуках, – говорит женщина. – Я всегда боюсь упасть.

Нет, надеть дешевые высокие каблуки ей не страх мешает. Просто она вежливая.

– Я много упражнялась.

Мне не хочется, чтобы она думала, будто я всегда ношу такую обувь. Но в глубине души я знаю, что они обратили на меня внимание не за мое лицо или костюм. Они заинтригованы, им любопытно. В чем же дело?

Он убирает руки с моих плеч, достает из кармана сигареты. Он все еще смотрит на меня, смотрит почти в упор. Ситуация становится неловкой.

Но он улавливает, что мне не по себе.

– Извини, Беттина. Я столько про тебя слышал, что забыл представиться. Я твой дядя Лукас. А это моя жена Поппи.

Я знала, что они приедут, но была так занята мыслями о Маке, что

забыла. Что могла ему рассказать обо мне Бэбс? Да что угодно! Поскольку Лукас не стоит в списке мужчин, которых Бэбс трахает, нет риска его отпугнуть. Она что угодно может ему рассказывать о жизни в пентхаусе. Включая что-то о дочке.

Мне хочется спросить, что им известно. Но вечеринка слишком шумная. Такой разговор требует тишины и покоя. Я испытываю большое искушение хотя бы показать им мою комнату. Сказать Лукасу, как мне нравятся его картины.

— Где Бэбс? — дружески спрашивает Лукас. — Мы поднимались наверх переодеться, но официально на круиз не зарегистрировались.

Значит, Лукас больше похож на Мака, чем я думала. Пара добрых фраз, и он готов двигаться дальше. Я просто занимательное интермеццо перед тем, как окунуться в вечеринку. Что бы я ни говорила и как бы ни выглядела, всегда и всем нужна Бэбс. Я неопределенно указываю в толпу.

Десять вечера.

На улице темно, но пентхаус освещен лампами тики. Мак все еще не приехал. Если не знать Бэбс, можно подумать, что ей все равно. Но я наблюдаю за ней из своего шезлонга, — я ушла в уголок, чтобы выпить еще скотча. По легкой дрожи в ее правой руке, когда она курит, я могу определить, что она в ярости. Я сижу одна и просто наблюдаю. Фрэнсис ушла в комнату Стейси смотреть телевизор.

Мне хочется подойти к Бэбс, сказать, какая отличная получилась вечеринка. Она ловит мой взгляд и идет ко мне через всю комнату.

— Полный вперед, Беттина, — говорит она. — Я знаю, сколько труда ты вложила в свой номер. Тебя ждет сногшибательный успех. В конце концов ты же моя дочь. Ты их потрясешь, особенно на этих каблуках.

Я сажусь прямее. Мой танец! Мак не пришел, но, по крайней мере, я могу сделать что-то, чтобы Бэбс почувствовала себя лучше. Вот только скотч, который я потягивала все это время, вдруг обращается против меня. Когда я встаю, голова у меня кружится. У меня позывы к рвоте. Но я несколько раз слатываю, стараюсь их подавить, пока иду к себе в комнату за кассетой с «Кордебалетом». Захожу по пути в туалет посикать в надежде, что из меня выйдет часть скотча. Мне хочется сполоснуть лицо холодной водой, но я боюсь размазать макияж. Я просто смотрю в зеркало и думаю: «Я смогу. Я столько репетировала».

Я занимаю позицию на верху винтовой лестницы. Той самой, на которой срезала себе часть волос. Но сейчас ведь все иначе. На сей раз конец будет счастливый.

— Леди и джентльмены, — говорит Бэбс, — как капитан этого круизного

лайнера я имею честь представить вам номер, подготовленный членом нашего экипажа. Моя дочь Беттина!

Все умолкают. Собравшиеся рассеянно хлопают, пока не видят меня на вершине лестницы. Тогда их энергия сосредотачивается и ударяет в меня точно волна. Я уже не на обочине вечера, я уже не помощница на празднике, я внутри самого праздника, я неотъемлемая его часть.

– Валяй, Беттина! Жги! – кричит Бэбс, улыбаясь мне снизу вверх, и выбрасывает вверх правую руку.

Я цепляюсь за перила. Тошнота не отступает. Я выжидаю мгновение, как учила меня Бэбс, и только потом включаю музыку. Потом я поднимаю голову, смотрю на зрителей. Начинается музыка. Поехали...

За танец десять, за внешность три
Отказом снова зад подотри...

Я покачиваю бедрами, снимаю халатик. Выставляю напоказ бикини. Высоченные каблуки в тон вышитым буквам.

Если у актрисы невезенье,
Грудь и бедра – вот спасенье!

Я вскидываю руку, тычу пальцем в воздух. Подпевая, стараюсь не пропустить ни такта. Все еще испытываю позывы к рвоте. Зрители смеются. Я боюсь, как бы они не решили, что я не умею танцевать. Я все равно продолжаю.

Обратись скорей к специалисту,
Он тебе шасси отладит быстро.

Теперь я двигаюсь гораздо медленней. Я уже перестала нервничать из-за танца. Мне просто надо добраться до подножия лестницы. Бэбс ненавидит тех, кто не доводит дело до конца. Гости все еще смеются.

На мою фигуру посмотри,
У меня не жизнь теперь, а попурри...

Остается пять ступенек. Всего пять ступенек. Я смотрю не на людей, а под ноги. Я уже больше не слышу музыки. Музыка превратилась в огромный шар звука, катящегося за мной вниз по лестнице. Жаль, что у меня нет биты, чтобы заслать его подальше... Я почти дошла. Почти закончила. Но нет. Я спотыкаюсь и падаю. И это не незначительное падение. Моя голова ударяется о край последней ступеньки, ноги перелетают через голову. Я чувствую удар, потом словно бы треск рвущейся ткани. Что-то мокрое...

Музыка все играет, но я просто лежу на мраморном полу. Белое бикини и скособоченные синие стилеты. Руки-ноги раскинуты, словно, спускаясь на лыжах, я налетела на камень. В голове у меня жгучая боль, такая сильная, что я ее почти не чувствую. Щеки у меня горят. Я знаю, что все стоят и на меня смотрят. Не могу позволить, чтобы они увидели, как я плачу. Я буду лежать тут, пока все не уйдут домой. Пусть на меня наступают. Мне все равно. Тогда я проберусь к себе в комнату. Постараюсь не попадаться на глаза Бэбс. Стану проигрывать в голове этот кошмар и недоумевать, как же это я сумела придумать такой идиотский план. Если бы я просто последовала примеру Фрэнсис, то не попала бы в такую передрягу. Она, наверное, все еще смотрит телевизор в комнате Стейси, пьет свой ананасовый сок, ест зеленое желе, в котором плавают крошечные оранжевые спасательные круги.

Чья-то рука у меня на спине... Она ласково меня гладит, потом берет за правый локоть, чтобы поднять. Поначалу я ничего не вижу, потому что лицо у меня залито кровью. Кровь струится из моего лба, и от того все размыто. Бэбс, говорю я себе. В кой-то веки она меня пожалела. Сейчас она мне скажет, мол, ничего страшного, мол, никакое это не фиаско, мол, я старалась как могла.

Я смотрю в пол и вижу рядом со своими ее стилеты цвета морской волны. Тут происходит нечто странное. Я вижу руки, которые меня касаются, меня поддерживают, и до меня доходит, что это не ее руки. Я поднимаю глаза и вижу его. Мака.

Он держит меня за локоть осторожно, просто чтобы удостовериться, что я не поскользнусь в крови и не упаду еще раз. Он отводит волосы от моего лица. Я не слишком четко его вижу, но понимаю, что он не потрудился одеться к празднику, что на нем самая обычная будничная рубашка. Пахнет от нее, как от всех прочих его рубашек, и от запаха я начинаю плакать. Я прислоняюсь к нему. Если бы Мак пришел раньше, Бэбс, вероятно, напрочь забыла бы про мой танцевальный номер. Ничего этого не случилось бы. Но теперь он тут. Наконец-то он пришел меня

спасти.

Я чувствую другую руку на моем локте. Она отрывает меня от Мака, тащит на кухню. Бэбс. Она, наверное, вне себя, потому что Мак успел ко мне первым. Хочет утвердить свое право матери. Утешить меня. Мак идет за нами через распашную дверь. Мы все еще идем, когда вслед за нами бегом врываются Лукас и Поппи.

Хотя на кухне с нами еще трое взрослых, для меня в целом свете нас только двое: Бэбс и я. Повисает пауза. А потом... А потом Бэбс отводит правую руку, замахивается и дает мне пощечину. Со всей силы. По лицу. Я едва не падаю снова, но левой рукой она меня удерживает. Отвешивает новую пощечину. Щеку саднит, но боль – более живая и сконцентрированная, чем неряшливая кровь, льющаяся у меня со лба. Если бы от пощечин не было больно, ощущение было бы приятным. В каждой пощечине силы больше, чем Бэбс когда-либо обращала на мое тело. Оба раза, когда ее ладонь врезается в мою щеку, контакт превращает нас в единое существо. Я чувствую ее энергию и ее злость. А еще ее реакция воспринимается как любовь.

Бэбс меня отпускает.

– Неудачный ход, детка. Упасть и все испортить. Залить кровью рубашку Маку. Ты все испоганила.

Она права. Мне нечего сказать.

– Господи, Бэбс, – вмешивается Лукас. – Она же просто ребенок. Что на тебя нашло?

– Она мой долбаный ребенок, Лукас. Могу делать с ней что хочу.

– Нет, не можешь.

– Отлично, – говорит Бэбс, глядя на Поппи. – Забирай ее с собой в Нью-Йорк, родственничек. Мне-то что? Сам увидишь, сколько радости от двенадцатилетней паршивки.

Мак все еще стоит тут, стоит немым свидетелем. В отличие от Лукаса, он не произносит ни слова, но я чувствую, как он отстраняется. Наверное, думает, что все превратилось в семейнуюссору. Не хочет вмешиваться.

– Завязывай с драмой, Бэбс. Никто никуда не поедет. Просто возьми себя в руки, – говорит Лукас.

– Драма?! Возьми себя руки?! Я тебе покажу драму!

Бэбс собирается дать пощечину Лукасу? Запустить в него чем-нибудь? Что бы ни было у нее на уме, Лукас на шаг отступает. Берет за руку Поппи.

– Послушай, все позади. Никто не упал за борт. Пошли танцевать под Дучина и поливать людей розовым шампанским.

Бэбс медлит, потом говорит:

– А неплохая, однако, идея.

У Бэбс есть Мак и Лукас. Шумная вечеринка и сексуальный наряд. К чему тратить на меня время? Ее жизнь продолжается.

– Беттина, найди Лили и скажи, чтобы она тебя помыла. И переоденься. Праздник окончен.

Она уходит в гостиную. Лукас и Поппи следом. Дело закрыто. Лукас – кузен Бэбс. В конце концов, он Баллентайн.

Мак задерживается.

Моя кровь залила ему всю рубашку. Красные отпечатки рук испачкали ему штаны. На запястьях у него следы крови. Наверное, даже на часах капли. Я привлекла его внимание, я произвела впечатление. Он растрепан и выглядит измученным треволнениями.

Мак подходит ко мне ближе. Наклоняется и целует меня в лоб. Немного моей крови остается у него на губах, и он отирает их тыльной стороной ладони. Кровь у меня все идет.

– Выздоравливай поскорей, Беттина, – говорит он.

Я думаю, он мог бы взять меня за руку и отвести наверх. Но нет. Он все-таки пришел на вечеринку.

Лили набирает мне ванну, держит у меня на лбу полотенце, чтобы остановить кровь. Стирает с лица остатки макияжа. Одевает меня в футболку и джинсы – самое оно надеть ребенку для поездки в больницу накладывать швы.

Когда мы уходим, времени почти одиннадцать. Вечеринка чуть поутихла. Она уже не лихорадочно бурлит, а просто мягко клоочет. Бэбс и Мак о чем-то бурно разговаривают в углу. Наклонились друг к другу. Если бы тут не было гостей, Мак бы скоро ее поцеловал. А может, и нет. Может, это совсем другого типа разговор. Крайне личный, но знаменует, что все подошло к концу. Откуда мне знать...

Мы с Лили почти всю ночь проводим в приемном покое. Мне накладывают пятнадцать швов. Медсестры дарят мне розового плюшевого слоника с красным бантом. Странный получается чек или рецепт...

Домой мы возвращаемся под утро. Вечеринка окончена. В пентхаусе прибрано, только оконное стекло еще не вернули на место. Но разошлись не все. У входной двери пара белых конверсов. Кеды Лукаса. Они с Поппи, наверное, спят в гостевой комнате. Я пинаю кеды, и они разлетаются в разные стороны, перестав быть парой.

Рядом с ними мокасины Мака с коллекционными пенни в петельках и его синий пиджак. Я подхожу к горке вещей Мака и засовываю розового плюшевого слоника в карман его пиджака. Так я хочу сказать: «Спасибо» и

«Не забывай меня». Спрашиваю себя, что он сделает со слоником, когда попадет домой?

На следующий вечер Бэбс ведет меня обедать. Без Стейси. Только мы вдвоем. Она заказывает мне креветочный коктейль и филе миньон. Мы практически не разговариваем. Бэбс ни словом не упоминает про мои швы. Она съедает свой салат «нисуаз» целиком и даже одну булочку. Позволяет мне заказать банановый крем на десерт. Ни слова о том, что я могу растолстеть. Ни единого.

7. Разрыв

Июнь 1980

С вечеринки прошло уже две недели, а от Мака ни слуху ни духу. Я все еще не знаю, о чем они говорили, когда мы с Лили поехали накладывать мне швы, но думаю, едва ли разговор закончился хорошо, пусть Мак и остался потом на ночь. Бэбс мне как-то сказала, что, если кто-то хочет с тобой трахаться, это еще не означает, что он хочет с тобой отношений или что ты ему вообще нравишься. *«Не стоит приписывать слишком многое такому пустяку».* Поэтому я не уверена, действительно ли Бэбс по нему скучает и действительно ли так удивлена. Но люди не бросают Бэбс, когда им вздумается. Только она вправе решать, когда им уходить.

Как-то перед обедом мы с Бэбс разбираем на кухне светло-голубые льняные салфетки и скатерти, оставшиеся от ее родителей. Бэбс заявила вдруг, что хороших вещей у нас очень много, а Лили недостаточно часто меняет скатерти. Мы слышим шум лифта. Бэбс все складывает и складывает салфетки.

Потом мы слышим его.

– Бэбс? – окликает он. Его шаги направляются к нам. – Ты тут?

Мак.

На Бэбс аквамариновый шелковый халат. Волосы у нее мокрые, и она без макияжа. Поначалу она молчит, ждет, когда он войдет. Потом:

– Да. Господи, Мак, если бы я знала, что ты придешь, я бы навела марафет. У нас тут вроде как день уборки.

Она тянется за поцелуем, но он отворачивает голову, и она попадает губами ему в шею.

– Какого черта, Мак? С чего это ты вдруг заботишься о приличиях? Мы уже целовались перед паршивкой, не забыл?

Он смотрит на меня, скорее морщится, чем улыбается.

– Привет, Беттина, – говорит он. До него только сейчас доходит, что я в одном с ними помещении, стою и смотрю на них.

– Так где, черт побери, тебя носило? Обедать будешь?

– Давай поговорим об этом в гостиной.

– Так, значит, есть «это». Нет. «Это» может оставаться прямо на кухне. Хочу показать Беттине, как ведет себя мужик после того, как его трахают так, что в глазах темнеет, а потом он решает, что ему надо передохнуть.

– Ты же знаешь, что я хочу не просто передохнуть. Это мы уже

проходили. Все кончено.

– Тогда какого черта ты здесь?

– Я пришел за запонками. Они были на мне, когда я был у тебя месяц назад, а в Чайном доме я уже повсюду искал. Наверное, я тут их забыл.

Бэбс разражается хохотом.

– Ты хочешь сказать, что специально приехал за запонками? Чушь собачья. Я бы их тебе прислала, сам знаешь. Их тут нет, дорогуша. Делайла нашла бы их, когда прибиралась у меня в комнате.

– Мэгс подарила их мне на нашу годовщину, Бэбс. Может, я поищу? Может, они под кроватью.

– А пошел ты.

Он пытается взять ее за руку, но она ее отдергивает. Потом она даже обнимает меня за плечи.

– Мы с Беттиной правда очень заняты. Я позвоню, если их найду.

Мак открывает было рот, но осекается. Он просто не знает, что говорить в такой ситуации. Он уходит из пентхауса с пустыми руками. От Бэбс хаявы не жди.

Мы садимся за стол. Когда Лили подает еду и уходит, Бэбс возвращается к визиту Мака.

– Он говорит, мол, все кончено. У меня не бывает «все кончено». Возможно, «с меня хватит», но «все кончено» звучит как в плохом кино. Я просто знаю, что Мэгс поставила ему ультиматум, а он испугался, что, если мы не поостынем, она вышвырнет его из Чайного дома. Это просто чушь собачья. Она никогда не станет пачкать себе руки разводом, и она знает, что рано или поздно Мак снова нечто подобное выкинет. Три минуты миссионерского секса просто не для него.

– Значит, он вернется? – спрашиваю я.

– Не сомневаюсь. – Запустив руку в карман халата, она вытаскивает три золотых морских узелка, бросает их в пепельницу, продолжает курить.

Мне хочется выхватить их из пепельницы, но я смотрю, как она присыпает их пеплом.

– Вопрос в том, приму ли я его назад. Я не слишком жалую «новые начала».

Мне хочется вступиться за Мака, сказать Бэбс, что он стоит того, чтобы ждать, но я держу язык за зубами. Она ведь может выйти из себя, если решит, что я не всецело на ее стороне. Я просто смотрю на золотые узелки и думаю, а вдруг, когда закончится обед, их удастся спасти.

– С одной стороны, было бы глупо лишать мое естество его талантов, а с другой, нельзя же позволять ему думать, что я так легко сдамся.

Она снова затягивается своей «Дачес Голден лайт», потом тушит ее о запонку.

– По моим прикидкам, он вернется недели через две. У меня достаточно времени, чтобы решить, как поступить.

– Звучит разумно, Бэбс, – говорю я.

Как только она встанет, я заберу запонки и буду спать с ними. Положу под подушку, как молитвенник. Она закуривает очередную сигарету.

Обед никак не заканчивается, и я понемногу прихожу в отчаяние. Бэбс повторяет и повторяет, мол, через две недели он снова появится в пентхаусе, и я точно знаю, что она примет его назад. Нет смысла обсуждать другие варианты. Но запонки... Так мучительно видеть, как они лежат в пепельнице, как их заваливает гора окурков. Словно Бэбс прижигает сигаретой Маку запястья.

Наконец она отодвигает стул. Я было расслабляюсь, но вдруг вижу, что она забирает пепельницу с собой. Я встаю и иду за ней в ванную. Она поворачивается и замечает меня.

– Обычно, девочка моя, я предпочитаю ходить по-большому одна, но у тебя что-то на уме. Тогда поступим иначе.

Она берет меня за руку, в другой удерживает на весу переполненную пепельницу. Мы переступаем порог.

– Мак облажался. Конечно, он вернется, а пока я ему не банковская ячейка. Но нельзя упускать из виду главное: если мужчина решает вдруг от тебя отдохнуть, никогда не возвращай ему его игрушки. Но и сентиментальности не поддавайся, не прячь их по углам. Выброси. Он поймет. Возможно, не во всех подробностях, но суть-то уловит. А именно, что в конечном итоге ты победила.

Не успевает последнее слово сорваться у нее с языка, как она опрокидывает содержимое пепельницы в унитаз. Запонки тонут, и я слышу, как они со звуком мелкой гальки ударяются о дно чаши. Окурки от сигарет плавают, как опавшие листья на поверхности озера. Бэбс кладет руку на серебряную ручку и нажимает.

Интересно, она права? Мне кажется, что подобные ритуальные жесты лучше приберечь до тех пор, когда все действительно закончится.

Три недели спустя Бэбс приходит ко мне в игровую комнату.

– Вылазка на природу, – заявляет она. – Хочу показать тебе, где я выросла, Беттина.

Мы с Бэбс садимся в ее красный «Ягуар» с откидным верхом. Лили с вечера упаковала нам корзинку для пикника. Бэбс говорит, мол, мы остановимся у Чайного дома, потом поедем на кладбище Грасс-вудс и

устроим себе пикник на могилах Эйдоры и Монти. Я стараюсь не думать о предстоящем. Мало того что в Чайном доме теперь живут Мэгс и Мак, которые, вероятно, не захотят, чтобы Бэбс к ним заезжала, так еще и кладбище: нормальные люди не устраивают пикник на кладбище. Но я так счастлива, что могу провести день с Бэбс, что на все соглашаюсь.

На мне красивое летнее платьице, которое Бэбс купила днем раньше. В белую и розовую клетку. Конечно, оно больше бы подошло девочке помладше, но все равно миленькое. А еще на мне новенькие белые сандалии. На Бэбс – белые шорты, нежно-розовый топ с принтом Лилли Пулитцер^[13] и лаймово-зеленые открытые босоножки от «Джек Роджерс». Ноги у нее загорелые и стройные. Когда она нажимает на педали, видно, как движутся под кожей мышцы. Ногти у нее на ногах покрашены нежно-розовым лаком – в тон топу. Светлые волосы распущены и убранны ото лба, как ободком, огромными солнечными очками «Джекки О.»^[14]. В целом вид совершенно грасс-вудский. Словно сам пригород – это клуб со строгим дресс-кодом. Не похоже на Бэбс – одеваться так, чтобы подольститься к другим людям. Наверное, у нее есть какой-то план.

Она врубает последний хит Стиви Уандера и курит, не отрывая рук от рулевого колеса. Мы едем по Лейк-шор-драйв до Шеридан-роуд. Я смотрю, как мимо бегут дома. Сначала они маленькие и скромные, потом начинают увеличиваться в размерах. Чем дальше мы отъезжаем от города, тем больше и больше становятся лужайки. Словно у них наконец достаточно места, чтобы потянуться и вздохнуть свободно.

На пол у моих ног Бэбс поставила шестибаночную упаковку имбирного лимонада. Сказала, мол я могу пить сколько хочу. Я еще не ела ланч, и мне скорее хочется есть, чем пить, но я выпиваю по меньшей мере три банки. Я все поглядываю на Бэбс, проверяя, нет ли тут подвоха, но она даже не морщится, когда я щелчком открываю следующую банку. Она даже улыбается.

Мы проезжаем Ивенстон, Кенилворт, Лейк-Форст. Наконец мы оказываемся в Грасс-вудс. На парковке у железнодорожной станции пусто, ни одной машины. Никто из мужчин никуда не едет. Все они дома, где им и полагается быть.

Бэбс едет по нескольким длинным петляющим шоссе, притормаживает у забора с огроменными воротами. Ворота открыты, и Бэбс в них сворачивает, под колесами хрустит гравий. Перед нами – величественный дом цвета лососины с черными ставнями. Дом большой и солидный с виду. Он выглядит так, словно способен дать отпор кому угодно. Бэбс не смогла

бы убрать тут окна, превратить его в круизный лайнер, танцевать по нему в белом купальнике. Чайный дом стоит на твердой земле, незыблемый и непреложный.

Едва въехав в ворота, Бэбс останавливает «Ягуар», выходит и бросает бычок прямо на гравий дрожки, даже не затушив. Окурок – своего рода визитная карточка. Я почти уверена, что Мэгс не курит.

Бэбс упирает руки в бока, прислоняется к машине, уверенная и спокойная, будто красавица с рекламного плаката. Закурив очередную сигарету, она неспешно осматривается по сторонам. Рядом с нами своего рода сторожка. Видно только одну машину. Коричневый универсал. Бэбс как-то мне сказала, что у Мака зеленый «Остин Мини». Наверное, Мака нет дома. Слава богу.

Она проводит рукой по капоту универсала и говорит:

– Готова поспорить, она его подвозит до станции и забирает в этой старой развалюхе. – Она то ли смеется, то ли фыркает.

Мне незачем спрашивать, кого она имеет в виду. В своем интересе к людям Бэбс до крайности однобока. В настоящий момент «он» всегда относится к Маку, «она» – к Мэгс. Я никогда не встречала Мэгс. Но что-то мне подсказывает, что я вот-вот с ней познакомлюсь.

Мне нужно в туалет. Я так была занята, впитывая новые впечатления, что на меня просто накатывает.

– Мне хочется писать, Бэбс, – говорю я.

Одна проблема, которая решит другую: нам придется уехать из Чайного дома и поискать ресторан, где я могла бы сходить в туалет, а значит, мы избежим встречи с Мэгс. Бэбс кивает.

– Просто поднимись на крыльце и постучи, – говорит она. – Так уж вышло, что я знаю, туалетов там достаточно. В конце концов, я в этом доме выросла. В вестибюле есть уборная.

– Я не знакома с теми, кто тут живет, – возражаю я, хотя, конечно же, я знакома.

– Да не будь ты такой чертовой трусишкой. Если тебе надо, иди.

– А ты со мной пойдешь? – спрашиваю я, заранее зная, каков будет ответ.

С другой стороны, иметь в сопровождающих Бэбс, возможно, не самая удачная мысль.

– Не-а. Тебе же надо, детка, – говорит она, точно я сама во всем виновата. Тут она недалека от истины.

Я стараюсь не паниковать. Я перебираю варианты. Можно пописать прямо тут, где стоим. Нет. Можно подойти к дому поближе и пописать где-

нибудь на лужайке. Никто не увидит, тогда я вернусь в машину, и мы сможем уехать.

Бэбс ждет.

Я мелкими шажками направляюсь к дому, с каждым шажком желудок у меня подпрыгивает к горлу. Я знаю, что Бэбс за мной наблюдает, как положено присматривать за маленькими детьми. А потом она вдруг исчезает. Я вижу, как она садится в машину, сдает задом по скрипучему гравию и уезжает. Теперь у меня две проблемы. Но в туалет мне нужно так сильно, что я боюсь обмочиться, если не попаду в дом как можно скорей. Я перехожу на бег.

И вдруг я вижу ее. Жену Мака. Мэгс. Она выходит из боковой двери Чайного дома. На ней штаны цвета хаки, розовая с голубым рубашка и резиновые сапоги, наверное, она возилась в саду. Она такая красивая и выглядит такой милой, что мне хочется плакать. Точно роман Бэбс с Маком – это моя вина. Волосы у нее собраны узлом на затылке, а глаза – небесно-голубые и ясные. Как озеро, в котором никто не плавает. Лицо отчасти в тени козырька и нетронуто солнцем, зато руки загорелые. Она подносит руку ко лбу, прикрывая глаза от яркого солнца.

– Я могу вам чем-то помочь?

Я знаю, Мэгс видит во мне ту, кем я не являюсь, – самую ординарную двенадцатилетнюю девчонку в розовом с белым летнем платье. Приятельницу ее сына Хейлера, наверное.

– Э... э... Мне, честное слово, очень нужно в туалет. – Я забываю сказать «пожалуйста». Вот как сильно мне нужно.

Я знаю, она хочет спросить: «Как ты сюда попала?» – но этого не делает. Она хорошая мать. Понимает, как сильно мне нужно в туалет.

Она заводит меня в дом. Как Бэбс и сказала, одна дверь в вестибюле ведет прямо в уборную. Унитаз там розовый, как цветок. Я сажусь. Устраиваюсь поудобнее. Перевожу дух, когда сильная, мерная струя жидкости ударяют в дно чаши. Заканчиваю. Подтираюсь, натягиваю трусы и иду мыть руки. На приступочке у раковины лежат аккуратно сложенные льняные полотенца для рук. На всех монограмма «МММ». Марго и Маккормак Морс. Проблема. Я не хочу их пачкать, не хочу сдвигать их с места, но не хочу, чтобы выглядело так, будто я не помыла руки.

Я открываю кран. Беру кусок розового глицеринового мыла из белой фарфоровой мыльницы на раковине и тру им руки. Закончив, я провожу ногтем указательного пальца по мылу. Остается длинная борозда. Мэгс поймет, что я им пользовалась, поймет, что знаю, что такие хорошие манеры, поймет, что я добросовестно отношусь к гигиене. Я вытираю руки

о платье, оставляя на подоле мокрые полосы.

В вестибюле Чайного дома целый ворох плащей и обуви – жилой беспорядок, какого никогда не бывает в пентхаусе. Я замечаю синий свитер. Хлопковый, с воротником в рубчик, приблизительно моего размера. Аккуратно свернутый, он лежит на потертой старинной скамье. Под ним – пара детских кроссовок с высоким верхом. Рядом – кепка в красную с синим и желтым клетку. Это все Хейлера? Мне хочется подержать кепку, забрать ее с собой в пентхаус. Может быть, спать в ней.

Мэгс стоит на крыльце, прямо у входной двери. Я стараюсь вести себя как можно вежливее. Надеюсь выбраться отсюда, не причиняя неприятностей.

– Спасибо, что разрешили воспользоваться уборной. Мне правда было очень надо.

– Тебе получше? – спрашивает Мэгс.

«Не слишком», – хочется ответить мне. Значит, экскурсию по Чайному дому мне все-таки не устроят. Пропуск у меня был только в туалет.

Она делает шаг в мою сторону.

– Прости, но я никак нем могу понять, как ты сюда попала.

Дерево в палисаднике закрывает мне обзор, но я чувствую, что Бэбс вернулась. Но мне никак не угадать, каков будет ее следующий шаг. Я сосредотачиваюсь на Мэгс, хочу сказать что-то, что прозвучит логично, придумать историю, которая ее удовлетворит.

– Мы катались с мамой, и мне очень понадобилось в туалет, и она заехала в ворота дома, который показался ей приятным. Она увидела машину у ворот и поняла, что, наверное, дома кто-то есть.

Хотя Бэбс часто называет меня лгуньей, пока все, что я говорю, чистая правда.

– Но почему мама не подвезла тебя до двери? – спрашивает Мэгс.

– Э... – я усиленно соображаю. – У нее было какое-то дело. – А вот это неправда.

– Ох, глупость какая, – говорит Мэгс. – Мне очень жаль, что тебе пришлось идти пешком.

– Нет, все в порядке. Спасибо, – говорю я. – Мне нужно возвращаться к машине.

Я знаю, что Бэбс меня ждет. Знаю, что она теряет терпение. Я поворачиваюсь уходить, но Мэгс хватает меня за руку.

– Постой-ка, у тебя лицо почему-то знакомое. Может, я знаю твоих родителей?

– Сомневаюсь, – говорю я. Совсем уже неправда.

– Как тебя зовут?

– Беттина.

Ошибка. Мне следовало бы что-то придумать, поднапрячься по части лжи. Мэгс отдергивает руку, точно я ее обожгла. Наверное, жалеет, что не сказала мне напиться из чаши унитаза, а не писать туда.

– Беттина? – переспрашивает она, проверяя, не ослышалась ли.

– Беттина, – повторяю я.

Взгляд у Мэгс уже не дружелюбный и не материнский.

– Тебе не следует заходить в дома чужих людей, Беттина, – говорит она. – Даже если тебе надо воспользоваться уборной. Так у нас в Грасс-вудс не делается.

В другой руке она сжимает лопату, ее пальцы впиваются в деревянную ручку. «Брось ею в меня», – хочется сказать мне. У меня нет нужного ответа.

Она поворачивается ко мне спиной, уходит к боковому входу в дом.

– Доброго тебе дня, – сухо говорит она, отряхивая грязь с сапог, когда поднимается на ступеньку.

– Спасибо, Мэгс, – говорю я, стараясь вложить в это прощание «извините».

Резко обернувшись, она смотрит мне прямо в лицо. Будь она человеком иного склада, она в этот момент заорала бы. Но она только говорит:

– Миссис Морс. Тебе правда пора идти. До свидания, Беттина.

Я смотрю, как она исчезает в Чайном доме. Я возвращаюсь по подъездной дорожке искать Бэбс.

Бэбс рвет на газоне одуванчики. Она взаправду выглядит так, будто это ее мирок.

Она на меня смотрит. У меня на лице моя «фирменная задумчивая мина» – по выражению Бэбс. Я думаю о Хейлере. Где он? На занятиях по теннису в «Хопсеквеске»? В скаутском лагере? Я наконец познакомилась с Мэгс, но теперь до меня доходит, что познакомиться-то я на самом деле хотела с ним.

Бэбс легко проскальзывает в салон машины. Я тоже сажусь. Закурив, она с мгновение мешкает, прежде чем запустить мотор.

– Ну и как прошло? – спрашивает она.

– Ммм... нормально. – Я не знаю, чего она от меня ждет.

– Видела ее?

– Да.

– И как она тебе?

– Хорошенькая. – Поскольку Бэбс красавица, думаю, она не слишком обидится на мою оценку.

– Хорошенькая крошка, кошка драная. Все в этой деревеньке на одно лицо. И мысль у них на всех одна – одна и та же. В отличие от тебя, ни у одной нет мозгов. Они листают альбомчики с картинками и думают, будто начитанны. Они раз в год ходят на балет или в оперу и считают себя культурными. Должно же быть что-то помимо «хорошенькой». Она с тобой разговаривала?

– Да. Она рассердилась, что я пришла.

– Так я и думала. Эти женщины просто исходят ядом. Теперь ты понимаешь, почему Мак приезжает в пентхаус. Ты была очень храброй, что туда пошла. Но Чайный дом тут не главное. Я хотела, чтобы ты сама увидела, какие ограниченные эти женщины. Никогда, никогда не живи в пригороде. Все эти долбаные теннис и гольф, садоводство и репетиторы для сопливых детишек. И оргазм они испытывают лишь однажды – когда едят карамболу в «Оскарс Маркет». Слава богу, я сбежала.

Все, что она перечисляет, звучит не так уж и плохо, но что тут скажешь? Мы покидаем Грасс-вудс раз и навсегда.

Когда мы возвращаемся в пентхаус, я понимаю, что Бэбс ждет гневной вспышки Мака. Что угодно, лишь бы его вернуть, пусть даже придется использовать меня, чтобы вывести из себя его жену.

Я воображаю, какую она заготовила отповедь: «Это моя мать велела установить тот чертов туалет. Что может быть невиннее, чем ребенок, попросившийся в уборную?»

Но ссоре не суждено состояться. Проходит неделя за неделей. Мак все не появляется.

8. Похороны

Август 1980

Через два месяца после нашего визита в Чайный дом Мак погибает в автомобильной аварии. Он врезался в дерево по пути домой из бара в Грасс-вудс, бар назывался «Асы». Капот всмятку, лицо Мака вдавлено в рулевое колесо. Перебрал скотча.

Я думаю про скорость. Мак движется, потом не движется. Вся энергия ушла в рулевое колесо. Несся в своем «Остин Мини» без ремня безопасности. В этом весь Мак.

Бэбс узнает новости от Талли. Бэбс не плачет. Во всяком случае, при мне. Мне она говорит, мол, да, люди умирают. Нет смысла разводить долбаную драму. Будут похороны. Надо строить планы, покупать одежду. В похоронах Бэбс видит своего рода вечеринку. Соберется уйма разодетых людей, чтобы попрощаться с одним из близких.

Поминальная служба должна состояться в Грасс-вудс через четыре для после аварии. Гроб будет закрытый, поскольку тело Мака слишком покорежено, но оно все равно будет там лежать. Эдакий разлагающийся, воняющий гость.

Бэбс даже не приходит в голову, что ее присутствие на похоронах может быть неуместно. Она надевает черное льняное прямое платье, а ведь она ненавидит черный цвет, потому что он идет слишком многим женщинам. Скрывает глаза за большими черными очками и в черный клатч кладет упаковку салфеток. Жемчужное ожерелье, которое она купила в отместку Маку, красуется у нее на шее. Возможно, она все-таки сентиментальна.

Она настаивает на том, чтобы я поехала с ней, хотя, насколько я успела понять, большинство людей не возят детей на похороны, если только дети не в родстве с усопшим. Меня она одевает в светло-розовое льняное платье с розовыми рюшами по вырезу – точно я какой-то аксессуар, может, бантик в ее светлые волосы.

Я не хочу ехать. После поездки в Чайный дом Мэгс знает меня в лицо. Если я появлюсь в церкви, это ее расстроит. Иногда мне кажется, что это я виновата в смерти Мака. Если бы я не упала на «Похмельной жрачке в круизе», если бы не залила кровью ему одежду, он, возможно, вернулся бы в пентхаус. Он занялся бы сексом с Бэбс на ее шелковых простынях, не пил бы в баре, не сел бы потом за руль. Я уверена, что инцидент на вечеринке

положил конец их отношениям. Он просто не смог такого вынести. И слишком сложно было объяснять Мэгс, откуда кровь на рубашке.

Фрэнклин везет нас в Грасс-вудс на «катафалке». Когда мы подъезжаем к церкви Святой Троицы, оказывается, что мы опоздали. На улице никого нет, и большие белые двери закрыты, но Бэбс сует мне в руки букет белых роз.

— Они для Мака, Беттина. Ненавижу дурацкие венки на пластмассовых ножках. Из-за них гроб выглядит так, словно он в кругу победителей на Кентуккском дерби. Я хочу, чтобы ты положила букет на гроб. Розы — это сдержанно, но со вкусом.

Какой ужас... Не понимаю, как я сумею положить их туда так, чтобы все, особенно Мэгс, меня не увидели.

Волосы у меня стянуты на затылке в маленький тугой пучок. Вид у меня такой, будто я собиралась не на похороны, а на занятия балетом. Преспокойно поднимаясь по ступенькам, Бэбс держит меня за руку, словно мы тут взаправду только для того, чтобы отдать дань уважения.

Мы входим. Поют гимн «Господь мой, опора наша...» Бэбс толкает меня в спину, чтобы я шла по проходу, теперь я сама по себе, одна-единешенька. Она решительно остается у задних рядов.

Я иду по проходу. Люди перестают петь. Едят меня глазами. Я сосредотачиваюсь на гробе. Нервничаю из-за букета. На самом гробе ничего больше нет. Он просто блестящий и черный — как рояль. Я почти дошла, когда чья-то рука хватает меня за запястье. Не дает идти дальше. Рука — красивого подтянутого мужчины, очень похожего на Мака. Впрочем, большинство мужчин в церкви на него похожи.

Он отводит меня в сторону. Я вижу, как у передней первой скамьи стоит Мэгс. Левой рукой она обнимает мальчика одних со мной лет в синем блейзере. Хейлер. Волосы у него темные, как у нее. Он стоит, склонив голову, он смотрит в пол. Он очень худой, как Мэгс. Я вижу его туфли. Мокасины с петельками. Интересно, монетки там? В руках у него мяч для гольфа. Наверное, из тех, с которыми Мак сыграл пару партий. Мэгс поворачивается посмотреть на меня, но я не смею встретиться с ней взглядом. Я молюсь, чтобы она поняла, что происходит: что меня послала с очередной миссией моя мама.

Мужчина — брат Мака? его кузен? — мягко тянет меня к концу передней скамьи. Точно собирается не отругать меня, а отвести на положенное место. На мгновение у меня даже возникает мысль, что сейчас укажет мне свободную скамью. Усадит меня. Но нет, мы идем дальше, идем к выходу. Букет все еще у меня в руках. Стебли роз обмотаны розовой ленточкой

поверх зеленой бумаги. Их шипы безопасны под шелковистой оберткой. Розы того же сорта, какие я видела в саду Мэгс в наш визит в Чайный дом. Они выглядят так, будто я их украла.

Мы добираемся до паперти. Я думаю про Хейлера, который остался внутри. Он, наверное, один-единственный в церкви, кто не поднял глаз на меня посмотреть. Я вспоминаю клетчатую кепку, которую видела в вестибюле Чайного дома. Она еще там? Или, когда твой пapa умирает, тебе покупают новую одежду, а старую выбрасывают?

Я одна-одинешенька иду к лимузину-«катафалку». Бэбс сидит внутри. Скорее всего, она вернулась в машину, как только я начала свой путь по проходу. Она о себе заявила. Незачем закатывать сцену.

Мотор работает вхолостую, она сидит сзади и лениво курит. Она изучает программку службы, точно театральную афишку. Щупает бумагу.

— Кремовая так двусмысленна, — объясняет она мне. — Сразу наводит на мысли о свадьбе. Я бы выбрала снежно-белую. К тому же не так женственно. А шрифт? Чуточку неформальный. О чем она только, черт побери, думала?

Она смотрит на программку на просвет и нечаянно роняет пепел себе на черное платье, смахивает его программкой.

Мотор работает вхолостую, поскольку Фрэнклин знает, что лучше не трогаться без инструкций. С Бэбс становится приказывать ехать в аэропорт О'Хара или в Ньюпорт. Наконец она смотрит на меня. Видит букет. Недовольна. Крайне.

— Беттина, — говорит она, — тебе полагалось положить чертов букет на гроб. Даже отдать его Мэгс было бы милым жестом. Ты ведь действительно нравилась Маку, знаешь ли. Это был твой шанс сказать спасибо. В моей жизни будет уйма мужчин. И немного найдется таких, кому не наплевать на мою дочь.

Она отворачивается к окну. Она что, заставит меня снова пойти туда и еще раз попробовать? Одно я знаю наверняка, домой с нами букет роз не поедет.

— Может, просто оставить его на ступеньках? — предлагаю я.

— Нет, — отвечает Бэбс, — кто-нибудь о него споткнется и подаст, мать его, на меня в суд.

Я рассматриваю стоящий перед нами взаправдашний катафалк. Может, отдать цветы вознице, а он их положит на гроб? Сейчас ему ведь больше нечем заняться.

— Он же не долбаный флорист, — говорит Бэбс. Как всегда, она читает мои мысли.

Я съела бы розы, если бы могла. Я знаю, что запасной план будет не лучше первого.

День стоит солнечный, с резкими тенями. Я думаю, сколько ночных недоспал Мак, пока не уснул вечным сном. Секс, душ, отъезд из пентхауса в три-четыре утра. Две женщины. Две постели за одну ночь. Утомительно.

– Оук-лоун, – командует Бэбс, и мы мчимся к кладбищу.

Фрэнклин прекрасно знает, где это. Он возил туда Бэбс, когда умерли Монти и Эйдора. Два закрытых гроба, два катафалка.

Мы проезжаем стоянку возле кладбища, потом медленно ползем по длинной подъездной дорожке. Бэбс приказывает Фрэнклину остановиться, дальше мы идем пешком. На Бэбс лодочки с невысоким, как пристало леди, каблуком, и в землю они вонзаются, как подставки для мяча в гольфе. При каждом шаге она вытягивает каблук из мокрой травы. Вчера ночью шел дождь, и сама природа словно бы липнет к нам. Мои розовые балетки становятся грязно-бурыми. Они выглядят так, точно Бэбс купила их в секонд-хенде.

Может, мы собираемся навестить Эйдору и Монти? Оставим цветы на их могилах. Но когда мы устроили пикник у их могил после визита в Чайный дом, Бэбс букет с собой не брала. Она считает глупым оставлять цветы для покойников. Покойники про букеты не знают, а цветы вянут и умирают. Тогда зачем я несу розы для Мака? Понятия не имею. И идем мы в сторону, противоположную той, где похоронены мои дедушка и бабушка.

Вот и пришли. Кусок белого брезента в окружении комьев свежевскопанной земли. Над ним стоит мужчина, вот он начал обходить брезент. Брезент выглядит так, словно это плавательный бассейн, и он не хочет, чтобы в него кто-то упал. На нем клетчатая рубашка с короткими рукавами и штаны цвета хаки. У него короткие седые волосы, уже начавшие редеть. Бэбс подходит прямо к нему, кладет руку ему на локоть.

– Привет, Карл, – говорит она.

– Табита! Здравствуй, здравствуй, – отвечает он.

Он явно рад ее видеть. Взгляд у него становится совсем ласковым, и в тоне появляется нежность, что меня удивляет. Но нет, Бэбс никак не могла бы с ним спать. Он слишком старый и недостаточно красивый.

– Как поживаешь?

Он протягивает руку, мягкую и морщинистую от возраста, и касается ее щеки. Никогда не видела, чтобы кому-то было так комфортно в обществе Бэбс. Наверное, он помнит то время, когда хоронили ее родителей.

– По двое нечасто хоронят, – говорит он мне негромко, но ласково.

Я вдруг понимаю, что он видит Бэбс такой, какой не знает ее никто

другой. Брошенной и одинокой. Сиротой. Она цепляется за руку Карла и промокает платочком глаза. Но слез в них нет.

– Мы с Маком были близки. Особенно после продажи дома, – говорит она как самый нормальный человек, в ее голосе даже появляется оттенок грусти. – Он был добр к Беттине. Я решила не возить ее на похороны, это было бы слишком, но я подумала, вдруг мы сможем прийти и попрощаться до того, как после службы сюда приедут остальные. Ты же знаешь, наши родители так дружили. Он был как брат, которого у меня никогда не было.

Карл кивает. Точно это и на самом деле правда. Как будто он единственный в Грасс-вудс не знает, что у Бэбс и Мaka был роман. Или он просто шире смотрит на вещи, знает, чем в конечном итоге все заканчивается. Он гладит ее по плечу.

– Конечно, Табита. Можешь не торопиться. Я вас двоих оставлю. Пойду попью водички. Скоро вернусь. Остальные появятся не раньше чем через полчаса или около того.

Ласково потрепав меня по щеке, Карл уходит. Я все еще сжимаю букет. Не понимаю, к чему все ведет. Бэбс собирается произнести какую-то слезливую речь? Маловероятно. Мaka больше нет. «Пора, черт побери, двигаться дальше». Она смотрит на меня.

– Положи цветы в могилу. Так гораздо, гораздо лучше.

Как будто ничего сложного. Я наклоняюсь. Осторожно кладу букет на белый брезент, закрывающий дыру и все шесть футов под ней. Но теперь цветы выглядят брошенными, точно кто-то споткнулся и их уронил. Совсем не преднамеренными.

– Нет, не так, – говорит Бэбс, – Не на могилу, в могилу.

Когда я поднимаю глаза, она, невзирая на утопающие в земле каблуки, кажется такой высокой. На мгновение мне становится страшно, что она столкнет меня в яму. Что я там застряну и что мне на голову опустят гроб Мaka. Я могу сколько угодно кричать, но никому не будет до меня дела настолько, чтобы вытащить.

Но Бэбс меня не касается, только говорит нетерпеливо:

– Черт побери, Беттина, положи же цветы!

Я вижу, что Бэбс хочется поскорей со всем покончить и убраться отсюда. Отвернув угол брезента, я бросаю в яму цветы. Не вижу, куда они приземляются, даже стука не слышу.

Бэбс наклоняется поверх меня и швыряет что-то в яму. Что-то, что выглядит как горсть слипшейся гальки. Я поднимаю глаза и вижу, что шея у нее голая. Жемчуга. Цветы сгниют, но жемчуга навсегда останутся там. Будут лежать под гробом Мaka крошечными камешками. Вечно будут его

донимать.

Мы видим, как медленно возвращается, прикрывая ладонью глаза от солнца, Карл. Бэбс делает к нему несколько широких шагов. Берет его руки в свои.

– Спасибо, – тихонько говорит она, точно мы только стояли тут и читали молитву. Думали добрые мысли.

– Всегда пожалуйста, Табита, – серьезно отвечает Карл.

На меня он смотрит с прищуром, пристально. Может, он заметил, что мы сделали? Он машет нам на прощание. Снова занимает свой пост у могилы Мака. Бэбс поворачивается и направляется к «катафалку». Я бегу следом. Потом оборачиваюсь. Карл все еще смотрит нам вслед. Может, гадает, кто из нас умрет следующей.

Часть II

9. Кардисс

Сентябрь 1983

9 сентября 1983 года. Прозрачный ясный солнечный день в Кардиссе, штат Нью-Гэмпшир. Каждый листик четко очерчен. Ухоженные деревья тянутся ввысь. В небе – ни намека на серость, ни следа влаги, какие ожидаешь увидеть у горизонта над английском интернатом. Мне пятнадцать, и я приезжаю в школу-интернат на второй курс. Я – второкурсница или – на сленге Кардисса – «амеба».

Всем, видящим его впервые, Кардисс являет один и тот же вылизанный фасад. По-своему он даже красив. Он похож на колледж, только поменьше. Здания красного кирпича, белый мрамор крылечек. Над входными дверьми латинские изречения. Подстриженные лужайки раскинулись исключительно ради того, чтобы на них сидеть. Привлекательные мальчики и девочки раскинулись на них с раскрытыми книгами или тетрадями, точно нежатся на пляже образования.

Перед Кардиссом я в Чикаго не поехала. Бэбс сказала: «Ты сама это себе выбрала, детка. Ты слишком взрослая, чтобы я распаковывала твои вещи и застилала тебе постель». Ее не привлекают водянистый кофе и знакомство со всякими жизнерадостными родителями, которые захотят светски поболтать. Зато она купила мне серебряную с золотом ручку у «Тиффани». Отдала выгравировать на ней мои инициалы. Я планирую приберечь ее до экзаменов. Еще она дала мне крупный чек на обучение и авиаперелет и стопку дорожных чеков на расходы за весь год. Благодаря им я чувствую себя независимой. А еще мне грустно.

После трех месяцев во Франции с Сесиль я лечу прямиком из Парижа в Бостон. На такси добираюсь до кампуса. Ехать всего минут сорок пять. Большинство учащихся привозят родители. Я волнуюсь, как бы меня не начали жалеть, раз я приехала одна, как бы не начали спрашивать о такси. Но водитель подвозит меня прямиком к воротам кампуса и трогается с места, пока никто не заметил.

Багажа у меня почти нет, только одна небольшая дорожная сумка от Louis Vuitton, которую я купила на рю Жорж V. Бэбс терпеть не может Louis Vuitton. Считает пошлостью, когда повсюду логотипы. Дескать, от них кажется, будто ты слишком уж стараешься доказать, что можешь позволить себе дорогие вещи. Но мне сумка нравится. Она абсолютно не похожа на багаж, с каким приехали другие ребята. Чемоданы, полные

новых простынь, пуховых покрывал, фланелевых пижам, стереопроигрывателей. Я надеюсь, что с дорожной сумкой выгляжу крутой. Словно я намеренно отказалась от подобного подросткового сора. Словно решила взять с собой только несколько пар брюк и топов неизвестных в Америке брендов «Агнес Б» и «Пти Бато», потому что так мне нравится. Но правда в том, что я понятия не имею, какую одежду полагается носить в школе-интернате. Я ничегошеньки не смыслю в шнурованных ботинках, вязаных носках и фланелевых пижамах, какие есть у всех подростков. У меня не было каталогов, по которым их заказывают. Но я привезла серебрянную медаль отца, которую мне дала Бэбс. Я еще не пыталась его разыскать, но, возможно, теперь, когда я в Кардиссе, попробую. Кто знает, что из этого выйдет. Это изменит наши с Бэбс отношения, но я не уверена, что я к такому готова.

Едва войдя в ворота кампуса, я справляюсь с картой. Если верить брошюрке из пакета документов, меня поселили не в общежитии, а в некоем доме под названием Брайт. Сама идея меня привлекает: небольшая стайка девчонок живет в настоящем доме под присмотром преподавательницы, обычно молодой женщины без мужа и детей. Такой, что недавно поступила на работу в школу. Проблема с «домами» заключается в том, что, в отличие от общежитий, жить там может лишь небольшое число учащихся, от четырех до шести. Меньше шансов попасть в неловкую ситуацию с людьми не своего круга.

Брайт-хаус – в двух минутах ходьбы от главных ворот. Я без труда его нахожу. Дом белый, двухэтажный, с черными ставнями. Входная дверь открыта и подперта камешком, чтобы не захлопнулась. Внутренняя дверь просто притворена. Я вхожу в гостиную, которая выглядит так, словно попала сюда из обветшалого пансионата: продавленные диваны, потертое ворсистое покрытие пола, телевизор. Посреди комнаты молодая женщина постукивает ручкой по картонке с защелкой – как вскоре выясняется, она ждет меня.

Мисс Максорен, чье право мной распоряжаться тоже прописано в пакете документов, каряет что-то на листке, закрепленном на картонке. С виду ей лет двадцать семь, у нее короткие русые волосы. Я вдруг сразу понимаю (по тому, как крепко она вцепилась в свою картонку?), что у нее никогда не будет детей. На ней юбка цвета хаки, сабо и тщательно отутюженная оксфордская рубашка в тонкую розовую полоску.

Я ожидаю от нее улыбки, но она решительно протягивает мне руку. Сухо, деловито.

– Ты приехала последней, Беттина.

Времени всего-то чуть больше трех. Я думала, на заезд у нас весь день.

— Извините, — мямлю я.

— Я мисс Максорен, глава Брайт-хауса. А еще я преподаю французский и тренирую женскую сборную по хоккею на траве.

Мне хочется проникнуться к ней симпатией, но никак не получается. Я догадываюсь, что французский мисс Максорен выучила в женском колледже средней руки и выпускной курс провела в каком-нибудь заштатном городишке вроде Ренна в Бретани. Готова поспорить, она со знанием эксперта способна лавировать в Мольере и Камю, но ни разу не потрудилась открыть «Пари-матч», мой любимый журнал. Знаю, Бэбс над ней посмеялась бы, и потому мне тоже хочется.

Мадам Кутю, одна из моих училок французского в Чикагской Начальной, носила блузки такие прозрачные, что видны были соски и веснушки на спине. Наш пятый класс это шокировало и смущало. Бэбс пришла в восторг. Теперь, став старше, я понимаю, что имела в виду Бэбс. Как можно быть хорошей преподавательницей французского, если сексапильности в тебе ни на грош?

— Вижу, ты из Чикаго, — говорит мисс Максорен.

Я была слишком занята критикой в ее адрес, чтобы заготовить какие-нибудь светские фразочки. Я улыбаюсь, но опять испытываю разочарование. Я никогда не знаю, что от меня ожидают, что положено говорить. Я не считаю, что я вообще откуда-то и уж точно, не из того места, где живет кто-то еще. Я из страны под названием Бэбс. Никак иначе не объяснишь. Я собираю волосы, которые отросли значительно ниже плеч, и завязываю на макушке узлом. Я киваю и говорю:

— Да, а вы откуда?

— Из Бангора, — отвечает она, но по ее отрывистому тону очевидно, что мне не полагается задавать ей вопросы личного характера. Она жестом указывает мне идти за ней наверх.

— Твоя соседка по комнате — ее зовут Холли — уже тут. Обед в шесть, а после, в восемь, у нас будет домовое собрание. У тебя еще останется время распаковать вещи.

Холли — это, насколько мне известно, Холли Комбс из Айова-сити. В моем пакете имелась каталожная карточка с этой скучной информацией о девочке, с которой мне предстоит жить в одной комнате ближайшие девять месяцев.

Миссис Максорен сообщает это через плечо, поднимаясь по лестнице. Ноги у нее совершенно гладкие, на них пленка старательно нанесенного лосьона. Готова поспорить, она бреет их точно по расписанию. Ни разу не

порежется бритвой. Ей никогда не приходится бросаться за туалетной бумагой или пластырями, чтобы остановить кровь. Я с полгода пользуюсь все той же одноразовой бритвой, и она никогда не справляется со всеми волосками. Я просто не успеваю за своим телом.

Вот мы и поднялись на площадку. Дверь в комнату с табличкой «1» над притолокой открыта. Внутри – мужчина в брюках цвета хаки и голубой рубашке поло. Наверное, это папа Холли. Он заворачивает винты на ножках кресла у письменного стола. Он крупный и почти лысый и основательно вспотел. Еще там женщина. Она стоит спиной к двери и вешает одежду в шкаф. Наверное, мама Холли. Она вешает платья к платьям, юбки к юбкам, чтобы Холли было легче находить вещи, когда будет одеваться каждый день. Она убирает в шкаф прозрачные коробки со свернутыми ремнями, носками, колготками и аксессуарами для волос. Я никогда не видела, чтобы пара трудилась бок о бок ради своего ребенка. Мама Холли приблизительно одного обхвата с папой Холли. У нее русые волосы до плеч, курчавые от перманента. Когда я подхожу к кровати, которая должна стать моей, она поворачивается. Кровать Холли она уже застелила. На покрывале красуется большой синий дельфин, на простынях – волны. (Позднее я узнаю, что дома Холли была звездой своей команды по плаванию.) На подушке сидит потрепанный плюшевый мишка в футболке с лозунгом «Вперед, Зоркие!»

На маме Холли розовый брючный костюм и белые кеды. И непрозрачная розовая помада, от которой она выглядит так, точно ела детские пастельные мелки.

– Беттина! – восклицает она так дружелюбно, что совершенно сбивает меня с толку.

Она притягивает меня к себе, и тело у нее большое и мягкое, как диван. Она ничуть не смущается, что вот-вот меня задушит его подушками. Кладет мне руку на затылок и прижимает еще ближе к себе. Уверена, когда она меня отпустит, на щеке у меня останется отпечаток молнии.

– Мы так тебя ждали! Как же вы, девочки, хорошо проведете время!

Я ищу глазами Холли, которой нигде не видно. Мама Холли тоже рыщет глазами вокруг меня. Я тоже пропавшая.

– А где твои родные? – Судя по ее тону, она нисколько не сомневается, что они скоро подойдут. Мне нужно придумать поскорей для них занятие на другом краю кампуса.

– Я сама приехала, – говорю я. Пусть сама выдумывает причину, почему моих родителей тут нет.

Мама Холли разглядывает мою одинокую сумку. Видит сложенные на кровати, выданные школой простыни – серовато-белые, со штампом

«СОБСТВЕННОСТЬ КАРДИССА». Рядом с ними – два бурых одеяла, тепла и уюта от них – как от джутовых мешков. Что сумка от Louis Vuitton, до нее не доходит. На ее взгляд, я, наверное, купила ее в супермаркете. Исходя из этих фактов, мама Холли быстро прикидывает что-то в уме. Вывод неверен, но предполагает душевность.

– Ну, многие ученицы приезжают сами. Билет на самолет стоит недешево, и аренда машины тоже. Мы приехали на своей. Такое для меня облегчение, что у нас всех одни и те же ценности. Холли не знала, какая у нее окажется соседка. Здесь ведь многие дети из высокопоставленных семей, и Холли беспокоилась, что придется не ко двору. Я ей говорила, что сюда приезжают ради образования, а есть у тебя деньги или нет, в конечном итоге не важно, тут слишком много домашних заданий, чтобы тратить время и силы по пустякам. Но должна сказать, все-таки большое облегчение, что и ты тоже со Среднего Запада.

Как забавно у нее это прозвучало: словно Средний Запад – это мелкий городишко, где ни у кого не бывает настоящих денег и где все друг с другом ладят. Я киваю в ответ, хотя это чистой воды ложь. И уж, конечно, я не намереваюсь упоминать про «шоколадные деньги». Только Бэбс безнаказанно может быть «долбаной шоколадной наследницей», а если я о таком заговорю, это будет социальным самоубийством.

Сидевший на корточках у кресла пapa Холли выпрямляется. Он подходит, энергично жмет мне руку.

– Скажи ей, Донна.

– Что?

– Что Холли думала про Беттину.

– Ох нет, Деннис, это глупо.

– Да нет, если вдуматься, то правда смешно.

Я смотрю на этих двоих: открытые лица, оба сияют. Жду.

– Когда мы увидели в пакете документов карточку с твоей фамилией, Холли подумала, что ты в родстве с шоколадом Баллентайн. Что у тебя, наверное, куча денег и что ты живешь в модной квартире.

Донна разражается хохотом.

Ее самонадеянное допущение выводит меня из себя. Конечно, это правда, но это ведь мой секрет, это я должна была рассказывать про шоколад. И если вдуматься, ничего смешного тут нет.

– Я сказала Холли, что ей очень повезло, ведь твои родные пришлют тебе ящик шоколада. Холли больше всего на свете любит шоколад. Я каждое воскресенье пеку брауни, а к утру вторника ни одного не остается.

– Неправда!

Повернувшись, я вижу Холли: персиковой махровый халат, с длинных русых волос капает вода. На ней шлепки, а в руках металлическое ведерко, в которое сложены все ее банные принадлежности. Она красавица. Поверить не могу, что она оставила родителей без присмотра. Оставила их наедине со своими вещами, доверила им произвести первое впечатление на людей, от которых зависит ее пребывание в Кардиссе.

– Больше всего на свете я люблю мороженое, а шоколад на втором месте! – Она смеется.

Вода с ее волос капает на деревянный пол и собирается лужицами. Ростом она ниже меня, вероятно, пять футов и четыре дюйма, тогда как я пять и семь, но выглядит она более развитой. У нее есть сиськи и бедра, а у меня нет. У меня уже начались месячные, но женское тело еще не наросло. Мой жирок еще не распределился в симпатичные сексуальные округлости. Точно мои гормоны объявили забастовку.

Глаза у Холли карие, под стать русым волосам. В них беспечность и ласковость, а потому они кажутся миленькими. Она выглядит такой здоровой, пасторальной – как персонаж из романа Харди, но такой, какого я никогда не видела в реальной жизни. Она стоит так близко, что я улавливаю запах ее шампуня. Что-то фруктовое. Вероятно, какая-то разновидность дешевых «Хербал Эссенс», которую продают в супермаркетах в розовых или зеленых бутылках – в наборе с кондиционером. Во Франции шампунь покупают в аптеке. Он такой дорогой, что пользоваться им полагается не чаще раза или двух в неделю. Я с этим даже не заморачиваюсь. Я основательно опрыскиваюсь «Коко», но, учитывая мое курение, мне никогда не удается пахнуть той же чистотой, как от Холли, которая стоит теперь рядом с родителями.

– А что до брауни, то мне Дженини помогает.

Холли ставит ведерко с банными принадлежностями на туалетный столик. Начинает вытираять волосы. Полотенце у нее белое с розовой каемкой, и по кипенной белизне, по тому, как еще не свалились петельки махры, я определяю, что оно новое. Куплено специально для ее комнаты в Кардиссе. Напоминание от родителей, что она не изгнана раз и навсегда из своего дома в Айова-сити. Когда она вернется домой, ее будут ждать все ее старые вещи, включая полотенца и простыни.

Я смотрю на Холли и пытаюсь завести небрежный разговор, даже если нас еще официально друг другу не представили. Я все еще не слишком поднаторела в попытках подружиться с девочками моего возраста.

– Дженини твоя сестра?

– Лучшая подруга, – хором отвечают Холли и ее мама и смеются над

своей синхронностью.

– Джени и Холли лучшие подруги с детского сада, – продолжает Донна. – Я даже удивилась, что она не забралась тайком к нам в машину. С тех пор как мы выехали из дома, Холли уже дважды ей написала.

Я воображаю огромные буквы-пузыри и конверты с наклейками. Пурпурные чернила.

– Холли по ветру нас пустит своими почтовыми расходами.

– Перестань, мамочка! Ты болтаешь обо мне так, будто меня тут нет.

«Мамочка»? Она что, мать ее, издевается? В последнее время, перенимая манеру Бэбс, я начала браниться. В моем возрасте это не неуклюжая скороспелость. Скорее преимущество.

Но цинизм по отношению к «мамочке» Холли мне плохо дается. Свою я даже «мамой» еще не научилась называть. Внезапно у меня возникает такое чувство, что меня жестоко обманули. Я думала, сама суть школы-интерната – в том, что там нет родителей.

Холли делает несколько шагов вперед. Обнимает меня. Я чуть ошарашена, но обнимаю ее в ответ. Халат у нее мокрый, но тело еще теплое после душа. Мне хочется положить ей голову на плечо и застыть на веки вечные. Я так устала. Но я отстраняюсь. Сажусь на кровать. Теперь мне хочется курить, нет, мне отчаянно нужна сигарета, но я знаю, что Холли и ее мама придут в ужас, если я закурю в общей спальне. Это, вероятно, лучшее, что есть в Бэбс. Будь она тут, я без раздумья закурила бы. Она бы ко мне присоединилась, а после мы бы посмеялись над этой серьезной семейкой из Айовы.

Холли мою перемену настроения как будто не замечает. Она уверенно подходит ко мне и хватает за руку.

– Я так рада, что мы будем жить вместе, Беттина! Это будет просто прекрасно!

Мысленно я добавляю восклицательные знаки и двойные подчеркивания к моему растущему списку эпистолярных пошлостей.

– Давай отдадим ей подарок, мам! – Холли указывает на свой шкаф.

Мама Холли подмигивает и шарит за одеждой Холли. И протягивает мне длинный толстый предмет в крафтовой бумаге и с красным бантом. Только что я готова была пренебрежительно фыркнуть, а теперь вдруг мне стыдно. Мне ведь и в голову не пришло привезти что-то для Холли. «Вот это моя девочка. Как всегда, поглощена собой» – звучит у меня в голове голос Бэбс. Но мы же не на праздновании для рождения. Это первый день в школе. И, насколько мне известно, нет стандартной практики привозить подарки. Но ведь мне нетрудно было что-нибудь купить, вообще что угодно

в дьюти-фри в аэропорту Шарля де Голля. Миниатюрную Эйфелеву башню? Колоду карт? Но эти люди даже не знают, что каждое лето я провожу во Франции, что у меня достаточно «шоколадных денег», чтобы путешествовать за пределами Иллинойса. Что в Бостон я приехала не на дешевом автобусе «Грейхаунд», а прилетела международным рейсом и заплатила восемьдесят долларов таксисту, чтобы он привез меня в школу. Но я знаю, Джени на моем месте привезла бы подарок.

Я разворачиваю бумагу. Внутри – три на пять вязаный коврик в цветах Кардисса, с большим серым «Б» (надо полагать от «Беттина») на бордовом фоне.

– Спасибо, – говорю я со всем энтузиазмом, какой могу из себя выдавать. Я не вполне уверена, что это, черт возьми, такое и что мне с ним полагается делать.

Ловким движением Холли извлекает второй сверток и тоже его разворачивает. На втором коврике – серая буква «Х».

– Правда чудесные? Моя мама сама их связала! – Она кладет свой на пол у кровати. – Чтобы ноги у нас с утра не замерзли.

Опустившись на колени, я следую ее примеру.

– Видишь, совсем как в гостинице получается! – добавляет она.

«Скорее уж как в домике Барби, если бы Барби жила на ранчо и сама себе подрубала занавески», – думаю я. Но я правда тронута.

– Они чудесные, – медленно говорю я. – Большое спасибо, – и добавляю, снова чувствуя себя глупо. – Мне жаль, что я не...

Мама Холли хватает меня за плечо.

– Не волнуйся, милая. Придумывать их было так весело, а вязать один или два – в общем без разницы. Важно, чтобы вы, девочки, держались заодно. В этом году вам предстоит много трудиться, и я знаю, тут будут девочки из богатых семей, которые далеко не такие милые, как вы. Вы будете нужны друг другу.

К нам подходит, извлекая бумажник, папа Холли. Он достает две десятидолларовые бумажки. Дает одну Холли, другую мне. Мне хочется провалиться сквозь землю со стыда. Я изо всех сил пытаюсь отвертеться. Трясу головой. Отмахиваюсь.

– Ну же, Беттина, это пустяк, – говорит он. – Просто чуток деньжат, чтобы ты могла купить постер на стену или, может, перекусить в «Кардисс-гриле».

Взяв меня за руку, он вкладывает в нее деньги. Отдать их уже не получится.

В журнале «Mari Клэр» на дне дорожной сумки у меня припрятано

дорожных чеков на тысячу долларов. Я понимаю, что рано или поздно Холли услышит про «шоколадные деньги», а тогда она и ее родители возненавидят меня, что я взяла эту десятку. Но я не могу придумать, как им это объяснить. Внутренний голос нашептывает, мол, просто скажи «нет». Но я решаю просто взять деньги, а потом отдать их Холли. Может, когда ее родители уедут, я просто скажу ей, что не могу их принять, что это чересчур. Или куплю на них ей что-нибудь. Подарок, с которым мне не пришло в голову приехать.

Я кладу деньги на пустой деревянный стол, который станет моим, и говорю:

– Большое спасибо.

Все трое смотрят на меня странно, и до меня доходит, что я совершила очередную бес tactность. Мне полагается убрать их в карман или надежно спрятать в бумажник. Нормальные люди не оставляют деньги лежать где попало.

Поспешно схватив десятку, я запихиваю ее в дорожную сумку. Я не стану распаковывать вещи при родителях Холли. «Bonjour tristesse»^[15], пепельница в форме религиозного символа «Святого сердца», пачка красных «Мальборо». Зеленая авиационная куртка, которую я сама себе купила в магазинчике рядом с Сорbonной, – такие все французские студенты носят. Уверена, увидь они, какой диковинный набор иностранных вещей я привезла, им захочется забрать назад свой вязаный коврик.

Час спустя, когда мистер и миссис Комбс готовы отбыть, мы с Холли провождаем их к машине. На боках зеленого джипа «Чероки» – вмятины. На напольных ковриках – крошки. На заднем сиденье – сентябрьский номер «Гlamура», который Холли, наверное, читала в долгой поездке. Папа Холли крепко ее обнимает и, достав ключи, возится с заедающим замком дверцы. Мама Холли роется в сумочке, перебирая мятные таблетки для свежести рта, мелочь и помаду, чтобы отыскать упаковку «клиникса». Положив Холли руку на затылок, она притягивает ее к себе. Они соприкасаются лбами. Наверное, это какая-то альтернативная форма поцелуя, знак общности. Холли – часть ее мамы. Сначала строят любовно планы, потом рожают девочку и о ней заботятся.

Холли начинает смеяться и плакать разом. Она обнимает маму за талию и прижимает лицо к ее плечу. Подбородок мамы Холли дрожит, она промокает оба глаза комочком «клиникса». Поначалу я чувствую самую маленькую толику презрения. Я никогда не плакала, прощаясь с Бэбс. Даже когда мне было пять и я впервые поехала на все лето во Францию. Я думала, что я просто храбрее, более взрослая, чем остальные дети. Теперь я

знаю, что просто некому было плакать в ответ.

Мне бы хотелось избежать этой сцены. Остаться в доме и выкурить сигарету, но родители Холли настояли, чтобы я пошла. Им хочется сфотографировать нас обеих на фоне Брайт-хауса. Соседки по комнате в их первых день в Кардиссе. Приехав домой, они проявят пленку и повесят фотографию на холодильник. Или мама Холли может даже напечатать ее на кружке и отнести в контору – на какую-то там дурацкую работу, за которой она проводит весь день. Все еще плача и смеясь, Холли и ее мама размыкают объятия. Холли хватает меня за руку, и мы принимает красивую позу на фоне двери в Брайт-хаус.

На Холли джинсы и бордовая фуфайка Кардисс с капюшоном. На ногах все еще шлепки. Уже почти пять, но небо лишь поблекло, светло как днем. Я даже душ еще не приняла после перелета. Я все еще в серой футболке «Агнес Б.», черных льняных брюках и черных конверсах – эти вещи я надела больше суток назад. Пока мама Холли настраивает фотоаппарат, я осознаю, что все-таки хочу оказаться на этой фотографии. Мои подруги никогда дольше года не задерживались, но почему-то это начало кажется вдруг многообещающим. Возможно, потому что нигде поблизости не видно Бэбс, я готова самую малость поверить в дружбу.

Холли обнимает меня за плечи. Ее родители кажутся малость чересчур дружелюбными, но я напоминаю себе, что Комбы повели бы себя так с любой девочкой, которая оказалась бы соседкой Холли. Они просто пытаются подстражовать Холли, сделать все, чтобы ее год тут прошел успешно. И снова я чувствую огромную, огромную усталость. Я не спала в самолете. Я бодрствую, кажется, уже два дня кряду. Я улыбаюсь в объектив, но это все, на что я способна в ответ на их прощальные обнимашки. Какая-то малая часть меня хочет, чтобы, поднявшись к себе в комнату, я застала там Бэбс, которая застилала бы мне кровать простынями, купленными в «Маршалл Филдс». Украшала бы мой стол письменным прибором из натуральной кожи и стаканчиком для карандашей. Бэбс любитходить за покупками, и я не могу поверить, что она отказалась бы от такого.

10. Мередит

Сентябрь 1983

Мы с Холли возвращаемся в свою комнату и, поднявшись на площадку, видим, что дверь рядом открыта. Мы заглядываем внутрь и застываем на пороге. Посреди комнаты сидят на полу две девушки и о чем-то болтают.

– Думаю, с ним нужно просто порвать. Сейчас начало учебного года, и надо бы поспешить, пока всех лучших парней не разобрали.

– Но он же и есть лучший. И ты встречаешься с ним всего пять месяцев. Плюс это разозлит твоих предков.

– Наплевать. Я не намерена встречаться с кем-то только потому, что знаю его целую вечность. Это ну... жалко как-то. И вообще я благотворительностью не занимаюсь, жалость к убогим – это не ко мне.

– Кейпа убогим не назовешь. Он самый красивый в школе, и ты ему правда нравишься.

Они замечают нас и прерывают разговор.

– Входите же! – говорит одна.

Мы входим, и я не знаю, сесть мне или остаться стоять. Сразу сесть было бы признаком близкого знакомства, а мы с Холли с ними еще не знакомы, а оставаться на ногах – как-то неловко, точно мы на коктейльной вечеринке, где нам не предложили выпить. Лучше уж притвориться, мол, мимо проходили, чем делать вид, будто мы на короткой ноге. Мы остаемся стоять.

У пригласившей нас войти длинные светлые волосы, сейчас мокрые. На ней белый махровый халат с монограммой – инициалы КИМ светло-персиковыми буквами. Она очень загорелая, такой загар наводит на мысль, что она не подставляла себя солнцу, лежа на песке, а заставляла солнце гоняться за ней, потому что у нее уйма занимательных дел: кататься на водных лыжах, ходить под парусом, ударять по теннисному мячу исправно натянутой ракеткой.

У нее педикюр. И не из тех, что делаешь себе сама. Ногти у нее на ногах покрыты безупречным слоем нежно-голубого – цвета гортензии – лака. Кожа на пятках гладкая. Она натирает себе ноги белым кремом. Крема она наносит столько, что я от порога слышу запах. Мед? Лаванда? В отличие от Холли, она не просто чистит перышки перед обедом. Она Готовится, – вот так, с большой буквы. Не знаю, что ею движет. Стандарт,

которого она в целом придерживается? Желание произвести впечатление на мужскую популяцию Кардисса?

Интересно, много ли в Кардиссе таких, как она? Если да, у меня нет ни малейшего шанса. Я думала, нам положено сосредоточиться не на конкурсе красоты, а на хороших отметках. Я, возможно, бегло говорю по-французски и способна прочесть трехсотстраничную книгу за день, но у меня нет фена для волос, и средства для макияжа у меня в косметичке старые и сбившиеся комочками.

Вторая девчонка кажется скорее приложением к КИМ, чем самостоятельной личностью. Она иссушена до костей, острая и угловатая, как модели в *Vogue*. Но в Нью-Гэмпшире она не выглядит модной. Она выглядит больной.

Комната обставлена так, что создается впечатление, будто они уже много лет тут живут. Интересно, как они такого добились в первый же день? На полу персидский ковер, кругом разбросаны дорогие журналы мод: *Vogue*, *Vanity Fair*, *Tatler*. Половину стены над столом занимает огромный рекламный плакат французского шампанского «Поммери», а в бамбуковых корзинках, расставленных по всей комнате, сложены стопками книги. Достаточно протянуть руку и вытащить что-нибудь, если есть настроение почитать стоящее. Я замечаю «Миддлмарч», «Мадам Бовари» (в переводе на английский), «Лолиту» и «Большие надежды».

На кроватях – восхитительные покрывала. У КИМ – снежно-белое и воздушное, как пуховое одеяло, и белые же наволочки с рюшами. Есть еще совсем мелкие подушки-думки с ее монограммой, тоже вышитой персиковыми нитками. На ее деревянной прикроватной тумбочке (с виду антикварная, наверное, из дома прислали) – серебряные рамки с фотографиями каких-то людей, наверное, родителей и друзей. Еще там есть серебряная чаша для джулепа, из которой торчат с десяток черных фломастеров.

Кровать исхудалой девчонки покрыта бордовым атласным покрывалом с огурцами, а подушки – зеленые. По расцветке я догадываюсь, что они от Ральфа Лорена. Отсутствие оборок указывает, что дизайн разработан для мальчика, но, на мой взгляд, они смотрятся богато и круто.

Холли странно притихла. Не знаю точно, то ли она вдруг затосковала по родителям, то ли, увидев эту комнату, изменила свое мнение о связанных мамой половиках. Я вижу, как она дергает подол толстовки, прижимает его к талии. У толстовки – кенгурущий карман, чтобы прятать в него руки, и капюшон. Похоже, она уже не кажется такой уютной.

Молчание прерывает КИМ.

– Ты, наверное, Холли, – говорит она, глядя на мою соседку. – А ты Беттина.

– Как ты узнала? – удивляется Холли.

– Не обижайся, но Айова-сити выглядит не так, как Чикаго.

Меня подмывает напроситься на комплимент и спросить: «Чем же?» – но я не хочу, чтобы она оскорбляла Холли.

А вот Холли не терпится поиграть в эту игру, показать, что и она тоже способна угадывать всякое о людях, что ей не надо все разжевывать.

– А тебя зовут Ким?

– Ким?

– Это на твоем халатике.

Я морщусь за Холли.

КИМ хохочет.

– Нет. Ким? Подумать только! Меня зовут Кингсли Мередит Ивори. Но все зовут меня Мередит.

– А-а, – выдавливает Холли, расстроенная и тем, что неверно угадала, и тем, почему так вышло.

– А я Джесс, – говорит вторая, спасая Холли из неловкой ситуации. – Давайте к нам! Садитесь.

Она мне нравится. Она изо всех сил старается, чтобы вопреки Мередит мы почувствовали себя комфортно. Мы с Холли садимся. Вчетвером мы образовываем своего рода кружок на полу. Мне вдруг приходит в голову мысль, а что, если не разговаривать, а просто поиграть в салочки, когда один из игроков бегает за спинами водящих...

– Вот увидите, в Брайте гораздо лучше, чем в общежитии, – говорит тем временем Мередит. – Не надо ждать своей очереди в душ, нет разных тупых дурех, и Дидс обычно к нам не пристает.

– Дидс? – переспрашиваю я, не зная наверняка, это учительница или ученица.

– Дейдре Максорен, – объясняет Джесс. – Глава общежития и наша местная лесбиянка. Не расхаживайте полуголыми. Как-то я застукала ее за тем, что она разглядывает мои сиськи. До чертиков меня напугала. На домовом собрании сегодня вечером сами увидите.

Она смеется. Обхватывает себя руками, словно защищает грудь. Грудь у нее еще меньше моей. Смех напоминает кашель. В нем нет ни грана веселья, такое впечатление, будто что-то в ней резкими движениями выталкивает наружу спрессованный воздух. Она ест малюсенькие молодые морковки из пакета с зажимом. Как будто не получает от них удовольствия, точно они не еда, а лекарство.

Мередит поворачивается к Холли.

– Ну, Айова, мы как раз говорили о бойфрендах. У тебя есть парень?

Мередит в точности как Бэбс. Парни, по сути, единственное, что достойно ее интереса.

– Нет.

– Почему?

– Ну, на школьный бал я ходила со Стэнном, но это было скорее по-дружески.

Мередит словно бы оживает. И понятно почему. Школьные балы – просто воплощение оптимизма: все эти корсажи и пышные платья. Ни ног, ни бюста не разглядеть, зато с девичьих тел свисают десятки метров атласа, ни дать ни взять гардины в пол. Блевать хочется. Я догадываюсь, что сама Мередит ни на одном школьном балу не была.

– Погоди-ка. Школьный бал? Ну-ка выкладывай.

Она смотрит на Джесс, и обе улыбаются, точно много лет ничего смешнее не слышали. Тот факт, что они напали на Холли, я воспринимаю как своего рода комплимент, точно Мередит почуяла, что со мной будет потрудней. И будет, и не будет. Я хочу понравиться Мередит, но сперва поерепенюсь. Пусть-ка потрудится.

– Ну, у старшеклассников бал был в «Хилтоне», а нам достался школьный спортзал.

– А для старшеклассников транспарант поперек трассы вывешивали? Там было сказано: «Поздравляем выпускников!»?

– Да! – радостно отзыается Холли.

– Мне всегда хотелось такой на свадьбу, – говорит Мередит, точно поверяет Холли великую тайну.

Меня подмывает разом и дать оплеуху Мередит, и посмеяться над шуткой.

– У моих тети Деб и дяди Рейя такой был. Только мне не слишком понравилось. То есть они же входят в аренду зала. – Тон у Холли такой, словно она взаправду пытается поделиться с Мередит информацией, успокоить ее.

– Аренда зала! Ты это слышала? Да наша Айова истинный отельер. Я поражена. Так, вернемся к Стэнли! – Теперь Мередит взялась за дело всерьез. – Вы обжимались на заднем сиденье?

Реакция на вопрос Мередит следует как раз такая, на какую целила блондинка. Холли совершенно шокирована.

– Разумеется, нет, – говорит она тихонько.

– Нет? – не унимается Мередит. – Почему нет? Аренда не устроила?

– Нет, я просто не...

Холли смотрит на меня. Я не прихожу ей на выручку. Я такая же подлая, как Мередит, или еще хуже, потому что на самом деле мне плевать? Факт в том, что опыта по части парней у меня, наверное, еще меньше, чем у Холли. Бэбс научила меня, что делать с парнем, но не как его привлечь.

– О боже! – Мередит твердо вознамерилась выжать всю драму до последней капли. – Не волнуйся, в Кардиссе у тебя будет уйма шансов. – Внезапно она поворачивается ко мне. – Закрой дверь.

Я послушно встаю. Думаю, не выйти ли из комнаты, пока Мередит меня не торпедировала. Но я нахожу общество Мередит странно успокаивающим и решаю остаться.

Мередит вытаскивает из-под кровати пляжное полотенце – голубое в белую полоску – и бросает его мне. На полотенце тоже ее монограмма.

– Подсунь под дверь, ладно? Диц отправилась на ежедневную пробежку, а мне надо покурить. Да, и окно заодно открои.

Мередит снова запускает руку под кровать и достает пластмассовую коробку для завтрака «Хелло, Китти», в которой оказываются пачка «Мальборо лайтс», розовая зажигалка «бик» и стеклянная пепельница. По крайней мере, мне удастся наконец покурить. У меня уже голова кружится от нехватки никотина. Пепельница у Мередит размером с картонный кружок под пивную кружку. Она – тяжелая, как пресс-папье, и на ней сплелись две оранжевые буквы «Д», значит, она из «Дабл», частного клуба в подвале отеля «Шерри-Незерлэнд» на Пятой авеню. «Курительный прибор», – думаю я про себя. Как миленько.

Мередит протягивает пачку Джесс, которая вытаскивает сигарету. Потом протягивает ее Холли, которая отмахивается. Мередит делает жест в мою сторону, но я качаю головой и запускаю руку за вырез футболки. Вытягиваю кожаный мешочек, который ношу на шее. Там мои красные «Мальборо» и золотая зажигалка Cartier, которую Бэбс подарила мне на тринадцатый день рождения. Зажигалка дорогая. За ее стоимость можно купить одежду на целый сезон. Как и большинство вещей, которые покупает мне Бэбс, этой покупке полагается выводить людей из себя. Она знала, что мамаши других детей из Чикагской Начальной в ужасе, что я курю, и это был ее способ показать, что ей, матерью вашу, плевать. Я знаю, что Холли не поймет, что это «Картье», и, скорее всего, решит что подделка. До нее еще не дошло, что я тут не по гранту. Но Мередит зажигалку узнала, и по ее лицу видно, что она произвела впечатление.

Я переворачиваю сигарету вверх ногами и начинаю стучать ею по ладони, уминая табак. Мередит пялится на меня добрых три секунды,

потом говорит:

– Мило, Беттина, я и не ожидала, что девчонки из Чикаго курят.

Как и Комбсы, она считает, что все со Среднего Запада милые и следуют правилам. Во всяком случае основным.

– Во Франции научилась, – рискую я. Холли я выдала чуть иную версию.

– Ты в Париж со школьной экскурсией ездила?

– Нет. У меня там родня.

Мередит подносит ко рту сигарету. Мне очевидно, что курит она не ради никотина, а для виду. Она чересчур рисуется, прикуривая. Явно недостаточно глубоко затягивается, и дым не доходит до легких. Но жест действует на Холли, которая выглядит так, словно я чуток ее подвела своим курением.

Мередит мой ответ как будто заинтриговал.

– Ты говоришь по-французски? – спрашивает Джесс.

– Да, бегло.

– Отлично, – бросает Мередит. – Я в прошлом году получила по французскому трояк. Подпортила себе среднюю оценку. Дидс за то, что живешь в ее доме, скидок не дает. Можешь мне помочь.

– Конечно.

Кто бы мог подумать, что курение и французский окажутся мне на руку?

– Ладно, – говорит Мередит, – я хочу вернуться к тому, что мы обсуждали перед вашим приходом. Мне надо принять серьезное решение, и я хочу знать ваше мнение. Этой весной я начала встречаться с парнем, с Кейпом. Предполагалось, это будет тест-драйв, но он решил, что у нас с ним надолго. Как и я, он из Нью-Йорка, и я знакома с ним целую вечность. Он, конечно, хороший, но жутко прилипчивый.

– Кейп? – спрашивает Холли. – Как Кейп-Код?

Бедняжка. Она все еще остается. Не понимает, как эзотеричны могут быть школьные прозвища. Я про них знаю из книг, и мне всегда хотелось самой такое иметь. Может, Мередит когда-нибудь меня им наделит.

– Нет, – отвечает Мередит, с явным усилием давя смешок. – Когда он был маленьким, то все время носил плащ Бэтмена, даже спать в нем ложился, и мать прозвала его Капитан Кейп. Со временем осталось только Кейп, и все друзья теперь его так зовут. Так вот, мы встречались всю весну в Кардиссе, потом на лето оба поехали в Ист-Хэмптон. Однажды вечером я решила сделать следующий шаг, и все обернулось катастрофой.

Холли оглядывается по сторонам, что-то прикидывая в уме. Она таких

девчонок прежде не встречала. Таких, у кого есть загородный дом и кто может из каприса бросить парня. Она даже не подозревала, что такие существуют, и она понимает, это ее шанс вписаться, искупить то, что она из Айова-сити. В конце концов, она ведь умеет слушать.

– Но что же случилось? – послушно спрашивает она.

Довольная произведенным впечатлением, Мередит глубоко затягивается, предпринимает попытку выпустить дым через ноздри. Она, вероятно, много раз практиковала этот фокус перед зеркалом дома. И жест производит желаемый эффект: к концу семестра Холли, скорее всего, сама попробует закурить.

– Ну, не знаю, Холли...

Холли так счастлива, что Мередит наконец назвала ее по имени, что почти хлопает в ладоши.

– Но я тебе расскажу. Хочу послушать твое мнение. Итак, последняя неделя летних каникул. Я на веранде «Пруэтт Сансет-хауз» пью би-энд-ди. Времени за полночь, и тут входит Кейп и спрашивает, не хочу ли я прогуляться по пляжу. Он вообще не пьет, что довольно скучно, ну да ладно.

– А что такое би-энд-ди? – переспрашивает Холли, твердо решив освоить новый для себя язык.

– Баккарди с диет-колой. Так вот, мы с Кейпом едем в Мейдстоун на прогулку. Я слегка под хмельком и думаю, не поплавать ли в океане. Я начинаю снимать футболку и отступаюсь. Но это ведь Кейп, я ничуть не смущена. Он меня удерживает, подхватив под локоть, и когда решает, что я твердо стою на ногах, наклоняется ко мне и говорит: «Мередит, кажется, я тебя люблю». Потом протягивает руку и начинает гладить мне волосы, точно я кошка какая-то. Мне все это показалось чересчур уж смешным, ну я и расхохоталась. Но я же знаю, что это слишком жестоко, поэтому закрыла лицо руками и сделала вид, что плачу.

– Плачешь? – переспрашивает Холли. Я знаю, что Холли, как и мне, еще предстоит вытянуть из парня объяснение в любви, и нам обеим не терпится узнать конец истории.

– Тогда Кейп меня обнимает и начинает целовать в ухо. Терпеть не могу, когда целуют в ухо. Вся эта слюна и тяжелое дыхание. Как порно для собак. Я просто хочу, чтобы он отстал, поэтому толкаю его на песок, расстегиваю на нем ремень и делаю ему лучший в его жизни минет. Я правда хорошо делаю минет. Это моя фишка.

«Я правда хорошо делаю минет. Это моя фишка»? Ах вот как? Лицо Джесс непроницаемо, и я понимаю, она уже слышала эту историю раньше,

а вот лицо у Холли совсем сморщилось, точно она пытается подсчитать, сколько минутов Мередит пришлось сделать, чтобы они стали ее «фишкой».

Сразу видно, Мередит нравится, что ее прерывают, ведь любые паузы усиливают напряжение.

– Я так хороша, потому что не отвлекаюсь. Я целиком поглощена своим делом. Иногда парни пытаются потрогать меня за сиськи, когда я делаю им минет, они считают, будто отплачиваю мне за труды. Точно это какой-то «плати-по-ходу», но со мной этот номер не пройдет, нет, говорю я, не сбивай меня с ритма. Поэтому, конечно, чем больше я стараюсь, тем больше Кейп разнюнивается: называет меня «Мер» и всякие там охи, да стоны. На мой взгляд, это большая для меня победа, потому что он напускает на себя такой вид, что можно подумать, что он все повидал и способен держать себя в руках во время минета. Но когда он кончает, он все никак не перестает хватать ртом воздух и издавать всякие охи. Конечно, я сглатываю. Еще и поэтому я так хороша. По вкусу – как соленая вода, только погуще, как салатная заправка. Потом я снова убираю его член в трусы и застегиваю на нем шорты. Кейп притягивает меня к себе и целует мою макушку, мои щеки. Я решаю, сейчас он по-настоящему расплачется, а я этого не люблю. Минут через пять он как будто берет себя в руки и готов произнести очередную речь. Но с меня уже хватит, и я заявляю, мол, мне правда пора домой.

Мне становится жалко парня, которого она довела до слез на пляже, пусть я никогда его и не встречала.

– Понимаю, о чем ты, – говорю я. – Так глупо, когда парни не знают, что предполагается по очереди, ты ласкаешь его, он ласкает тебя.

Мередит выглядит чуток ошарашенной, точно я Кейп, тянувшийся к ее груди, пока она пытается рассказать свою историю.

– Вот именно, Беттина, – снисходит она бесстрастно и продолжает: – Так вот, на следующий день в почтовом ящике меня ждет стишок. Стихотворение! Написанное карандашом. Я терпеть не могу поэзию, и карандаши тоже, поэтому даже читать не стала. Он тем вечером позвонил, а я позволила подойти к телефону маме. Я просто не хочу, чтобы он и дальшеставил себя в неловкое положение. Правду сказать, на футбольном поле он очень даже неплох и в будущем году, несомненно, станет капитаном команды по лакроссу. Но надо же иметь чуточку достоинства, мать его. Он прислал еще один «кейпов стишок» на наш нью-йоркский адрес, но я ему не позвонила. Зато привезла стишок показать Джесс. Это просто классика.

Встав, Мередит подходит к своему столу, выдвигает верхний ящик, достает конверт авиапочты и бросает его мне. В отличие от Мередит, я люблю поэзию. Я бы на седьмом небе, если бы парень прислал мне стихотворение, которое написал специально для меня, пусть даже сначала пришлось бы сделать ему минет.

В конверте – листок папиросной бумаги. Строки простым карандашом, но буквы так жмутся друг к другу, словно им не дали шанса расправиться и потянуться:

Я часто думаю о твоих лодыжках,
О том, как обтягивает косточки кожа,
Или о ямочках под коленями,
Как они, уязвимые, ждут
прикосновений моего пальца.
А еще о твоих волосах:
Ты с ними щедра,
Не скучаясь, оставляешь золото
На моих свитерах.
Каждую частицу тебя я храню
как реликвию,
Ибо ты моя богиня.

Пока я читаю, Мередит хищно за мной наблюдает. Она чем-то похожа на кошку, приносящую поутру мышь на порог, чтобы все полюбовались ее добычей. Что бы она ни говорила, я знаю, она считает стихотворение хорошим или достаточно хорошим, чтобы произвести впечатление на других девчонок. Иначе она бы его выбросила. Но я делаю вид, будто согласна с высказанным мнением.

– Ты совершенно права. Поэзия сущая чушь. А белый стих вообще для людей, которые слишком ленивы, чтобы писать хорошую прозу. И кому захочется, чтобы ей говорили, что у нее выпадают волосы? Судя по стишку, парень-то странно враждебен, даже зол. Я бы держалась от него подальше.

Мередит практически вырывает у меня листок и передает Холли, которая читает, потом прижимает руку к сердцу.

– Ох, Мередит! А по-моему, это так мило. Что ты собираешься делать? – спрашивает Холли, завороженная игрой.

И это невзирая на то, что история с минетом выбила ее из колеи, заставила переосмыслить свое прошлое и, возможно, упущеные шансы.

Теперь я оказалась на роли изгоя, сумасшедшей из парка. Той, кто плюется и бранится, даже когда бросаешь ей мелочь.

– Ты собираешься снова с ним встретиться? – спрашивает Холли.

– Конечно, – отвечает Мередит, давя выкуренную до половины сигарету.

– Он же здесь учится. Живет в Уэнтингтоне, в общежитии рядом с нашим, – вставляет Джесс, давая понять нам с Холли, что она в курсе событий. Или, возможно, в ее обязанности входит поддерживать разговор, когда Мередит занята другими вещами, например убирианием набора для курения в коробку с котенком из-под ланча.

– Учится в Кардиссе? – переспрашивает Холли. А ведь Джесс уже сказала.

– Вот именно! – отзыается, перехватывая инициативу, Мередит.

– Твой Кейп? – переспрашивает Холли, чтобы удостовериться, что все верно поняла.

– Да. Просто не дай ему знать, что я показывала тебе его стихи. Он придет в ужас.

Мередит и Джесс смеются.

– Ты уже его видела? – Холли хватается за эту драму, как за веревку горнолыжного подъемника, который вознесет ее в ближний круг Мередит.

– Не-а, – тянет Мередит.

Она забирает конверт у меня и стихотворение Кейпа у Холли и возвращает их в верхний ящик стола.

– То есть, ну правда, нельзя же позволить, чтобы он и дальше посыпал мне стихи, это слишком неловко. Но, возможно, я смогу трахнуть его в душе.

– В душе? – растерянно переспрашивает Холли.

Пусть Мередит и произносит с легкостью слово «трахать», я более или менее уверена, что она еще девственница. Что-то есть в том, как тесно завязан пояс на халате, и в совершенстве ее белой постели.

– Я никогда раньше не занималась сексом в душе, – продолжает Мередит. – Просто думается, это будет круто. Одно из самых больших преимуществ жизни в этом доме – что дверь ванной запирается. Знаю, Кейп будет вне себя, но он все равно согласится. А еще у меня отличный загар.

Я испытываю большое искушение сказать Мередит, что секс в душе лучше в теории, чем на практике. Бэбс мне объяснила, что, учитывая размер доступного пространства, единственная позиция, при которой что-то получится, когда женщина наклоняется и дает войти в себя сзади. В итоге приходится плятиться на мыло и кондиционер. Кончить в такой позе

почти невозможно, и довольно скоро начинаешь хотеть, чтобы он прекратил елозить, – слишком неудобно так стоять.

Но я только говорю:

– Под струей воды довольно сложно надеть презерватив. Позаботься о том, чтобы Кейп надел заранее. А еще неплохо бы сначала сделать ему минет, чтобы он не кончил раньше времени.

Мередит даже дар речи теряет, так ее ошеломляют мои советы. Потом она хлопает меня по коленке, почти благодарная за информацию.

– Спасибо, Беттина. Я дам тебе полный отчет.

Теперь Холли в восторге и смущена разом. Может ли она дружить с Мередит и мной, девочками, которые, судя по всему, в самом деле трогали мужской член? Я более или менее уверена, она считала, что разговор пойдет про уроки. Или, может, про других девчонок в кампусе.

Мередит отсылает нас, точно она психотерапевт и время нашего сеанса истекло.

– Мне пора одеваться к обеду. А вам двоим еще, наверное, надо распаковать вещи.

Она подхватывает с полу голубое с белым полотенце и бросает его на кровать. Уходя, я замечаю прислоненную к стене у двери клюшку для хоккея на траве. Уверена, Мередит сбивается со своих загорелых ног, размахивая клюшкой, чтобы привести Кардисс к победе, и все равно в клюшке есть что-то угрожающее, точно это оружие.

Уже почти шесть, время обеда.

Когда мы возвращаемся к себе в комнату, Холли снимает свою кардисскую фуфайку и аккуратно убирает в шкаф. Она достает белую рубашку, над левой грудью вышит на ней крошечный розовый цветочек: вероятно, из Gap, но все же более женственная, чем фуфайка. Теперь она Старается Соответствовать.

– Какая красивая рубашка, Холли, – говорю я.

Она разглаживает ее на себе, так как рубашка помялась в дороге.

– Спасибо, Беттина. Могу как-нибудь одолжить. – Потом продолжает: – Как, по-твоему, Беттина, тут большинство девочек, как Мередит? То есть она такая богатая и у нее так много всего, а я только одного мальчика поцеловала.

– С чего ты взяла, что она богатая? – спрашиваю я, недоумевая, как Холли пришла к такому выводу. Ну да, у родителей Мередит кое-какие деньги имеются, но сущие пустяки в сравнении с тем, что есть у Бэбс.

– Для начала халат.

– У тебя тоже есть халат, Холли.

– Но там ее инициалы.

– Холли! Халат – это просто полотенце с поясом. Если бы ты очень захотела, ты и на свой могла бы монограмму заказать.

– Но у меня даже нет второго имени. А у Мередит есть одно для важных случаев и одно на будний день.

– Ты правда хотела бы, чтобы тебя звали Кингсли?

– Ну... нет.

Мы обе смеемся.

– Беттина?

– Да?

– Почему ты куришь?

«Потому что это единственное, что у меня общего с матерью, и потому что так я чувствую себя не такой одинокой». Но я предпочитаю второй по правдивости ответ:

– Потому что всегда отставала в спорте, а курение помогает не набирать вес. Моя мать ненавидит толстых людей.

Тут я вдруг вспоминаю, что мать Холли тоже не худышка, и жалею о своих словах. Но Холли их как будто не заметила.

– Ты по ней скучаешь? А по своему папе? По-моему, ты такая храбрая, что приехала одна.

Конечно, я скучаю по Бэбс, но это не имеет ничего общего с домашними брауни и уютными объятиями, поэтому я просто произношу то, что хочет услышать Холли:

– Да. Но мой папа с нами не живет.

– Ты часто с ними видишься?

– Никогда.

Разумеется, я имею в виду: «Я никогда в жизни его не видела», но Холли не обязательно это знать.

На лице Холли читаются жалость и шок разом. Мало того что она верит в мою воображаемую поездку на автобусе «Грейхаунд» из Чикаго в Кардисс, теперь она еще и вобьет себе в голову, будто Бэбс – вечно пропадающая на работе мать-одиночка, которая изо всех сил старается свести концы с концами. А какое еще тут может быть объяснение? Холли изо всех сил пытается придумать, что бы ей такого сказать, чтобы я не расстраивалась из-за своей несчастной жизни. Она берет щетку для волос и решает сменить тему.

– Тогда у тебя, наверное, хороший пакет. А это немало.

– Пакет?

О чём это она? Мы еще не так долго в Кардиссе, чтобы начала

приходить почта.

– Не хочешь про это говорить, не надо. Я просто слышала, что, если он тебе нужен, попасть в Кардисс гораздо труднее.

Я все еще не возьму в толк, о чем она, но решаю сделать вид, будто поняла, и просто перевожу разговор на нее саму.

– А у тебя большой?

– Да. Мама просила об этом не упоминать, потому что может показаться, будто я хвастаюсь, но в моем – обучение и проживание. Моим родителям приходится платить только за учебники и прочие мелочи.

Вот черт. Надо было сказать Комбсам правду. Теперь нам с Холли никогда не быть подругами. В чем-то ей всегда придется лгать.

В дверь заглядывает Мередит. На ней длинная юбка от «Лоры Эшли», которая доходит ей до щиколоток, мило женственная, в белый с голубым цветочком. Темно-синяя футболка поло от «Айзод» и темно-синие открытые босоножки, которые великолепно подходят к юбке и подчеркивают гиацинтовый лак на ногтях. Быть такой красивой, как Мередит, совершенно естественно, но я почему-то завидую этому голубому лаку. Кейп замечает, какие совершенные у нее ногти? У нее, наверное, целый гардероб лаков для ногтей: светло-розовый в тон мамочкиным пионам, непрозрачный белый – под стать их дому в Ист-Хэмптоне. Я думаю про то, как на лаке собирается капельками вода, пока она занимается сексом в душе. Если она взаправду на это решится, это будет лучшим моментом во всем приключении – ее блестящие ногти отталкивают воду, сохраняя свой нетронутый блеск. Но кто станет подновлять их в этом заштатном городишке, в глухи Нью-Гэмпшира? Может, Джесс наловчилась накладывать лак?

Светлые волосы Мередит собраны в хвост, на губах – толика розового блеска. Из тех, которые с «экстра-блеском» и продаются в тюбиках со щеточкой. По пятам за ней следует Джесс. На ней черная льняная юбка, едва достигающая лодыжек. А еще зеленая футболка с длинными рукавами. На ногах ботинки без носков.

– Эй, девчонки, идем обедать? – окликает Мередит.

Холли кладет щетку, говорит «да». Без восклицательного знака. Она быстро учится.

А я чувствую, как возвращается усталость, накатившая на меня раньше. Я просто не могу заставить себя пойти.

– Я останусь и застелю постель. Встретимся там.

Все трое смотрят на меня странно. Никто и никогда не отказывается от шанса быть принятym в компанию. Даже если только-только познакомился с этими людьми. Даже если на протяжении последних двух лет у тебя не

было ни единого друга и это тебя не убило, ты все равно берешь себя в руки, когда тебя приглашают вместе пойти в столовую. Но мне нужно передохнуть. Я просто не могу.

— Ладненько, — говорит Мередит, — не перетрудись.

Она спускается по лестнице, остальные двое следуют за ней по пятам.

Я заканчиваю с постелью. Берусь за дорожную сумку. Вся моя одежда умещается на двух полках. Я переняла манеру французов носить одни и те же шмотки по три дня кряду. Так гораздо проще.

Раздевшись догола, я хватаю белое, выданное Кардиссом полотенце и двигаю в душ. У меня нет ведерка, как у Холли, поэтому туалетные принадлежности я неловко прижимаю к себе. Полотенце едва сходится у меня на бедрах, а халата у меня нет. Но я привыкла ходить топлес. На Кап д'Антиб никто младше тридцати не носит на пляж верх от купальника.

Ванная в Брайте выглядит так, как полагается выглядеть ванной в среднеамериканском доме. В отличие от Франции, унитаз рядом с ванной, поэтому приходится испражняться и мыться в одном и том же помещении. Саму ванну закрывает белая холщевая занавеска — ни дать ни взять корабельный парус, но со штампом «СОБСТВЕННОСТЬ КАРДИССА» в уголке. У дверей — тяжелые белые весы, за которые заткнуты крупные розовые цветы. Уверена, это собственность Мередит. Джесс свои весы, наверное, в шкафу прячет, и они тщательно откалиброваны. Исключительно для ее пользования.

Над раковиной висит аптечный шкафчик, но в нем пусто. Это действует на меня угнетающе. Я не собираюсь красть чьи-либо таблетки, мне даже зубная нить не нужна, но эта пустота доказывает, что, как бы ни старался Брайт походить на аутентичный среднеамериканский дом, где могла бы жить настоящая семья с четырьмя дочерьми, это всего лишь видимость. Я открываю кран душа и жду, когда вода пойдет обжигающее горячая, как мне нравится. В ожидании я достаю сигарету и зажигалку, которые заткнула на левом бедре под полотенце.

Коврика перед ванной нет. Я сажусь на холодные плитки пола. Стряхиваю пепел в унитаз. Я всегда курю в ванной — до и после душа. По сути, это мое любимое место для курения. Весь ритуал — подобие медитации и дает мне ощущение почти защищенности.

Не проходит и минуты, как в дверь стучат.

— Беттина?

Я ощупываю пол вокруг, запаниковав, не перехлестнулась ли через край ванны вода и не заливаю ли я кого-то. Не напортачила ли в первый же день.

Но пол в ванной комнате Брайт-хауса сухой. С облегчением я встаю и открываю дверь. Совершенно забыв, что наполовину голая и держу в левой руке сигарету.

На пороге – мисс Максорен. На ней спортивный костюм, ее короткие волосы влажны от пота. На ней женские носки для бега, того типа, что не закрывают лодыжки – с логотипом-галочкой «Найк». Ненавижу такие.

Мисс Максорен с секунду смотрит на меня в упор, потом пытается расправить плечи, приобрести властную осанку, утвердить свой авторитет. Несмотря на то что она стоит совершенно прямо, мы практически одного роста. Я вспоминаю замечание Мередит о ее сексуальной ориентации и пытаюсь прикрыться. Моя сигарета скользит прямо у нее под носом, я едва не обжигаю ей щеку.

– Беттина, – произносит она, отступая на шаг назад. – Сейчас время обеда. Тебе следует быть в столовой.

– Извините, – отвечаю я. – Просто я очень устала после перелета, и у меня не было возможности привести себя в порядок. Я разговаривала с Мередит и Джесс, и...

Я замечаю, что щеки и нос мисс Максорен усеяны веснушками. Она выглядит гораздо моложе, чем я сочла вначале. Она смотрит на сигарету. Едва не опалив ей щеку, я теперьпускаю дым ей в глаза, в волосы. Он проникает ей в поры, открывшиеся после пробежки. Маловероятно, что курение дает ей чувство защищенности, позволяет почувствовать себя в мире с собой. Я не знаю, следует ли мне повернуться к ней спиной и выбросить сигарету в унитаз или просто опустить руку и держать так, пока она не уйдет.

Мисс Максорен никак не ожидала такое застать. Не думала, что столкнется с нарушением дисциплины в первый же день учебного года. Думаю, ее стратегия – быть строгой и отстраненной настолько, чтобы пресечь нарушения раз и навсегда.

– Извините, – говорю я.

И начинаю плакать. Я почти голая, едва прикрыта полотенцем, с сигаретой в руке. Я всего три часа в Кардиссе, а уже все пошло наперекосяк.

– Дома мне разрешают курить, – выдавливаю я.

Мисс Максорен забирает у меня сигарету. Переступает порог ванной комнаты, открывает кран над раковиной, гасит сигарету под струей. Заворачивает отсыревший окурок в туалетную бумагу и прячет в кармане спортивных шорт. Протягивает руку и закрывает воду в душе.

– Подтяни полотенце повыше, – говорит она. О сигарете и слезах даже

не заикается. – Повторяю, тебе не полагается находиться в доме во время приема пищи. Прими душ, а потом сразу одевайся и иди в столовую.

Странно, но я разочарована, что мисс Максорен меня не наказала. Она наказала бы Мередит, которая громко жаловалась бы на наказание, а еще им похвалялась. Мередит – неотъемлемая часть Кардисса, и, если ее не наказать, это подорвет саму систему. Но я... Меня случайно сюда занесло, и со временем я исчезну. В чем-то меня нельзя считать полноценной ученицей.

Но я недостаточно долго пробыла в Кардиссе, чтобы понять все великолупные мисс Максорен. Только позднее я узнаю, что курение в доме довольно серьезное нарушение. Это огромная угроза пожара, и школа может потерять страховку. Любого, кого поймали за курением, переводят на испытательный срок. А от него – совсем крохотный шагок до отчисления.

Но сейчас я разыгрываю благодарность и говорю:

– Спасибо, мисс Максоренсен.

Она сверлит меня сердитым взглядом. Она не хочет никаких «спасибо». Это подразумевало бы, что я у нее в долгу, а она не хочет такой ответственности.

11. Домовое собрание

Сентябрь 1983

Своих соседок по Брайту я нахожу в Оукли-холл, столовой на нашей стороне кампуса. К тому времени там почти пусто. Мередит и Джесс плетутся за кофе в пластиковых стаканчиках, а Холли за ними наблюдает. Интересно, они меня дожидаются или просто поглощены разговором?

Столовая разделена на две одинаковые половины. Позднее я узнаю, что ты всегда сидишь на одной и той же. Места никто не распределяет, но их занимают в силу привычки. На каждой стороне своя стойка раздачи горячего, свой собственный салат-бар. Окна тут от пола до потолка, и можно видеть, как по дорожкам ходят ученики. Есть круглые деревянные столики, есть длинные прямоугольные.

Я не слишком голодна, поэтому намазываю себе маслом два тоста и наливаю кофе. Кофе выглядит таким жиidenьким, что, наверное, придется выпить семь или восемь чашек, чтобы добиться того же эффекта, как от одного эспрессо. Я иду к Мередит, Холли и Джесс и сажусь на свободное место за их столом. Мередит восклицает:

- Беттина! Ты только что разминулась с Кейпом!
- Он ужасно симпатичный, – вставляет Холли.
- Не волнуйся, он будет за завтраком, – добавляет Джесс.

Точно я пришла в столовую не поесть, а рассмотреть ухажера Мередит. Разумеется, мне любопытно, но мои мысли он не занимает. Бэбс сказала бы: «Проехали, что там дальше?» – как делает всегда, когда разговор ей наскучил. Надеюсь, довольно скоро настанет день, когда я буду получать удовольствие, обсуждая с девчонками из Брайта парня, который мне нравится, который поскуливает при минете и пишет стихи. «Конечно, такое непременно случится», – пронизывает мои мысли голос Бэбс. «А пошла ты, Бэбс», – хочется ответить мне, но почему-то я в это верю.

Позже тем вечером мы собираемся в гостиной на домовое собрание. На приставном столике разложено престранное, скучное угощение. Три банана. Горстка маленьких морковок. Пять шоколадных печеньиц на белой бумажной тарелке. Лимонад. Маловероятно, что кто-то из нас клюнет на дешевое печенье, но почему его так мало? Неужели мисс Максорен испекла всего пять? Или она взяла его в соседнем общежитии, где печенья излишek? Еще одно свидетельство отсутствия у нее материнского инстинкта.

Дидс стоит перед нами в тех же юбке с рубашкой, в которых встретила меня по приезде, и опять держит папку с защелкой. Она собирается проводить перекличку, даже зная, что в доме нас всего четверо?

Мередит и Джесс опять садятся на пол, мы с Холли – по-турецки на диване. Мы еще не знаем, что даже заходить в эту комнату будем лишь изредка. Она только для приема гостей и редких телефонных звонков. Никто в Кардиссе не смотрит телевизор. Слишком много домашних заданий.

Дидс начинает:

– Прежде всего хочу поприветствовать Холли и Беттину в Брайте. Вы можете приходить ко мне с любыми вопросами или просто обращайтесь к Мередит и Джессике. Поскольку у нас такой очень маленький дом, у нас нет старосты. Мы с вами будем видеться каждый вечер на проверке перед закрытием дверей, двери закрываются в восемь. Я хочу, чтобы каждая из вас прочла устав Кардисса, но сама изложу основные правила. В кампусе запрещается курить и распивать спиртные напитки. Никаких мальчиков в комнатах помимо часов посещения. В часы посещения необходимо, чтобы в комнате горел свет, дверь была открыта и три ноги на полу.

Это сбивает меня с толку. Что значит «три ноги на полу»? А куда должна деться четвертая? Дидс будет ходить и проверять, исполняем ли мы это? А если нет, какое ждет наказание? На самом деле не важно, потому что я знаю, хуже фирменного погрома Бэбс ничего быть не может. Нужно ли уходить, если у твоей соседки посетитель? Что сделает Дидс, если застукает Мередит, когда та будет трахать Кейпа в душе? Это будет проступок похуже моего курения?

А Дидс продолжает:

– До десяти часов можно заниматься в библиотеке, если заранее получите разрешение.

Она станет проверять библиотеку? Она как будто достаточно дотошная, чтобы так поступать, хотя готова поспорить, она предпочтет оставаться в капитанской рубке общежития.

– Вопросы есть?

Холли поднимает руку.

– Нам разрешено принимать ванну?

Не понимаю, как кому-то может захотеться. Она что, думает, тут отель?

– Да, конечно, но не по утрам, когда все принимают душ.

Я хочу произвести впечатление внимательной, как-то искупить инцидент с курением:

– Нам нужно быть в постели к определенному часу?

Джесс с Мередит хихикают.

– Если бы, – вздыхает Мередит. – Иногда домашних заданий столько, что корпишь над ними всю ночь.

Мисс Максорен отклика от нас не ожидает.

– Нет. Если вы достаточно взрослые, чтобы жить вне дома, то сами можете регулировать свой сон.

По крайней мере Диц не станет будить меня среди ночи. По ее несгибаемости я заключаю, что свои-то восемь часов она высыпает.

Она ждет, не последуют ли еще вопросы, но у нас их нет.

– На этом все, – говорит она. – Оставляю вас поближе познакомиться друг с другом.

Холли берет печенье, на ее футболку сыплются крошки. Мне тоже хочется печенья, но угощение мисс Максорен слишком уж жалкое. Мередит вежливо отказывается. Наблюдает за мной.

12. Парни в пиджаках

Сентябрь 1983

На следующее утро, все еще страдая от смены часовых поясов, я просыпаюсь рано, около шести. Из-за грубых простыней и кусачего одеяла первым делом мне приходит в голову, неужели я в больнице? Я смотрю на соседнюю койку и вижу крепко спящую Холли. Мне отчаянно нужна сигарета. Курить для меня теперь – все равно что дышать. Это меня стабилизирует, помогает прочистить мозги и обрести равновесие. После вчерашнего инцидента с мисс Максорен я не рискую курить в ванной, а потому решаю пройтись. Вчера вечером я прочла в своде правил, что учащимся разрешается выходить на улицу после пяти утра, а потому, наверное, удастся найти где-нибудь в кампусе подходящую скамейку и выкурить сигарету. Надев юбку в круговую складу и желтый кардиган, я выхожу на улицу.

Осеннее утро в Нью-Гэмпшире прохладное, но не холодное – почти как озеро летом. Кругом, насколько мне видно, ни души. Я все иду и иду, не зная в точности куда, поскольку пропустила экскурсию по кампусу в первый день. Я прохожу мимо идентичных спальных корпусов из красного кирпича, между ними, прорезая лужайки, тянутся бетонные дорожки.

В центре кампуса – библиотека, огромное красное здание с круглыми окнами. Среди прочего (помимо того что тут учились Мак и мой дед) в Кардиссе меня привлекла как раз эта библиотека. Она обширней, чем у любой другой подготовительной школы. За самым дальним от Брайта корпусом тянутся спортивные площадки. Слишком уж открытое место, курить там рискованно, и почти святотатством будет загасить окурок в траве. Я иду дальше, пока не выхожу к реке, вдоль берега там выстроились зеленые скамейки. Совсем как в настоящем сквере.

Я выбираю подходящую скамейку. Сажусь и закуриваю. Мне так одиноко на этой скамейке. Почему-то вспоминается пентхаус. Но я уже не десятилетняя девочка, которой скучно в игровой комнате. Новые проблемы. Я резко выдыхаю, думаю про Мередит и ее глупый роман с Кейпом. Даже у Холли больше шансов с таким парнем, чем у кого-то вроде меня. Пусть даже она из Айовы. Я не милая, но и не крутая, что называется, без острых углов. Я циничная, но без загадочной сумрачности. Неглупая, но не остроумная. Просидев на скамейке около часа, я иду на завтрак. Я пробегаю взглядом по столовой, нахожу Мередит, Джесс и Холли, которые

сидят не за тем столом, что вчера, а за длинным, вместе с другими учениками. Я наливаю себе кофе, накладываю в плошку мюсли, заливаю их снятым молоком и иду к столу.

– Привет, Беттина! Ты где была? – спрашивает Холли.

– Не могла уснуть и пошла прогуляться, – говорю я, мне не хочется, чтобы она знала, что меня мучит смена часовых поясов.

– А я едва-едва в семь с кровати сползаю, – говорит Мередит. – Ты мне послужишь вдохновением.

– Едва ли, – отвечаю я, оглядывая остальных за столом.

Мне хочется спросить: «Кто все эти люди?» Тут, наверное, человек пятнадцать, мальчики и девочки вперемежку. Я еще никогда раньше не завтракала с парнями. Почти у всех учеников мокрые волосы. На парнях – пиджаки и галстуки, на девчонках – юбки и оксфордские рубашки или футболки в обтяжку. Я в жизни не видела столько красивых подростков разом. У них словно бы есть какое-то заклинание от прыщей, их тела не растягивают, где не надо, одежду. Их тут слишком много, чтобы знакомиться, поэтому я ем молча. Мое появление как будто никого не тронуло. Интересно, Кейп тут? Судя по тому, как Мередит спокойно намазывает на свой рогалик крем-сыр, скорее нет. Как можно не приосаниться, если парень, которому ты делала минет, ест за тем же столом, пусть даже ты утверждаешь, что вот-вот его бросишь?

Но нет, я ошиблась. Приходит еще парень и окликает:

– Привет, Кейп! Как лето?

– Хорошо, у тебя?

Он сидит всего через три человека от меня. Русые волосы падают ему на глаза – невероятной, яркой голубизны. Белая оксфордская рубашка с темно-синим галстуком, на котором маленькие омары. Тонкие запястья и длинные пальцы. Невозмутим и безупречен, если не считать ногтей. Ногти и кожа вокруг них безбожно обкусаны.

До меня доходит, что, если летом можно расслабиться, признаваться во влечении и даже в любви, в Кардиссе подобное держишь в узде. С этими людьми тебе придется жить, притом долгое время, поэтому то, что делает тебя уязвимым, прячешь подальше. Все трагедии тут из вторых рук, пересказанные, а после разобранные по косточкам в горячечных разговорах по общежитским комнатам. Интересно, о чем думает Кейп? Он пытается встретиться глазами с Мередит или даже такой мелкий жест здесь слишком рискован? Отвернувшись, я начинаю расспрашивать Холли, какие у нее сегодня уроки, не желая, чтобы кто-то решил, будто я интересуюсь Кейпом.

Когда звенит звонок, мы выходим из столовой и быстро расходимся по

классам. У меня не было времени обзавестись учебниками, поэтому на плече у меня пустая соломенная сумка, которую я купила по случаю на блошином рынке в Париже. Я немного беспокоюсь, как бы Холли не решила, что я не могу позволить себе учебники, и не попыталась одолжить мне денег. У меня есть карточка с расписанием, чем-то похожая на карту поиска сокровищ. Под номером первым – английский 212, мистер Доналдсон, комната 42, Филдинг-холл. Надеюсь, он преподаватель получше, чем мисс Максорен.

Все классные комнаты в Кардиссе одинаковы, если не считать, конечно, лабораторий. В каждой – большой овальный деревянный стол, вокруг которого мы сидим, как малыши на детском празднике. Нам положено обмениваться мыслями, анализировать идеи, а учитель только смотрит наподобие благожелательного, но отстраненного телеведущего. Я вхожу практически последней. Свободны только два места. Одно – рядом с девчонкой с пурпурными волосами, другое – рядом с симпатичным блондином. Я выбираю то, что рядом с блондином.

Мистер Доналдсон стоит у двери, наверное, ждет последнего ученика. Выглядит он ровно так, как должен выглядеть преподаватель элитной школы-интерната. Аккуратно подстриженная седая бородка. Очки, твидовый пиджак, проницательные зеленые глаза. Снова звонок, но никто больше не объявляется. Он закрывает дверь.

– Всем доброе утро. Кое-кого из вас я узнал, а тем, кто у нас новенький, добро пожаловать. Если вы пришли не на английский 212, сейчас самое время вежливо откланяться.

Уверена, он говорил это ученикам десятки раз, но кое-кто все равно смеется. Никто не встает.

– В этом семестре мы будем читать видных английских и американских писателей двадцатого века, и вам предстоит написать три сочинения по книгам, которые сами выберете. Темы тоже будете выбирать сами. Если ничего в голову не придет, я могу кое-что посоветовать, но предпочел бы, чтобы вы взяли то, что интересует лично вас. Еще мы с вами попытаем счастья на почве «новой журналистики» – для тех, кто с ней не знаком, речь идет о переосмысленной документальной прозе. Вам предстоит сочинить три рассказа на основе реальных эпизодов из вашей жизни. Возможно, это окажется непросто, потому что я попрошу вас написать о реальных событиях. Событиях, которые вас изменили, заставили вас увидеть предметы, явления или людей в новом свете. Вы будете зачитывать их вслух перед классом, поэтому нам нужно потрудиться, чтобы создать на занятиях доверительную атмосферу. Чем

меньше вы будете утаивать, тем большей будет отдача.

Кое-кто из моих одноклассников старательно записывает его речь в блокноты, что наводит на мысль, что ничего интересного рассказать они не сумеют – они хотят просто следовать инструкциям. Я все впитываю, но начинаю беспокоиться, ведь все мои истории про Бэбс. Даже просто записать дословно то, что она говорила мне за эти годы, ничего не приукрашивая, чересчур рискованно. И в моей жизни пока не было момента, после которого все переменилось бы. Пока была только Бэбс, Бэбс и еще раз Бэбс.

Я смотрю на парня слева от меня. Он ничего не записывает, но его тщательно причесанные волосы и кардисский галстук как будто указывают на чинность и упорядоченность родительского дома. Сомневаюсь, что он когда-нибудь хотя бы раз видел лобковые волосы матери.

– Сегодня я предложу вам небольшое упражнение. Для разминки.

Взяв с приставного столика стопку чистых каталожных карточек, он бросает ее на середину большого стола.

– Я хочу, чтобы вы вспомнили одно мгновение этого лета, когда почувствовали себя неловко, и описали его тремя фразами, лучше меньше. В верхнем углу напишите свое имя и свой родной город.

За столом поднимается шепоток, который впрочем стихает, когда ученики расхватывают карточки и берутся за ручки.

После пятиминутного раздумья я пишу:

«Беттина Баллентайн
Чикаго, Иллинойс

Я сидела на пляже в Кап д'Антиб, когда верх моего купальника-бикини расстегнулся. Я не могла быстро его застегнуть, а все вокруг на меня пялились».

Разумеется, это ложь, поскольку я и все, кого я знаю, ходят во Франции топлесс, но я же не собираюсь писать о по-настоящему ужасных вещах. Как Бэбс позвонила в три часа утра узнать, начались ли у меня месячные. Как передержала средство для эпиляции в области бикини и заработала сыпь, которая не сходила пару недель. Как одолжила у Сесиль платье, и оно треснуло по шву, когда все садились обедать, потому что платье было на два размера меньше.

Когда все закончили писать, Доналдсон говорит:

– Хорошо, а теперь передайте карточку соседу.

Мы все смотрим на него, не веря своим ушам. Нас загнали в ловушку. Пусть даже моя история ложь, я не хочу, чтобы мой симпатичный сосед ее читал. Он ведь, вероятно, подумает: «И что тут такого? У тебя и груди-то нет».

Никто свою карточку не отдает, и Доналдсон говорит:

– Знаю, это может показаться трудным, но вы все одинаково рискуете.

Мы с симпатичным парнем обмениваемся карточками. Он написал:

«Лоуэлл Стилмен
Нью-Йорк, Н.Й.

Я играл в баскетбол с друзьями, когда вдруг споткнулся и упал. Было так больно, что я заплакал».

Не так уж и страшно. Я сожалею, что написала про свое тело. Вот теперь, в этот самый момент, мне взаправду не по себе.

Доналдсон дает нам несколько минут прочитать написанное, потом следует новое распоряжение:

– Напишите на карточке что-нибудь позитивное и верните назад. Вот увидите, все окажется не так скверно, как могло бы показаться.

Лоуэлл собран и невозмутим, не похоже, что ему требуется поплакаться кому-то в жилетку. Но я пишу:

«Подумаешь, что расплакался. Твои друзья, наверное, сами расстроились, что ты упал».

Я возвращаю ему карточку. С улыбкой он отдает мне мою. Он написал: «Звучит здорово! Жаль, меня там не было».

Мне приходит в голову, а вдруг он надо мной смеется, и я краснею. Глянув на него украдкой, я с удивлением обнаруживаю, что улыбка у него добрая.

– Приятно познакомиться, Лоуэлл, – говорю я.

– Взаимно, Беттина. – Он протягивает мне руку.

Может, Лоуэлл будет моим Кейпом и я смогу делиться историями про него с Мередит? Всеми подробностями ухаживания? Обжиманий по углам? Я в целом уверена, что он не слишком прилипчивый, пусть у меня и нет доказательств.

При виде Лоуэлла в его синем пиджаке, белой оксфордской рубашке и школьном галстуке меня вдруг охватывает такая тоска по Маку, какой я не испытывала годами. Его одежда выпускника частного колледжа, его манера запускать руки в волосы, чтобы убедиться, что они еще тут, – все это

воссоздано в стольких здешних мальчиках. Логично было бы предположить, что моя тяга к Маку за столько лет поутихнет. Но нет.

Я думала, мы с Лоуэллом поболтаем после занятия, может, немного пофлиртуем, но все, кроме меня, быстренько собирают свои вещи, едва звонит звонок, никто не мешкает. После Дональдсона у меня окно, и, не зная, чем бы себя занять, я иду покурить.

Я возвращаюсь на уже облюбованную скамейку. На сей раз на ней сидит парень. Мне он кажется полной противоположностью Лоуэллу. На нем пиджак и галстук, как требуют правила школы, но к ним – рваные джинсы, на которых нацарапаны стишкы из Grateful Dead. Согласно уставу, парням разрешается носить джинсы с пиджаками и галстуками. А еще он курит. Курит красные «Мальборо». У него зеленые глаза и густая курчавая шевелюра. Он не красив, но располагает к себе, производит впечатление крутого. Он протягивает для рукопожатия руку.

– Привет, красотка, – говорит он, что меня ошарашивает.

Дело и в уверенности, с какой он это произносит, и в том, что меня никогда в жизни так не называли. Я пожимаю ему руку и чувствую мозоли на его ладони. Дымящуюся сигарету он держит в левой руке, что наводит меня на мысль, что он, как и я, левша. Плюс в его пользу...

– А ты у нас будешь...

– Джейк Кроненберг, – дружелюбно отвечает он. – Подваливай. Места хватит. Закуришь?

Хотя бы на это у меня есть ответ.

– Спасибо. Свои есть.

Садясь на скамью, я обстоятельно прикуриваю сигарету от зажигалки «Картье». Просто присоединяюсь к нему, точно мы давно знакомы, сидим, убиваем время.

– Похоже, ты не новичок. Всю душу вкладываешь, – беспечно говорит он. – И так, о роскошная, как тебя зовут?

Теперь я задаюсь вопросом: он что, всегда так комплиментами разбрасывается, и закатываю глаза.

– Беттина.

– Беттина, – повторяет он, – не будь так цинична, Беттина. Я не издеваюсь. У меня завышенный стандарт, а ты планку взяла с запасом.

– Мы только-только познакомились, – говорю я. – Откуда тебе знать, мать твою?

– А я умный. Сама посуди, ты только что употребила ругательство, подразумевающее секс, а мы всего две минуты как знакомы.

– Как знаешь. Я просто пришла покурить. – Но эта игра меня

интригует.

Он кладет руку мне на голую коленку и начинает легонько ее поглаживать, выводя кружки большим пальцем. Какое приятное, однако, ощущение! Его пальцы забираются все дальше по внутренней стороне берда. Я возбуждена и испугана. Если он прямо тут, на скамейке, начнет меня целовать, я, возможно, даже поцелую его в ответ – невзирая на тот факт, что опыта у меня меньше, чем у Холли, и я никогда ни с кем не целовалась. И вообще я его едва знаю. Но я догадываюсь, что он берет, что хочет, и не спрашивает разрешения.

Его пальцы касаются моего белья, и это встрыхивает меня настолько, что я останавливаю его руку.

– Прости, Джейк, но нет. Я просто не...

Не «что»? Не готова. Нет, не это. Не заинтересована? Нет. Испугана? Возможно.

– Нет проблем. Я могу подождать. В другой раз, Беттина.

Я не знаю, что ответить. Я смотрю на часы. Мне пора на биологию. Я докуриваю сигарету, выбрасываю непогашенный бычок в траву. Может, так я буду выглядеть бесшабашной, может, это покажет, что я не ханжа и не кокетка.

Схватив меня за запястье, он целует мне руку.

– Увидимся, – говорит он.

– Конечно, – отвечаю я.

День долг и полон света. Когда у меня наконец заканчиваются уроки, я просматриваю заданное на вечер (сложно, но выполнимо) и возвращаюсь в Брайт, все еще усталая от смены часовых поясов. Мне хочется опять пропустить обед, но я знаю, что нельзя. Я решаю ненадолго прилечь, вздрежнуть перед тем, как придется снова ходить по кампусу и снова производить первое впечатление, которое может оказаться, а может не оказаться важным для моей карьеры в Кардиссе. Я с трудом карабкаюсь вверх по лестнице. Дверь в комнату Мередит и Джесс открыта, и я с удивлением обнаруживаю, что Холли решилась зайти к ним без меня.

– Беттина, входи! – окликает Мередит.

Я понимаю, что ее радостное приветствие вовсе не свидетельствует о теплых чувствах ко мне. Чтобы в полной мере быть тем, кто она есть, ей нужна аудитория. Я мешкаю, но знаю, что не войти – непростительный промах. Я плотно прикрываю за собой дверь.

Джесс сидит на своей кровати, клюет виноград, сосет виноградины по одной, точно извращенные леденцы. Холли и Мередит сидят на полу. Я

думаю, вот посижу немного, а после пойду в душ.

– Так вот, я сегодня поговорила с Кейпом, и он сказал, что хочет пойти погулять по полю для лакrossа после обеда.

Я тянусь за сигаретой. Теперь, когда я его увидела, мне интересно, во что все это выльется.

– Так волнительно! – восклицает Холли.

Любовная жизнь Мередит для нее сродни мыльной опере по телику, и она счастлива просто сидеть на полу и смотреть, как разворачивается драма.

– Жаль, что стихи дурацкие, – говорю я, стараясь оторвать Мередит от Кейпа, подначивая ее высказаться по поводу вымышленного расставания.

И в награду получаю злобный взгляд.

– Что ты наденешь, Мередит? – Холли не терпится вернуть разговору тот же тон радостного предвкушения, в каком он тек до моего прихода.

– Ну... что-нибудь, чтобы сиськи подчеркивало.

Холли краснеет, но мне не терпится на них посмотреть. У Мередит по меньшей мере чашка «С».

Она снимает топ. На Мередит красивое белье: белый кружевной бюстгальтер с персиковым бантиком там, где сходятся чашки. Лифчик стягивает ее груди, два гладких, пухлых кекса плоти. У меня возникает странное желание коснуться их языком, такие они красивые.

При мысли о том, что их будет мять Кейп, мне гадливо. Он стал для меня воплощением стандартного кардисского парня. Если они и правда все таковы, то с Лоуэллом у меня нет ни единого шанса. Такой, как мне, придется довольствоваться отщепенцем вроде Джейка.

Мередит натягивает белую облегающую футболку и очередную юбку от «Лоры Эшли». Их у нее, наверное, десяток. Футболка едва прикрывает ей грудь, и я воображаю, что в любой момент может выпрыгнуть из выреза.

Джесс убирает виноград в пакет с застежкой и прячет в мини-холодильник, который они тайком пронесли в комнату и прикрыли большой шалью.

Лоуэлла я в столовой не вижу. Обеденное время с шести до половины седьмого, поэтому, мы, наверное, с ним разминулись. Мередит смешила себе солидную порцию салата и готовит лимонад из пакетика, который прихватила с собой из общежития. Холли угощается горячей закуской: курица с картофельными крокетами. Ест она так, словно все еще в Айове. Мы усаживаемся кружком на конце ближайшего к окну стола, никто к нам не присоединяется.

По решительному виду, с каким Мередит держит вилку и обшаривает взглядом комнату, я понимаю, что она ищет Кейпа. Его тут нет. Зато я вижу Джейка. Он сидит один, читает «Нью-Йорк таймс». Ему как будто неведом тот факт, что обедать полагается с другими людьми. Или по меньшей мере делать вид, будто у тебя есть друзья. Его равнодушие напоминает мне Бэбс. Жаль, что я не могу быть такой, как они. Я с минуту пристально смотрю на Джейка, и он поднимает голову, чтобы встретиться со мной взглядом. Машет мне. Я киваю в ответ.

Вся сцена не ускользает от внимания Мередит.

– Так ты знакома с Джейком? – спрашивает она, почти со смехом.

– Да не особо... Мы познакомились за сигаретой сегодня утром, – я перехожу в оборону.

– Он настоящий котяра, к тому же слишком много о себе воображает. Он из Калифорнии и как будто думает, что Восточное побережье сущая дыра. Он, наверное, десятка полтора девчонок перетрахал.

– Откуда ты знаешь? – недоумеваю я.

– Я почти все знаю, – говорит Мередит, кладя в хорошенъкий ротик листик салата ромэн. – Нет, серьезно, я знакома с парнем, который в прошлом году был его соседом по комнате, он мне и рассказал.

– Звучит маловероятно.

– Как знаешь, – говорит Мередит. – Просто будь осторожна. А кроме того, он даже не крутой. Можешь испортить себе репутацию, потеряешь свой шанс с другими парнями ближе к концу года. А еще он еврей.

Она что, правда такое произнесла? В мирке Мередит что, все белые пресвитериане-англосаксы?

– Так и я тоже, – говорю я просто ей в пику. Но, возможно, я не лгу. Откуда мне знать, может, мой отец действительно еврей?

– А вот и нет, – самоуверенно отвечает она. – Беттина – не еврейское имя.

Ах, вот как? Я просто упиваюсь тем, что Мередит считает железной логикой.

– И вообще, – продолжает она, – гораздо важнее, что в прошлом году Джейк подбил глаз одной девчонке. Ее звали Райли Слейлер. Она потом учебу бросила.

– Брось, Мер, – говорит Джесс. – Райли тогда сказала, что наткнулась на дверь. А еще она весь год была в депрессии, и ей приходилось глотать таблетки.

– Да наплевать. У меня тоже была бы депрессия, если бы Джейк Кроненберг меня ударил. Но, думаю, тебе решать, Беттина. Только не

говори, что я тебя не предупреждала.

Вид у Холли вдруг становится озабоченный.

– Тебе лучше послушаться Мередит, Беттина, – говорит она. – Что, если он правда бьет девчонок?

Я не верю, что Джейк склонен к побоям, совсем не верю, но темная часть меня жаждет выяснить. А еще я задумываюсь, а правда ли он переспал со столькими девчонками.

Рука Джейка на моем бедре действительно свидетельствовала о некотором опыте, но где бы он нашел пятнадцать девчонок, чтобы с ними переспать? Я стану номером шестнадцать? Довольно пугающая мысль. У меня смутное впечатление, что, раз потеряв невинность, окажешься вроде как в свободном падении, пойдешь по рукам. Но если я пересплю с Джейком, это даст мне преимущество перед Мередит. И Джейку, мать его, похоже, наплевать на педикюры и кружевное белье.

Я решаю вернуться в Брайт и принять душ. Мередит, когда я встаю, смотрит на меня странным взглядом. Никто не уходит из столовой в одиночку, но вид читающего газету Джейка придал мне крохотную толику уверенности.

В Брайте я поднимаюсь к себе и аккуратно снимаю одежду. Душ. Я чувствую себя физически грязной, а еще мне немного грустно, потому что всплеск адреналина от того, что я дала отпор Мередит, сошел на нет. Почему я не приложила побольше усилий, чтобы с ней подружиться? Почему мне не дают покоя ее отношения с Кейпом, парнем, которого я даже не знаю?

Я решаю сделать то, что делаю всегда, когда чувствую себя скверно, – хочу словить кайф. Я никогда не делала этого в душе, но, если я откинусь назад, подставлю промежность под струю и сожму «мою я» обеими руками, знаю, вода окажет достаточное давление, уведет меня туда, куда я хочу попасть. После одного-двух кайфов я почувствую себя лучше. Возможно, сумею сосредоточиться на домашнем задании и лечь спать. Я закрываю глаза и думаю про Лоуэлла, про то, как касаюсь его волос, целую местечко за левым ухом, провожу языком по его векам, едва-едва касаясь при этом кончиков его пальцев своими. Как раз, когда кайф совсем близок, я слышу звук отдергиваемой занавески, и сквозь пар ко мне пробивается холодный воздух. Я пытаюсь изменить позу, но она видит в точности, что я делаю. Мередит.

Нет сомнений, она пришла подготовиться к своей прогулке с Кейпом. Нанести еще слой макияжа. Опрыскать себя духами «Л’эр дю там», которые держит на туалетном столике. Зачем отдергивать занавеску, если

очевидно, что за ней кто-то есть, для меня загадка. Может, это сумасбродная форма преследования одноклассников? Кто знает? Но то, что она обнаруживала меня за мастурбацией, трофеи получше любого, какого она могла ожидать.

– Эй, Беттина! Вдвоем же играть гораздо веселей! – говорит она и хочет так, что мне хочется запустить ей чем-нибудь в голову.

Бэбс ни разу меня за этим не заставала, а Мередит понадобилось меньше сорока восьми часов. Она этого так не спустит.

«В моем общежитии есть девчонка, которая трогает себя в душе. Ну можете в такое поверить?»

Она даже не испачкает ротика словом «мастурбировать». Наверное, и Кейпу сегодня вечером расскажет. Готова поспорить, своего влагалища она касается, только когда моется или когда затачивает туда тампон во время месячных.

Мне хочется сбежать из ванной, а ее проигнорировать, но я держу себя в руках. Я спокойно выхожу из-под душа и смотрю ей прямо в глаза.

– Всегда неплохо разогреться перед настоящим делом. Ты ведь знаешь, о чём я, да, Мередит? Я удивлена, что ты не делаешь того же.

Не знаю, откуда это взялось. Совершенно в духе Бэбс, но как будто произвело впечатление. Мередит делает шаг назад. Словно прониклась ко мне уважением, но, разумеется, старается не подавать виду.

– И ради кого же ты готовишься?

– Ради Джейка Кроненберга, конечно, – отвечаю я, к удивлению нас обеих.

13. Острые ощущения

Сентябрь 1983

Я одеваюсь, сушу волосы, выхожу из Брайта. Иду по кампусу к скамейке, где днем видела Джейка. Все, как и следовало ожидать. Он курит, закинув ногу на ногу. Еще светло. Он как будто нисколько не удивлен меня видеть.

- Беттина, душа моя. У тебя это входит в привычку.
- Привет, Джейк, – говорю я.

Пообщимся с ним будет не так уж и сложно, а теперь у меня нет выбора. Следовало бы запереть чертову дверь ванной.

- С чего вдруг такая мрачная?

Я удивлена, что он способен уловить мое скверное настроение. Я решаю рискнуть. Проверить, действительно ли он так искушен, как говорила Мередит.

- Альфа-дрянь из моего общежития застала меня за мастурбацией.
- Мередит? Ха! Похоже, ты оказала ей услугу. Фригидная сучка. Что? – спрашивает он в ответ на мою смущенную реакцию.

Говорить о сексе с Джейком сложнее, чем казалось. Я разыгрываю опытность, и все происходит чересчур уж быстро. Не сомневаюсь, что Джейк расценивает это как своего рода приглашение.

- Да ладно, не скромничай, ничего такого страшного, – говорит он, забираясь мне под юбку.

И снова зуд у меня в промежности. Приятное ощущение. Ну и что, что он не Лоуэлл? Может, так даже лучше. Джейк, возможно, не будет писать мне стихов, но он интересуется мной в том смысле так, как не интересовался ни один парень.

- Встретимся у меня в общежитии в полночь, – говорит он.
- Слишком рискованно. Меня уже поймали за курением в ванной Брайта.

- Не так опасно, как ты думаешь. Я в Уэнтингтоне, комната номер пять. Через два здания от твоего. Я оставлю свет гореть. Приходи в полночь. Тебе не надо решать прямо сейчас, но я буду ждать.

Когда я возвращаюсь в Брайт, то вижу, что дверь Мередит закрыта. Холли в нашей комнате нет. Она, наверное, выслушивает подробности прогулки с Кейпом. Возможно, они обсуждают меня. Я решаю, что все-таки пойду к Джейку.

Без четверти двенадцать я тихонько натягиваю дизайнерские джинсы и футболку от «Агнес Б.». Без лифчика. Холли крепко спит. В нашу комнату она вернулась не раньше начала одиннадцатого. Я уже сделала всю домашку и притворилась, что сплю. Я спускаюсь и выхожу в кардисскую ночь. Я нервничаю, но не слишком. Джейк хочет, чтобы я пришла к нему в комнату, и я иду туда. Это одна из самых прямолинейных сделок, в каких я принимала участие, особенно когда ставки так высоки.

Общежитие Джейка я нахожу без особого труда. Он сказал, что в его окне будет гореть свет, и вот, пожалуйста, горит. Я тихонько стучу по раме. Джейк распахивает окно.

– Ага, я знал, что ты придешь, – говорит он, но тон у него не самодовольный, а дружеский и счастливый.

Я не хочу показаться слишком уж легкой добычей, поэтому говорю:

– Не могла заснуть и подумала, мы можем покрутить.

– Ну да, конечно, – усмехается он.

Я забираюсь через окно в его комнату. Она увешана сувенирами Grateful Dead. На стенах огромные, ручного крашения гобелены. На кровати белые простыни и клетчатое покрывало в рубчик, на прикроватной тумбочке – «Дублинцы» Джеймса Джойса. На нем голубые длинные трусы и белая футболка. В углу прислонена к стене гитара.

Как только я перебираюсь через подоконник, он протягивает мне сигарету.

– Снимай одежду, – говорит он настолько буднично, что я не уверена, верно ли его расслышала.

– Что?

– Снимай одежду. Тут тепло.

Он правда собирается перейти к делу. Никаких любезностей, никаких бессодержательных разговорчиков.

– Нет, – говорю я. Не столько из моральных соображений, сколько потому, что ненавижу свое тело, отсутствие груди.

– Ладно, Беттина, я не собираюсь заставлять тебя делать то, чего ты не хочешь. Но тот факт, что ты пришла меня навестить, говорит о многом. Вот что я тебе предлагаю. Сделку. Я люблю девчонок, люблю секс. Ухаживания для слюнтяев. Все, что взаправду стоит делать, делается втайне. Все, что тут произойдет, только между нами, понятно? Им в Брайте все равно не понять.

– О'кей, – отвечаю я и медлю, зная, что это еще не все.

– Кроме того, если ты со мной, ты со мной. Я ни с кем не делясь. И делай что хочешь, но в меня не влюбляйся. Ты, вероятно, всегда будешь

мне нравиться, но я никогда, вообще никогда не буду любить тебя в ответ.

«Вот высокомерная задница», – думаю я. И вообще я тут, только чтобы спасти лицо. Но я заинтригована этими условиями и тем, что за ними последует.

Протянув руку, он касается моего лица, проводит пальцами по векам, щекам, скользит по контурам моих губ.

Остановившись, Джейк говорит:

– Так. А теперь сними хотя бы туфли.

Я снимаю. Он кладет мои ноги себе на колени и начинает массировать ступни. Его большие пальцы выводят круги по моим лодыжкам. На секунду он останавливается, нагибается и внимательно рассматривает шрам, который я себе оставила после сногсшибательного погрома Бэбс в моей комнате.

– Расскажи мне про него.

Никто раньше его не замечал.

– Пустяки.

– Выглядит как ожог от сигареты.

– Когда мне было одиннадцать, я была в ярости на себя, что разозлила мать. Я испортила хороший вечер и хотела себя наказать.

Джейк закуривает.

– Хочешь еще один?

– Что?

Кому такое, черт побери, придет в голову? Но если это отвлечет его от попыток меня раздеть, то как будто того стоит. И по совершенно неверным причинам я говорю:

– Да.

Взяв мою левую ступню обеими руками, Джейк целует косточку на лодыжке, потом берет сигарету и вдавливает ее в пространство прямо над ней – получается точная копия первого. Я морщусь, когда он обжигает мне кожу, но и все. Никаких жалоб.

Когда боль спадает, я вдруг думаю о Мередите. Это посущественней дурацкой прогулки с Кейпом. Прогуляться любая может. Требуется особая форма близости, чтобы позволить кому-то тебя обжечь.

– Ты такая хорошая девочка, Беттина, – говорит Джейк и целует ожог.

Я киваю и на краткий миг задаюсь вопросом, проделывал ли он такое раньше. Но на самом деле это не важно: жест кажется свежим. Первый раз. Я подставляю ему лицо. Он целует мои губы. Потом отстраняется и дает мне пощечину.

Какого черта?!

Я испытываю огромное искушение врезать ему в ответ. Он высвободил во мне что-то невероятное. Я вдруг сознаю, что под моим влечением к этому странному парню таится острая ненависть. Он не тот, кого я хочу. И вот это взаправду выводит меня из себя.

Он замахивается ударить снова. Я хватаю его за запястье и отталкиваю.

– Нет! – а сама думаю: «Я тебе не извращенка какая-нибудь!»

– С каждым разом будет все лучше.

– Я больше не хочу.

– Отлично, – спокойно говорит он, и в его голосе нет ни гнева, ни разочарования. Он превыше их. – Как тебе угодно. Наверное, я в тебе ошибся.

– Ну да, как знаешь, – бросаю я в ответ.

Я надеваю туфли и ухожу.

По пути назад в Брайт я касаюсь лица. Щека горит. А вдруг от его руки осталась отметина?

Проснувшись на следующее утро, я думаю, что Джейк был прав, что позволил себе жечь и бить меня. Тяга к подобному уже заложена в остроте ощущений моих кайфов, на которые я подсела целую вечность назад. Я к нему вернусь. Позволю ему зайти дальше.

Я почти каждую ночь прокрадываюсь из Брайта в Уэнтингтон. Он меня больше не бьет. Мне хочется сказать, мол, давай, пойди до конца, но Джейк не из тех, кому можно указывать. Мы просто болтаем. Вероятно, он меня наказывает, заставляет ждать. Все это мучительно и скучно одновременно. Я хочу, чтобы он сделал что-то грубое, хотя бы укусил меня за губу, пустил чуточку крови, но пока он такого не делает.

Однажды вечером (прошло не так много времени с начала нашей игры) мы встречаемся в библиотеке, в часы, отведенные для самостоятельной работы, – в одном из отдельных кабинетов. Я говорю ему, что мне завтра сдавать рассказ Дональсону, и он обещает мне помочь. Он читает какую-то книжку, пока я пишу. Я решаю написать про то, как остригла себе волосы, когда мне было десять. «В тот день, когда я остригла себе волосы и «испортила на хер Рождественскую Открытку», мне было просто скучно, и никакая я не «дерзкая паршивка», как говорит всем своим подругам Бэбс...» Джейк подвигает свой стул к моему, но даже не смотрит на мое сочинение.

Когда я исписываю четвертый лист, Джейк бросает свою книгу на пол, и я целую его с такой силой, на какую только способна.

Джейк щелкает выключателем, и в нашем кабинетике воцаряется

полная темнота. Он едва не обрывает пуговицы с моей рубашки, пока ее расстегивает, а после врезается головой между моих грудей. Берется сразу за соски. Он обводит их языком, пока они не напрягаются. Он засасывает в рот левый сосок и прикусывает, с силой прикусывает. Я так благодарна, что он вернулся, мне даже хочется плакать. Я запускаю руку ему под рубашку, касаюсь его плеч, его спины. Я чувствую его мышцы, он теплый, почти горячий.

Он запускает руки мне под юбку, просовывает левую в трусы и быстро оказывается во мне. Он начинает с гладко скользящих движений, внутрь-наружу, внутрь-наружу. Невзирая на все мои кайфы, мне больно. Я чувствую влагу и понимаю, что у меня идет кровь. Джейк подносит окровавленную руку ко рту и облизывает пальцы, точно они покрыты шоколадом. Потом правой рукой ударяет меня с такой силой, что я точно знаю, на щеке остался отпечаток ладони. У меня голова идет кругом. Я совершенно утрачиваю ориентацию, но я в экстазе. Он расстегивает ремень. Я наклоняюсь и лижу медную пряжку. Я хочу вытянуть ремень из петлей и отхлестать им Джейка по спине, но не уверена, позволено ли это. Он рывком поднимает мою голову и снимает джинсы.

Джейк надевает презерватив. Подхватив, он усаживает меня на стол. Откладывает юбку и входит. Боль сильнее, чем от пальцев, точно он тычет в меня кочергой. Я просто надеюсь, что скоро все будет позади. Джейк кончает минут через пять. Кайфа я не испытываю, но это не важно. Я совершенно вне себя. Завернув презерватив в «клиникс», Джейк бросает его в мусорную корзину.

Как он и обещал, не было никаких «я тебя люблю», никаких нежных поцелуев в шейку, но почему-то я все равно ожидаю чего-то нежного. Тут я вспоминаю, что Джейк много раз это проделывал, и теперь я – еще одна девчонка из его списка. Но, возможно, это не имеет значения. В конце концов, я всегда ищу острых ощущений, а Джейк уж точно мне их дает. Вот только бы перестать плакать...

– В следующий раз не будешь так переживать, – только и говорит Джейк.

14. Посылка

Октябрь 1983

Почтовое отделение в Кардиссе крошечное. Помещение имеет форму латинской буквы «L» с девятью сотнями почтовых ящиков – по числу учеников в интернате. Почти все ученики приходят сюда после утреннего собрания, отчего возникают толчея и толкучка, пока каждый старается пробиться к своему ящику. У меня нет особых надежд получить почту, я просто пошла за остальными, мне хотелось не отставать от жизни школы. Маловероятно, что Бэбс возьмется за ручку, а помимо Сесиль, никто мне писать не будет. Но сегодня в моем ящике розовая квитанция. Посылка. Чтобы забрать ее сейчас, придется протолкаться через море студентов, чтобы добраться до окошка почтмейстерши. Кажется, придется приложить уйму усилий. Я решаю подождать до окончания третьего урока, когда тесное угловое помещение опустеет.

Я возвращаюсь через пару часов. В почтовом отделении действительно пусто. Если не считать одного парня. И не просто парня, а Кейпа. После всего, что наговорила про него Мередит, он для меня скорее вымышленный герой, а не реальная личность, поэтому беседы я не предвкушаю. А еще мне не хочется выдать, сколько всего я про него знаю. Это продемонстрирует неравенство между нами, а еще может показаться, что я его преследую. В конце концов, я видела его лишь однажды, за тем завтраком в столовой. Но по какой-то причине у меня такое чувство, что я его откуда-то знаю.

Я подхожу к окошку, возле которого Кейп ждет с пустыми руками. Он поворачивается ко мне.

– Они тут бесконечно копаются.

– Э-э... – тяну я неопределенно.

Так, значит, мы все-таки поговорим. Я твердо намерена произвести хорошее впечатление. Мне хочется придумать что-нибудь интересненькое, чтобы его привлечь.

– Первая посылка? – спрашивает он.

– Да, – отвечаю я, медленно подхватывая нить разговора. – А у тебя?

– Вторая. Моя мама вечно думает, что я забыл нечто важное. Зубную пасту. Крем для бритья. Носки. Она просто не может поверить, что все это можно купить прямо тут, в городке. Есть идеи, кто тебе посылку прислал?

Упоминание крема для бритья подчеркивает, что он парень, и вообще

разве такие интимные предметы с незнакомыми обсуждают? Я даже рада, что разговор вернулся к моей посылке.

– Понятия не имею, – признаюсь я.

– Э... – потом: – Я забыл представиться. Я Кейп.

– Беттина.

– Помню, я видел тебя на днях за завтраком. Ты живешь в Брайте с Мередит, да?

– Да.

– Она моя девушка.

– Знаю. Она много о тебе говорит.

– Вот как?

– Да, – на этом я оставляю тему. Вот и получилось его завлечь.

Наконец почтмейстерша возвращается с его посылкой, пакет размером с коробку с пазлом. Адрес надписан синей шариковой ручкой, с росчерками и петельками. Я отдаю ей свою розовую квитанцию.

– В этом вся мама, – говорит Кейп. – Она всегда посыпает пустяки экспресс-доставкой, хотя мелочи могут и подождать.

– А ты в каком общежитии? – спрашиваю я, мне не хочется, чтобы он вот так сразу ушел.

– В Уэнтингтоне. – Общежитие Джейка, а еще Лоуэлла. Я не хочу признаваться, что как-то связана или даже знакома с Джейком, поэтому говорю:

– Лоуэлла знаешь?

– Конечно. Он мой сосед по комнате. Взаправду отличный парень. Откуда ты его знаешь?

– По курсу английского и литературы.

– Все уши мне про Дональдсона прожужжал. Про упражнение, мол, надо написать, как попал в неловкую ситуацию. Звучит вроде как здорово.

– Ага.

Новый поворот в разговоре задержал его уход. Кейп продолжает:

– А я стихи пишу. В основном для себя.

Мне хочется сказать «я знаю», но я молчу.

Тетка забрала мой розовый квиток, но я все еще жду. Я бросаю взгляд на его посылку. Обратный адрес – Парк-авеню, Нью-Йорк.

– Так ты из Нью-Йорка?

– Да. А ты?

– Из Чикаго.

– Откуда именно?

– Лейк-шор-драйв.

— Ух ты, так ты из самого центра, — откликается Кейп. — А я рос в Грасс-вудс, но уехал совсем маленьkim. Мой папа погиб в аварии.

— Мне очень жаль.

Погиб в аварии? Я внимательно в него вглядываюсь.

— Как, ты сказал, твоя фамилия?

— А я не говорил. Морс.

Морс? Морс из Грасс-вудс? У меня едва мозги не вскипают, когда я пытаюсь это усвоить... Просто в голове не укладывается! Так Кейп это Хейлер? Так Кейп это, мать его, Хейлер? Это что, какая-то извращенная шутка? Настоящее имя парня Маккормак, в честь отца, второе имя Хейлер. Как может кто-то проходить под тремя разными именами? Конечно, я знала, что фамилия Кейпа Морс, но я думала, он не из Грасс-вудс, а из Нью-Йорка.

Сама я ни за что бы не догадалась, что он Хейлер. Мой Хейлер. Я так долго ждала встречи с этим мальчиком, ждала возможности познакомиться, установить с ним контакт, и вот он передо мной. Учится в моей школе, стоит всего в нескольких футах от меня, разговаривает со мной. Со мной разговаривает! Наверное, мне не следовало бы так удивляться, что он тоже учится в Кардиссе, ведь тут учился Мак, и все-таки... Ставила ли на это Бэбс, когда подталкивала меня послать сюда документы? Отец Бэбс учился в Кардиссе, но Бэбс далеко не сентиментальна, ей плевать на какое-то там наследие.

Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не обнять его или не сблевать. Наконец-то мы сможем поговорить о наших родителях. Поплакаться на свое исковерканное детство. Эта история свяжет нас на всю жизнь, и мы будем близки, как брат и сестра, даже как близнецы. И вместе мы Наконец Это Преодолеем. Но по тому, как спокойно он на меня смотрит — так, словно видит меня впервые в жизни и, возможно, больше никогда не увидит, — я понимаю, что он понятия не имеет о нашей общей истории, что он еще невинен.

Надо ли обрушивать на него то, о существовании чего он даже не подозревает? И если да, то обязана ли делать это именно я? Но он уже пошел по ложной дорожке. Он позволяет жестокой девчонке вроде Мередит брать свой пенис в рот, а после плачет, как сильно он ее любит. Он пишет ей стихи, а она над ними смеется. Если я ничего не предприму, он всю свою жизнь проведет в кружке бессмысленных, красиво одетых людей, будет увиваться за пустышками вроде Мередит и одновременно быть их собственностью? А если он узнает тайну отца, то, возможно, изменится. Выберет другой предмет для своих вздоханий. В конечном итоге выберет

другую жизнь. «Я должна что-то предпринять», – думаю я. Но, если честно, почему я? Для меня-то никто пока ничего не сделал.

Сделав глубокий вдох, я тру лицо руками. Теперь я Спокойна, с большой буквы Спокойна.

– Знаешь, твой отец приходил на пару вечеринок моей матери.

Вид у Кейпа заинтересованный, но чуток отсутствующий. Мак бывал на уйме вечеринок.

– Так наши родители были знакомы? – спрашивает он тем же тоном, каким мог бы спросить: «У тебя математику тоже Паркер ведет?»

Были ли знакомы наши родители? «Еще как», – могла бы ответить я, но говорю лишь:

– Да. Я бы даже сказала, дружили.

– Мама не любит говорить про Грасс-вудс, про те времена.

«Как похоже на Мэгс выбросить все веселье», – хочется сказать мне. Но нет.

– Я не слишком хорошо его знала, но он всегда был очень добр ко мне, – говорю я.

Я слышала, как он трахает мою мать в коридоре пентхауса. Я знала про ихочные набеги в его загородный клуб, как он ласкал ее клитор в гольф-каре. Я даже сидела и разговаривала с ним на кровати моей матери о жемчужном ожерелье, купленным в отместку за подарок жене, который Бэбс нашла как раз перед тем, как они собирались заняться анальным сексом.

– Мне очень бы хотелось послушать как-нибудь, что ты о нем помнишь.

Вероятно, он думает, мол, да, тема интересная, но уж точно ничего сенсационного.

– Конечно, – киваю я.

Я ведь могу последовать его примеру. Возможно, мы так и поступим однажды, если я не забуду.

– Ну, похоже, мне тут больше делать нечего, – говорит он, поднимая повыше посылку. – Приятно было поболтать.

– Ага.

Повернувшись к нему спиной, я делаю шаг к окошку почтмейстерши. В конце концов, я ведь пришла за посылкой. Я слышу, как Хейлер уходит, как звякает дверной колокольчик, как за ним захлопывается дверь. Знаю, мне придется напоминать себе, что надо называть его Кейпом.

Я жду почти десять минут и уже начинаю недоумевать, есть ли вообще за перегородкой кто-нибудь. Но слышится шорох, и объявляется моя

коробка. Она такая огромная, что из-за нее не видно женщины, которая ее несет. Когда она ставит коробку на прилавок, то по стуку, с которым коробка опускается, я понимаю, что она очень тяжелая. Я как можно скорее расписываюсь на квитанции, чтобы посмотреть на обратный адрес. Пентхаус. Бэбс.

Дотащив кое-как коробку через кампус и вверх по лестнице в мою комнату, я спешно ее вскрываю. Внутри лежат пара серых замшевых сапог и бордовое кашемировое платье. Золотой браслет с мелкими подвесками, который, как мне известно, Бэбс подарили ее родители, когда она училась в школе-интернате «Фармингтон». Она никогда его не носила, но иногда доставала из шкатулки с драгоценностями и давала мне поиграть. Блок «Дачес Голден лайт». Литровые бутылки водки, скотча и бурбона. Упаковка презервативов «Хард-Райдер». В этом вся Бэбс. Я лихорадочно ищу записку. Наконец нахожу. Курсивный почерк на нежно-голубой дорогущей бумаге, наверху коричневый водяной знак «Бэбс».

«Дражайшая, – значится на голубом листке. – Просто немножко разностей. Безумно по тебе скучаю.

Бэбс».

Я разом возбуждена и разочарована посылкой. Я не могу здесь носить сапоги, платье или браслет с подвесками, поскольку они выглядят слишком дорого и не соответствуют обычаям и моде Кардисса. А остальное – контрабанда. Меня из-за нее могут отчислить. Но я не вполне уверена, действительно ли Бэбс понимает, что в Кардиссе существуют правила, поэтому я даю ей уйму очков за то, что она вообще прислала посылку. Она же попыталась сделать что-то хорошее. И что гораздо важнее: Бэбс думает обо мне, скучает по мне. И, возможно, спиртное поможет мне реабилитировать себя в глазах Мередит. Как и Бэбс, я умею устраивать отличные вечеринки.

В то утро я вижу, как за окном Мередит проходит с большой стайкой девчонок, таких же, как она, красивых блондинок. Все смеются, а она идет чуть впереди, точно они бусины в ожерелье, а она – застежка, скрепляющая все воедино. Мередит мне машет, но не останавливается. Я в этом ни за что не признаюсь, но я хочу дружить с Мередит. Не быть частью идущего за ней стада, нет, я хочу идти впереди, рука об руку с ней.

15. Попойка

Октябрь 1983

Тем же вечером я привожу в действие мой план. С наступлением комендантского часа я стучу в дверь Мередит. Открывает Джесс. Холли тоже там.

– Привет, Беттина! – окликает из-за спины Джесс жадная до сплетен Мередит. – Расскажи-ка нам что-нибудь, чего мы не знаем.

– У меня есть кое-что получше. – Я показываю бутылку водки.

Мередит в восторге, Джесс и Холли явно нервничают.

– Где ты ее раздобыла? – спрашивает Мередит.

Как-то неправильно признаваться, что мать мне ее прислала.

– У Джейка Кроненберга.

– А, типично. Я слышала, у него в комнате целый бар. Твоя домашняя работа дала плоды, – говорит с улыбкой Мередит. Она уже не склонна меня из-за него уедать.

– В комнате у меня есть еще.

Холли делается все больше не по себе. Она знает, что и ей тоже придется выпить. Сесть на лошадку, на которой никогда еще не каталась.

– Что, если нас поймают? – спрашивает Холли. Она, наверное, вспоминает лекцию про давление сверстников, которую ей, без сомнения, прочла мама.

– А что, если нет? – переспрашивает Мередит. – Входи же, Беттина, садись.

Я присоединяюсь к ним на полу.

– Джесс, нам нужны чашки.

Джесс запускает руку под кровать Мередит. Достает оттуда стопку пластмассовых чашек с символом голубого кита «Майдстоуна». Встав, Мередит подходит к холодильнику, достает оттуда пакет апельсинового сока, чтобы замаскировать резкий вкус водки. Забавно, оказывается, у Мередит есть все, что полагается для попойки. Ей не хватало только самого пойла.

Джесс смешивает всем нам по чашке: добавляет по два булька водки на дюйм апельсинового сока. Раздает она их так, точно она – бармен, а Мередит – хозяйка дома, пусть даже алкоголь мой. Мы все пьем. Даже Холли.

– Так вот, – возвращается к своей теме Мередит, – мы как раз

обсуждали Кейпа. Я сегодня в полночь иду к нему в общежитие.

– Я сегодня видела Кейпа на почте.

Мередит отхлебывает большой глоток водки с соком.

– Надеюсь, ты не сказала ему, что знаешь, что случилось прошлым летом, – говорит она с толикой опасения, которое только я могу уловить в ее голосе.

– Конечно нет, Мер, – сладко отвечаю я.

Она доливает себе в чашку еще водки, но не сока.

– Он правда очень симпатичный, – говорю я, не желая портить нарождающийся праздник.

Я пью маленькими глотками. Я замечаю, что Джесс практически ничего не проглотила. Слишком много калорий. Холли сделала всего пару глоточков.

– Вот уж точно, – говорит Мередит.

Прикончив содержимое чашки, она наливает себе еще. Мне нравится, что ей так жадно хочется того, что есть у меня. Она тянется под кровать за детской пластиковой коробкой с набором для курения.

Затягивается она глубоко, наконец-то курит всерьез. Она не раз ходила с Кейпом на прогулки, но сегодня впервые планирует пойти в его общежитие. Интересно, как она решит проблему Лоуэлла, ведь у них с Кейпом одна комната на двоих. Возможно, Лоуэлла тоже навестит девушка.

Я смотрю на ее красивое лицо – такое совершенное и неуязвимое, как у куклы. Будь она куклой, какую можно заказать по каталогу, у нее было бы возвышенное имя – Вероника, например, или Корнелия. Она была бы не из тех кукол, с которыми спишишь, а из тех, у которых уйма дорогущих нарядов и которых хранят на полке. Будь я парнем, я прямо сейчас бы ее поцеловала, чтобы завладеть ее вниманием. Даже будучи девчонкой, я испытываю большое искушение это сделать – чтобы скрепить нашу связь. Я бы откинула ей волосы за плечи, возможно, даже поцеловала бы в шею взасос, оставив отметину цвета винного пятна. Мередит училась в частной школе Чейпин, и за девять лет в школе для девочек, уверена, хотя бы раз с кем-нибудь целовалась – возможно, на слабо. А, возможно, и нет. После инцидента в душе я не могу позволить себе ошибок. По мере того как текут минуты, она все больше от нас отдаляется. Рассеянна. Сосредоточена на уходе. Меня она с собой не возьмет.

Я наливаю Мередит еще – это уже ее четвертая порция. На сей раз я не доливаю сок. Она пьет маленькими глотками, и алкоголь принуждает ее к молчанию. Я вижу, она близка к своему пределу, но не хочет в этом сознаваться. Будь что будет, но она свою чашку допьет. Поскольку ни

Холли, ни Джесс разговор не заводят, я говорю Мередит:

– Хочешь взять с собой водку к Кейпу? Возможно, это его расслабит, не даст разнюниться, после того как вы, ребята, ну, сама знаешь...

– Нет. Кейп... не... пьет. Отец умер. Несчастный случай. За рулем.

Язык у нее заплетается, и она в том неприятном состоянии, когда трудно маневрировать собственным телом. Выходит, не так уж у нее много опыта по части спиртного. Я регулярно пила вино за обедом с тех пор, как мне исполнилось двенадцать. Бэбс не желает, чтобы я позорилась на вечеринках.

Я снова наполняю чашку Мередит. На остальных просто не обращаю внимания. Для меня это превратилось в эксперимент. Я хочу дожать ее до самого конца.

Ей удается выпить только половину, а потом она ставит чашку на пол, точно сейчас придет какой-нибудь официант из «Майдстоуна» и ее заберет. Она тушит окурок в пепельнице из «Дабл». Встает, стараясь не потерять равновесие. Я смотрю, как она делает пару нетвердых шагов к кровати и падает на нее.

– Мне что-то нехорошо, – раздается из кровати ее слабый голос. Потом она вдруг садится и говорит: – Джесс, мусорное ведро.

Джесс спешит с ней с корзиной для мусора. Мередит тошнит. Блевотина застревает у нее в волосах. Размазывается по кукольному лицу. Она снова ложится. В такое время суток невозможно принять душ – это привлечет внимание Дидс. Даже если Мередит переоденется и соберет волосы в хвост, от нее все равно будет нести, и вообще ей, скорее всего, не под силу будет преодолеть расстояние между Брайтом и общежитием Кейпа. Встречу с ним придется отложить до утра. Ее визит в Уэнтингтон отменяется.

Мередит вот-вот отключится. Джесс бежит в ванную и возвращается с намоченным холодной водой полотенцем. Отирает Мередит лоб. Мередит испускает протяжный вздох и отключается. Я собираю чашки, отношу их в ванную. Выливаю недопитое в раковину. Я чищу зубы. Расчесываю и собираю волосы. С минуту смотрю в зеркало, я самой себе удивляюсь. В конечном итоге я такая же, как Бэбс. Для меня все дело не в попойке, а в парне.

16. Сказки на ночь

Октябрь 1983

Я иду через черную ночь в Уэстингтон. Джейк, скорее всего, не спит и сможет меня впустить. Уж, конечно, я придумаю веский предлог, зачем я тут в такой поздний час. Комната Кейпа на втором этаже.

Я тихонько скребусь в окно Джейка, и он меня впускает. На нем длинные боксерские трусы. Он читал «Портрет художника в юности».

– Я не ждал тебя, Беттина, – говорит он.

Мне хочется остаться с ним, но я говорю:

– Мне нужно подняться наверх и увидеться с Кейпом Морсом.

– С этим хлюпиком? – издевательски спрашивает он. – Зачем?

– К нему должна была прийти Мередит, но она перепила и ей стало нехорошо. Не хочу, чтобы он волновался.

– Эти белые англосаксы просто не умеют пить.

Меня он в эту категорию как будто не включает. Я – тоже белая и из англосаксов, но мне это не дает пропуск в элитный клуб голубых кровей. Я всегда буду «отдельным случаем», отщепенкой с ожогами от сигарет на лодыжках и историями про Бэбс, которые нельзя опубликовать в литературном журнале Кардисса.

– Какая же ты хорошая подруга, – продолжает он с заметным сарказмом. – Возвращайся, если будешь в настроении. Я никуда не денусь.

Я пересекаю комнату и открываю дверь.

Найти комнату Кейпа и Лоуэлла нетрудно. Она прямо над комнатой Джейка. Я стучу. Никакого ответа. Я толкаю дверь. Пусто. Все лампы горят. Может, Кейп сидит у кого-то?

Его туфли стоят у кровати. Я беру их в руки: в петельках коллекционные пени Мака. Мне хочется вынуть их, подержать в руках, но я боюсь, что мне не хватит времени или сноровки вернуть их на место. Я открываю шкаф. Провожу пальцем по стопкам рубашек. С одной стороны – белые или голубые оксфордские. С другой – будничные хлопковые попроще: розовые, зеленые и синие. Разношенные и мягкие. Такие Мак любил носить. Я прижимаюсь к ним лбом, вдыхаю запах. Как бы мне хотелось украсть одну такую и в ней спать. Но мне негде ее спрятать.

Входит Кейп. На нем мешковатые линялые джинсы и белая футболка. Волосы у него мокрые, тело влажное после душа в предвкушении визита Мередит... и у своего шкафа видит меня. Я замечаю, как он

прищуривается, точно освещение переменилось. Интересно, кто из нас заговорит первым.

Он решает сделать вид, будто ничуть не удивлен.

– Привет, Беттина, что ты тут делаешь?

Так много есть ответов на этот вопрос. Я даю самый легкий, хотя и не вполне правдивый.

– Я потому зашла, что Мередит стало нехорошо и она не смогла прийти. Она не хотела, чтобы ты волновался.

– О, – откликается он, явно разочарованный. – С ней все будет в порядке?

– Думаю, да. Просто перепила водки и отключилась.

– Скверно, – говорит он.

– Где Лоуэлл? – спрашиваю я. На самом деле мне все равно, я просто тяну время. Я хочу еще немного побывать наедине с Кейпом.

– Занимается с ребятами в соседней комнате. У него завтра сочинение на латыни. Кстати, а как ты сюда попала? Входная дверь заперта. Я собирался спуститься и открыть ее для Мередит.

Не хочу, чтобы он такое знал, но не могу придумать иного объяснения.

– Через окно в комнате Джейка Кроненберга.

– Ты с ним знакома? – спрашивает Кейп, явно удивленный.

Я могла бы сказать: «Конечно, мы трахались в библиотеке», но вместо этого выдаю:

– Едва-едва. Он помогал мне с одним сочинением, которое я писала для Дональдсона.

– Вот как, – откликается Кейп, он явно купился. – Послушай, понимаю, мой вопрос бес tactный, но мне нужно знать. Что именно говорит про меня Мередит? Она сама не знает, чего хочет. Как сегодня, например. У нас были большие планы, а потом она напивается так, что не может прийти.

О том, что это была моя водка, я решаю умолчать. И о том, что это я по большей части наливала.

– Э-э... – тяну я, – много чего.

– И что же?

– Она говорит, что ты очень хорошо играешь в лакросс.

– И?

– И что волосы тебе вечно падают на лицо.

– Не так уж плохо.

Тут я подхожу к точке невозврата. Вот она, причина, почему у меня нет настоящих друзей:

– Э... – снова начинаю я, – она считает глупым, что ты плачешь во время минета, и она смеялась над твоим стишком. Она всем нам в Брайте его показала и при этом хохотала.

Вид у Кейпа такой, словно я врезала ему по лицу его же клюшкой для лакросса. Он начинает выхаживать по комнате. Вышагивает взад-вперед, задумавшись, точно меня тут нет. Минуту спустя останавливается. Смотрит мне прямо в лицо и говорит:

– Я абсолютно не плачу во время минета.

– Уверена, что нет, – киваю я. – Я только ее слова повторила.

Молчание. Потом:

– Ты считаешь меня привлекательным.

Глаза у Кейпа на мокром месте, но подбородок решительно задран. «Вот видишь, невероятно прилипчивый», – сказала бы Мередит.

– Очень, – сознаюсь я.

Я бы сказала, он один из самых красивых парней в школе. Даже красивее Лоуэлла. Поверить не могу, что ему требуется чье-то подтверждение.

– Послушай, Кейп, – начинаю я. – Эти глупости Мередит говорит, чтобы произвести впечатление на других девушек. Ей повезло, что вы вместе.

– По ее словам, такого не скажешь.

– И честное слово, я не поверила, что ты плачешь во время минета. Но даже если и плачешь, что тут такого?

– Я не плачу! – вскидывается Кейп.

Я сажусь на его кровать, и он садится рядом.

– Надеюсь, ты не сочтешь вопрос слишком личным, но много девушки делали тебе минет?

– Нет. Только Мередит.

– Только Мередит?

– Да.

– Мередит кого угодно до слез доведет. Она во всем так агрессивна.

– Но я не плачу.

– Ладно, у меня идея.

Речь уже не о том, чтобы украсть что-то у Мередит. Мне хочется защитить Кейпа. А еще мне хочется, чтобы он мне доверял – на случай, если я решу рассказать ему про Бэбс и Мака. Я устала пытаться самой найти смысл в том, что делали наши родители.

– Что?

– Считай это своего рода экспериментом. Я сделаю тебе минет, а ты

мне докажешь, что не плачешь. Тогда ты почувствуешь себя лучше.

– Э? – выдавливает он растерянно, хотя и старается казаться небрежным.

Какой пятнадцатилетний парень откажется от ни к чему не обязывающего минета? Я никогда минет не делала, но уверена, что как-нибудь справлюсь.

– Но разве это не будет изменой Мередит? Я такого не хочу.

– Нет никакой измены, если тебя не поймали. – Конечно, это логика Бэбс, но я в нее верю. – Я ей ни за что не скажу.

– Ну, не знаю, Беттина. А это не будет... ну... неловко? Мы только познакомились.

– Тут ты ошибаешься, вот увидишь.

– О'кей, – говорит он наконец.

Я вижу, что он все еще сомневается. Но он слишком хорошо воспитан, чтобы сказать «нет» из страха меня обидеть – каким бы шокирующим ни было предложение. Я знаю, потом он станет об этом думать, мучиться из-за Мередит, грызть ногти.

Мы ложимся на его кровать. Он притягивает меня так, что я лежу на нем, и начинает меня целовать. Я сдерживаюсь, не отвечаю, хочу сохранить клинически отстраненную атмосферу эксперимента, который предложила. Иначе он может решить, что действительно изменяет Мередит, и после ей рассказать. Он елозит подо мной, но я не двигаюсь ему в такт. Наконец, он улавливает мою отстраненность. Не шепчет мое имя, не издает слабых звуков, чтобы показать, что ему приятно, – я знаю, он издавал бы их, если бы мы встречались. Наконец, я чувствую эрекцию под его джинсами. Теперь мне придется взять в руки его пенис. Поскольку я видела член Джейка, проблем это как будто не вызовет. Просто часть тела.

Я расстегиваю джинсы. Стягиваю их. Эрекция у него уже столь явная, что грозит порвать тонкий хлопок трусов. Я их снимаю и берусь за работу. Начинаю я с того, что двигаю головой, стараясь не задеть его пенис зубами. Я удивлена, как нежна кожа, как мой язык способен забраться во впадину на конце и пройтись по краю. Я силюсь вспомнить все инструкции, какие давала мне Бэбс по «французской любви», стараюсь поймать нюансы, определить, что могло бы ему понравиться. И обнаруживаю, что никакие инструкции мне не нужны. Ко мне все приходит интуитивно, мне интересно. «Я хорошо делаю минет; это моя фишка», – вот что я хочу сказать Мередит.

Кейп пытается запустить руку мне под футболку, коснуться моей груди, но я отталкиваю его руку. Он пытается погладить меня по спине, но

я поворачиваюсь на бок, чтобы ему помешать. Наконец он оставляет попытки доставить мне удовольствие и просто гладит по волосам. Я полностью сосредотачиваюсь на его пенисе. Я невольно вспоминаю Мака. Интересно, приходило ли ему когда-нибудь в голову, что я буду лизать член его сына? Будь он жив, он прислал бы мне предписание «прекратить и впредь воздержаться»? И пока я занята этими мыслями, Кейп кончает, выбрасывает свою «горячую салатную заправку» мне в глотку. Он не плачет. Я глотаю, отмечая тем самым конец нашего эксперимента, и сажусь на кровати. С полминуты он лежит, глядя на меня, потом натягивает трусы.

– Ты часто это делаешь, Беттина?

– Нет. Видишь, ты не плакал.

– Серьезно. Почему ты это предложила?

– Чтобы доказать, что тебя незаслуженно обвиняли.

– Я все равно не понимаю.

– Не бери в голову. Тебе же лучше.

– Да... но...

– Не о чем говорить.

– Беттина?

– Да?

– Скажи мне, Мередит правда такая сучка?

Я молчу. Даже не киваю. Мне все еще хочется его защитить, но что еще я могу сделать? Ему придется самому делать выводы.

Он садится, переводит дух. Его кровать почти даже не смята. Кейп без рубашки, но вся сцена смотрится скорее как «до», чем «после». Словно мы просто сидели и разговаривали. Ничего больше.

Дверь открывается. Мы с Кейпом разом встаем. На пороге Лоуэлл. На нем джинсы, «нью бэлансы» и застиранная рубашка поло. Он смотрит на нас удивленно. Он ожидал увидеть тут не меня, а Мередит. Но для парней вроде него неловких ситуаций не бывает. Мне даже приходит в голову, а не выдумал ли он ту историю про падение и слезы, которую написал по заданию Дональдсона.

– Привет, Беттина! – говорит он. – Знаю, что ты ни за что на свете не пришла бы к моему идиоту-соседу. Наверное, я опоздал. Прости, что заставил тебя ждать.

Он что, серьезно? Неужели я ему хоть сколько-то нравлюсь? Но я просто не могу представить себе, как мы с Мередит сидим в Оукли и обедаем с этими двумя красивыми парнями. Мередит готова меня терпеть, но никогда бы не позволила встречаться с парнем вроде Лоуэлла. Это было бы все равно что ловить рыбу в ее пруду.

– Заткнись, Лоуэлл, – говорит Кейп. – Беттина дружит с Мередит и принесла от нее записку.

– Вот не повезло. И будь у тебя хоть толика мозгов, ты давно бы переметнулся.

Он правда думает, что я лучше Мередит, или надо мной потешается? Я недостаточно его знаю, чтобы определить. Кейп молчит.

Лоуэлл продолжает, теперь глядя на меня:

– Я и не знал, что у Мередит личная курьерская служба. Мне можешь приносить записочки в любое время. – Он подмигивает.

Кейп постукивает ногой по ножке кровати. Смотрит в пол. Мне пора уходить.

– Доброй ночи, – говорю я как пай-девочка.

Я выхожу из комнаты. Не уношу ничего, кроме вкуса Кейпа во рту. Лоуэлл дружески машет мне на прощание.

Я спускаюсь в комнату Джейка. Джейк – все еще с «Портретом» в руках – мне открывает.

– Ну, миссия выполнена? – спрашивает он.

– Миссия выполнена, – отвечаю я.

– У них там что, поздний ужин? – спрашивает он. – Что-то тебя слишком долго не было.

Мне хочется рассмеяться, все ему рассказать, но я просто не могу. Узнай он правду, он меня накажет. Скорее всего, тем, что найдет другую девчонку, а меня бросит. В настоящий момент я не уверена, вынесу ли такое. На ближайшее время он мой.

– Э-э... – тяну я, – мне нужно возвращаться.

– Какая жалость. Секс в моей кровати... – Остальное он оставляет на волю моего воображения.

– В следующий раз.

Джейк распахивает окно.

17. На следующий день

Октябрь 1983

Когда мы с Холли собираемся идти на завтрак, Мередит еще лежит пластом в кровати. Я захожу к ней в комнату и вижу, как Джесс трясет ее, приговаривая:

– Тебе надо в душ, Мер. От тебя несет.

– Ммм, – отвечает Мередит, медленно перекатываясь на другой бок.

Наконец она садится и стаскивает с себя одежду. В волосах у нее все еще блевотина. От нее действительно воняет последствиями нашей попойки. Встав, она подходит к гардеробу, вытаскивает халат с монограммой. Направляется в ванную. Впервые с нашего знакомства Мередит дерымово выглядит. Она бледна. Под глазами у нее темные круги.

Но каким-то образом ей удается взять себя в руки. В столовую мы идем все вместе. Припозднились, но все еще в рамках. Мередит берет стакан апельсинового сока, накладывает себе миску «лаки чармз». Она же ненавидит «лаки чармз», вечно талдычит, мол, как глупо, что в Кардиссе подают детские мюсли. Но после прошлой ночи организм требует сахара. Поднос ходуном ходит у нее в руках.

Я пробегаю взглядом по столовой в поисках Кейпа. Он сидит в уголке с Лоуэллом. Мередит старается поймать его взгляд, но без толку. Она понятия не имеет, что было вчера ночью. Ха! Добро пожаловать в страну похмелья.

Тем вечером Кейп в часы посещений приходит в Брайт-хаус. Я вижу его из окна и иду открывать входную дверь. Кейп неловко мне кивает и спрашивает, не могу ли я позвать Мередит. Неужто вчерашняя ночь не произвела впечатления? Или меня все-таки назначили во всем виноватой?

Спускается Мередит, совершенно оправившаяся от вчерашнего вечера. Я смотрю, как она берет его за руку и они вместе выходят из Брайта.

Мне надо отвлечься, поэтому я поднимаюсь к себе черкнуть Бэбс что-нибудь про посылку, которую от нее получила. Она очень серьезно относится к благородственным открыткам. Я тружусь почти час, чтобы попасть в нужный тон.

«Дорогая Бэбс,
спасибо за все всяческие разности. Они просто сказочные.
Я тоже по тебе скучаю

Беттина».

«Разности» и «сказочные» – словечки из лексикона Бэбс, но кажутся вполне уместными для подобного подарка.

К тому времени, когда я надписываю конверт, на часах уже восемь. Я слышу, как Мередит идет по коридору в свою комнату – как раз вовремя, чтобы успеть к вечерней проверке. Я высовываюсь за дверь и по ее покрасневшим глазам определяю, что она плакала. Я думаю, не спросить ли ее, что случилось, хотя я и так знаю. Какой-то урон я все-таки нанесла.

Джесс и Холли уже ждут ее в комнате – как делают всегда после ее прогулки с Кейпом. Я решаю к ним присоединиться. Мне не терпится услышать, что она скажет.

– Я решила отдохнуть от Кейпа, – говорит она, закуривая и опуская любые подробности. – Не могу больше выносить эти прилипчивость и нытье.

«А ему и нужен-то был от тебя минет без осуждения. И без стервозных комментариев», – хочется сказать мне, но я прикусываю язык.

У Холли и Джесс разочарованные лица. Какое-то время нечего ждать продолжения сериала. Кейп был их бойфрендом почти в той же мере, что и Мередит.

– Ты уверена, Мередит? – осторожно спрашивает Холли. – Он, наверное, изо всех сил старается, как лучше.

– Значит, мало старается, – стервожно отрезает Мередит.

Только я знаю причину такого тона. Скорее всего за ее короткую, чересчур защищенную жизнь ее ни разу не бросали.

– Я сказала ему, мол, поищи девчонку, которая будет с этим мириться, – говорит она, туша сигарету. – Давайте закругляться с этим скучным разговором. У меня уйма домашки.

Мы с Холли никогда не видели, чтобы Мередит занималась. Похоже, ситуация действительно серьезная. Мы понимаем, что лучше оставить ее в покое.

18. Две недели спустя

Октябрь 1983

Миновали две недели, а Кейп так и не пришел в Брайт навестить Мередит. Она цепляется за свою байку, дескать расставание это ее идея, но я подмечаю, что она утрачивает свою обычную самоуверенность. Ее пятнадцатилетнее тело словно бы чуток обвисает. Это малость портит ей внешность, и я вдруг осознаю, что у по-настоящему красивых людей внутри некий моторчик, который генерирует внешние эффекты. Когда энергия идет на спад, красивые люди уже не так ярко сияют. Ей явно пора подыскать себе другого парня, но она как будто не способна признать, что потерпела крах с Кейпом, и двигаться дальше.

В тот день на уроке английского Лоуэлл передает мне записку. Я узнаю почерк по строчкам стихотворения. Кейп! На листке написано всего лишь:

«Беттина,
приходи сегодня ко мне в комнату в полночь, если сможешь.
Дай знать Лоуэллу».

С той ночи, как я сделала ему минет, я не оставалась наедине с Кейпом. Я несколько раз приходила в Уэнтингтон к Джейку, и наш секс становился все более бурным. Он хлестал меня ремнем, затягивал у меня на шее школьный галстук так, что я почти теряла сознание, и грозил обрезать мне волосы. Необъяснимо, но мне было не страшно, а скучно. Между нами так и не возникло никаких чувств, и само времяпрепровождение все больше воспринимается как некая изощренная форма физкультуры.

– Ну и? – спрашивает ждущий моего ответа Лоуэлл.

– Скажи Кейпу, да. Но просто чтобы ты знал, Кейпу до тебя далеко.

Это моя попытка пофлиртовать, и в ней нет ничего от веселой легкости, которая так хорошо дается Лоуэллу. Это как когда я рассказываю анекдоты Бэбс. Она почти никогда не смеется.

Трудно высидеть на уроках и за домашним заданием. Время ползет, практически откатывается назад, пока меня занимают мысли о том, что я снова пойду к Кейпу.

Тем вечером у себя в комнате я перебираю, что бы мне надеть. Я хочу одеваться как Мередит, но у меня нет ни юбок от «Лоры Эшли», ни

красивых футболок в обтяжку. Самое женственное, что я могу придумать, – основательно опрыскаться духами «Коко». Я надеваю черные брюки и футболку от «Агнес Б.»: тот же наряд, в котором я в первый вечер пошла к Джейку. Такой наряд едва ли можно считать самым подходящим для соблазнения. Но я не хочу выглядеть так, словно на что-то рассчитываю, словно слишком стараюсь. Поведение Кейпа, когда он в последний раз приходил в Брайт, поумерило мои надежды. Я одеваюсь тихо, чтобы не разбудить Холли. Поскольку Мередит и Кейп расстались, с полуночными посиделками покончено и к половине одиннадцатого Холли обычно уже в кроватке. Мамочка бы ею гордилась.

Я крадусь в Уэнтингтон. На мгновение мне становится страшно: а как Джейк среагирует на то, что я снова пользуюсь его окном, чтобы попасть в комнату Кейпа? Он просто разрешит мне прийти? Я стучу в стекло, но в комнате темно.

«Ну же, Джейк, – думаю я, – не подведи меня». Я стучу снова, на сей раз громче. В комнате как будто какое-то шевеление, потом за стеклом возникает лицо Джейка. Он медленно открывает окно.

– Беттина, – говорит он, – ты не говорила, что придешь.

Мне неловко.

– На самом деле очередная записка от Мередит, – лгу я. – Мне нужно наверх.

– Ну, тогда спускайся ко мне, когда закончишь.

Интересно, он мне поверил?

Конечно.

Я поднимаюсь по лестнице в комнату Кейпа. На сей раз я официально приглашена. Я тихонько стучу в дверь.

Кейп открывает.

На нем снова джинсы, мокасины и белая футболка. Поверить не могу, какой он красивый, даже красивее Мака. Возможно, потому что мы одного возраста и он для меня доступен.

– Беттина, – медленно произносит он, когда я переступаю порог. – Я хотел поблагодарить тебя, что передала мне слова Мередит. Ты, наверное, знаешь, что мы расстались.

– Знаю, – говорю я. – Вот только она всем сказала, что это ее идея. Что ты чересчур к ней липнешь.

Кейпа это задевает, он опять – в который уже раз? – не готов к жестокости Мередит. Я знаю, что поступаю дурно, пересказывая ее слова Кейпу, но это как будто подпитывает его обиду на Мередит. Он мешкает, потом берет себя в руки.

– Мы оба знаем, что это ложь. – Он поддергивает джинсы и, поддев носком одного другой, сбрасывает мокасины и чуть сильнее, чем следовало бы, бросает к сторону шкафа. А я невольно думаю про то, что в петельках там пенни. И о том, какие они ценные. Я слишком занята мыслями о них, чтобы ответить.

– И вообще это не важно, – продолжает он.

– Зачем тебе понадобилось, чтобы я пришла в твою комнату среди ночи? Почему бы просто не сказать мне днем?

– Я знаю, как устроена Мередит. Даже если бы она не увидела, как я с тобой разговариваю, ей настучала бы какая-нибудь ее подружка. И тогда твоя жизнь в Брайте превратилась бы в ад.

– Да? Спасибо, но я могу за себя постоять. – Я разочарована, что вся суть этой встречи снова разговоры про Мередит.

– На самом деле, – говорит Кейп, – я хотел бы отплатить тебе за тот раз.

– Как? – Он что, хочет поласкать «мою я»?

– Я подумал... Я мог бы попробовать...

Попробовать что? Теперь мне стало любопытно, но мне не хочется на него давить. Не дай бог, он придумал какое-то кви-про-кво.

– Не бери в голову.

Я сажусь на его кровать и замечаю на тумбочке часы на черном ремешке крокодиловой кожи. Концы ремешка загибаются вверх, точно обхватывают невидимое запястье.

– Кейп? Можно мне померить твои часы?

– Зачем? – растерянно спрашивает он.

Я беру их, взвешиваю на ладони, переворачиваю посмотреть, что на обратной стороне.

– Они принадлежали твоему отцу, да?

– Откуда ты знаешь?

Я надеваю часы, пусть даже он не дал мне разрешения.

– Он показывал мне их, когда мне было одиннадцать.

– Правда? Где?

«Среди ночи. В спальне моей мамы» – не слишком приемлемый ответ, поэтому я просто говорю:

– На коктейльной вечеринке в маминой квартире. Я хотела оставить их себе, но он не позволил.

– А почему ты хотела оставить их себе?

И опять же я не могу сказать правды:

– Я думала, они крутые. Он даже дал мне их померить.

– А как же твой папа? Разве у него не было часов, которые ты могла бы носить?

– У меня нет папы.

– Что?

– Моя мама забеременела и никому не сказала, кто отец.

– Почему?

– Откуда мне знать.

Я вижу, как он на меня смотрит – решительно ничего не понимая. Но он не собирается допытываться. Как и говорил Джейк, он из англосаксонских святош-хлюпиков. Он избегает неловких тем.

Он наклоняется ко мне. Я думаю, он собирается меня поцеловать, но он просто вглядывается мне в лицо.

– Что случилось с твоим лбом?

– Ты о чем? – Я быстро касаюсь лба, – меня вдруг охватывает паника, вдруг там прыщ или какая-то короста. Но нет, ничего.

– Твой шрам. Выглядит серьезно.

Всякий раз слыша слово «шрам», я думаю про щиколотку. Но тут до меня доходит, что он говорит про шрам, оставшийся после «Похмельной жрачки в круизе». С той ночи, когда мне наложили пятнадцать швов и я спрятала розового слоненка в карман Мака, никто ни разу об этом не упоминал, даже Джейк. Бэбс даже не заставила меня накладывать макияж для съемки Рождественской Открытки, чтобы его скрыть.

– Э-э-э...

Мне совсем не хочется, чтобы показалось, будто всю жизнь Мака поглотили вечеринки Бэбс. Но я все равно бросаюсь в омут с головой и выкладывают подробности.

– Моя мать устроила однажды вечеринку, и я упала с мраморной лестницы. Твой папа поднял меня с пола, и я злила ему рубашку кровью.

– Почему он мне ничего про тебя не рассказывал? Почему нас не познакомил? А тебе он про меня рассказывал?

– Конечно, рассказывал, – отвечаю я.

Даже если это ложь. Я годами считала, что его зовут не Кейп, а Хейлер. Я с такой легкостью заложила Мередит, а сейчас вдруг поняла, что говорить про Бэбс и Мака будет гораздо труднее.

– Ты с моей мамой встречалась? – спрашивает он.

– Да, – говорю я, но умалчиваю о том, как ходила в туалет в Чайном доме. – Ты ей сказал, что я тут учусь?

– Да. Она сказала, мол, знает, кто ты.

– И все?

– Да, но она не слишком любит разговаривать про Грасс-вудс и Чикаго. Однажды она сказала, что ее перестали приглашать в гости, потому что она вдова. Наверное, женщины боялись, что она позарится на их мужей. Разумеется, она такого никогда бы не сделала. И вообще она выросла в Нью-Йорке, поэтому решила, что будет разумно вернуться.

Сняв часы Мака, я возвращаю их Кейпу. Я знаю, что, будь я его девушкой, он позволил бы мне их носить.

– Ну и? – спрашиваю я, замечая, что становится поздно. – Зачем я здесь?

– У меня есть одна идея, но ты должна мне помочь.

Я знаю, к чему он клонит, но не собираюсь облегчать ему жизнь. Отчасти мне кажется, что во мне его привлекает как раз то, что я живу рядом с Мередит. Все, чем бы мы ни занимались, так или иначе возвращается к ней. Но я хотя бы включена в их союз – точка, составляющая треугольник.

– О'кей, – говорю я.

Я в общем-то уверена, что знаю, что у него на уме. Я этого страшусь, и одновременно мне очень хочется. Я знаю, что им движет главным образом желание отомстить Мередит, но в тот момент мне все равно.

– Ляг на мою кровать.

Я подчиняюсь. Наклонившись надо мной, он расстегивает на мне брюки. Стягивает их вместе с бельем.

Он наклоняется еще ниже и касается меня губами. Впервые кто-то ласкает мои большие губы. Прикосновение приятно, но мне неловко. Какая я на вкус? Я хорошо подтерлась, когда ходила в туалет? Не пристанут ли к его языку частички туалетной бумаги? Я решительно не могу расслабиться, отпустить себя, думаю, а вдруг мои лобковые волосы застрянут в зубах у Кейпа?

Я извожу себя всякими тревогами, но невольно думаю, что с толикой практики Кейп может оказаться истинным гением в постели – совсем как его отец. Если так, то через пару минут я точно забудусь и просто буду ловить бурный кайф. Сексуальное возбуждение сродни опьянению: отпускаешь себя на волю ощущений, и будь что будет. Но Кейпу пока не хватает умения, поэтому я сдерживаюсь. Не хочу его шокировать. Он поднимает голову и спрашивает:

– Тебе приятно? Я никогда такого раньше не делал.

От того, что он это признает, становится только хуже.

Кейп не может найти мой клитор и засовывает язык мне во влагалище, а после облизывает губы.

Я хватаю его за волосы и тяну его голову к своему лицу, прошу его перестать.

– Почему? Я что-то не так делаю?

– Нет, нет, просто ощущения слишком острые. Ты был великолепен.

Я вижу, как он старается скрыть улыбку. Он подается ко мне и целует меня в губы. Я улавливаю на его губах собственный вкус, и меня передергивает от мысли, что все эти терпкие соки у него на губах и во рту принадлежат мне. Я никогда раньше не осязала собственного запаха. Разве только чистый и острый запах своего кала в туалете или другой запах, когда Джейк засовывал в «мою я» свой член. Джейк никогда не просит сделать ему минет. Сейчас я уговариваю себя, дескать, Кейп просто выпил какой-то экзотичный коктейль, которого мне, наверное, никогда не попробовать.

– Но ты не...

«Кончила?» – хочется закончить мне, я слишком тронута невинностью этого мальчика, который не способен произнести слов «кончила» или «оргазм».

– И ты тоже, – отвечаю я.

По его лицу читается, что он старается придумать альтернативные варианты. Я знаю, что он девственник, и не хочу, чтобы он отдал свою девственность мне в отместку другой.

– У меня есть одна мысль, – говорю я после пары неловких минут.

Мне вспоминается ночь, когда Бэбс рассказала мне про смазку и что они с Маком собирались делать, когда она увидела жемчуг для Мэгс.

– О'кей, – говорю я. – Тебе нужно снять штаны и трусы. Я собираюсь встать на четвереньки.

Я знаю, что мне будет больно, но это будет еще одним кунштюком, который Кейп сможет добавить к своему секс-репертуару, и мне не придется беспокоиться из-за его техники. Насколько мне известно, трахнуть кого-то в зад – сравнительно простое дело. Пока Бэбс не рассказала мне про тот случай с Маком, мне и в голову бы не пришло, что это вариант и для гетеросексуалов тоже. Но, насколько я могу судить, это экзотичное дополнение в сексуальном меню, которое не так уж многие заказывают – как самбуку после обеда.

Кэйп тянет, возится с джинсами. Я догадываюсь, что он знает и не знает, что сейчас произойдет. Когда он встает позади меня, ячуствую его пенис у себя на спине. У него удивительная эрекция – особенно если учесть тот факт, что он, скорее всего, не уверен, каким будет мой следующий шаг. Он, наверное, возбужден от того, как ласкал «мою я» – невзирая на то, что для меня его старания обернулись катастрофой.

– О'кей, Кейп, введи член мне в зад.

Кейп никогда бы не произнес слов «член» или «зад», особенно в присутствии девушки. И Мередит тоже не сказала бы «зад» при парне. Но я знаю, что Кейп мне подчинится и мы получим нашу разновидность истинной близости. В отличие от секса с Джейком, это будет что-то, что нас эмоционально сблизит, что-то значимое.

– Ты уверена? – спрашивает он, но по его прерывистому дыханию я понимаю, что он готов.

– Да, Хейлер, – говорю я, и если бы мое анальное отверстие могло бы увлажниться, это сыграло бы свою роль. Это то, чего я хочу больше всего на свете. Заставить мальчика, которого я с десяти лет знала как Хейлера, причинить мне боль.

– Хейлер? Откуда ты... – удивленно спрашивает он.

– Ш-ш-ш. Просто сделай это.

Он чуть отодвигается и входит в меня сзади. Неприятное чувство. У меня такое ощущение, будто он меня разрывает. Может, этим объясняется необходимость в смазке. Кейп как будто забыл про свои сомнения и алчно подергивается, вцепившись в мои бедра, чтобы проникнуть глубже. Я беспокоюсь, не пойдет ли кровь. Мне хочется закричать: «Хватит!» – но я же сама предложила. Надо идти до конца. Мои мысли уносятся к Мередит. Будь на кровати со мной не Кейп, а Мередит, такой жгучей боли не было бы. Были бы только мягкость кожи и припухшие губы. Интересно, какая ее помада на вкус? Наша близость была бы тягучей и медленной, мы ласкали бы друг другу мочки ушей и пупки. Мы не были бы парой, мы были бы просто двумя девчонками, пробующими что-то новенькое. Из любопытства.

А я тут с Хейлером/Кейпом и его членом, от которого больно. Я тревожно жду, когда он кончит, жду, когда все останется позади. Его темп ускоряется, я знаю, что уже скоро.

Он выходит, опускает пенис мне на спину, продолжает двигаться. Как и я, он, вероятно, не вполне понимает, что происходит со спермой, когда она извергается в анальное отверстие. Уверена, он не считает, что я от этого забеременею, но, возможно, беспокоится, что у меня будет заражение или по меньшей мере дурной запах.

Он выгибает спину и, как раз перед тем как кончить, кричит:

– Господи, Мередит!

Его сперма забрызгивает мне футболку, которую я так и не сняла. Я не могу его винить, потому что я тоже думала о Мередит, и будь я парнем, я, наверное, тоже выкрикивала бы ее имя.

Я отстраняюсь, тянусь за брюками. Кейп откидывается на подушки. Я готова расплакаться – и из-за боли, и из-за того факта, что я не была и никогда не буду Мередит. Кейп смотрит на меня и произносит:

– Прости, Беттина. Я не всерьез. Просто я так привык быть с ней.

– Не бери в голову, – отвечаю я.

Как и обещал, Джейк оставил свет включенным, и он сидит на кровати с книжкой. Ему достаточно одного взгляда на мое лицо, чтобы спросить:

– Все в порядке?

Ради разнообразия я говорю ему «нет» и деревянно вылезаю через его окно.

19. Танцы

Октябрь 1983

На следующей неделе на занятиях только и говорят, что о танцах для младших курсов. Суть, собственно, не в танцах, а в том, кто с кем пойдет. Мне очень даже любопытно, как поступит Кейп. Пригласит Мередит? Даже если они расстались, я знаю, что он все еще по ней сохнет, поскольку, занимаясь анальным сексом со мной, выкрикнул ее имя. В глубине души я надеюсь, что он сделает нечто иное и пригласит меня. Впрочем, кому я морочу голову?

Джейк хочет отвезти меня на карьер, на «ничейную землю» за железной дорогой, где ученики напиваются и принимают наркотики. Карьер достаточно далеко от кампуса, чтобы быть, так сказать, «вне радара» преподавателей Кардисса. Я чуток разочарована, потому что мне хочется пойти на танцы и показать всей школе, особенно Кейпу, что у меня есть бойфренд. Но Джейк сразу дал понять, что ухаживания не по его части.

Мы собираемся в комнате Мередит обсудить приготовления. Холли идет с Недом, бесцветным мальчиком из ее математического класса. Он из Миллуоки, и я невольно спрашиваю себя, преподнесет ли он ей бутоньерку на корсаж или цветок на браслете. Джесс идет с Натаном, богемным типом из ее арт-класса, который отпустил длинные волосы и затягивает их в хвост.

Интересно, а у нее вообще есть платье для танцев? Обычно она одевается почти как мальчишка. Я говорю им, что пойду с Джейком, но не вдаюсь в детали. Может, он просто размозжит мою голову о дерево.

Мередит странно притихшая. Невзирая на ее популярность, сомневаюсь, что кто-то ее пригласил. Любой парень, помимо Кейпа, вероятно, боится получить отказ.

— А на мой взгляд, танцы чушь собачья, — говорит Мередит. — Я лучше на уик-энд поеду домой, в Нью-Йорк, повидаюсь с друзьями. Они как раз собираются устраивать пивную вечеринку, и мы будем играть в покер на раздевание с парнями из университета.

Я вспоминаю, как скверно среагировал организм Мередит на мою водку, и спрашиваю себя, а рискнет ли она вообще когда-нибудь еще выпить. Вероятно, да, но сумеет остановиться, чтобы успеть с кем-нибудь пообщаться. Мне бы так хотелось с ней поехать. Увидеть, как она сидит

в лифчике и трусиках на коленях у какого-нибудь парня.

— Можешь пойти с нами, — говорит Холли, думая, что помогает. — Уверена, Нед будет не против.

Зато Мередит очень даже будет, поэтому говорит:

— Спасибо, Холли, но у меня просто нет сил. Не обижайся, но я сижу позади Неда на математике, и у него шея вечно потная.

Холли никогда такого не замечала или не думала, что у парня это считается недостатком. Она делает вид, что внезапно поглощена своими ногтями.

— Ну же, Мер, — не унимается Джесс, — без тебя танцы будут уже не те. Может, тебе самой кого-нибудь пригласить? Ни один парень тебе не откажет.

— Прости, мне правда не интересно. Я ходила на танцы в прошлом году, и скука была смертная. Сплошь бумажные вымпелы цветов «Кокаколы» и дурацкие воздушные шарики. Как праздник в честь дня рождения шестилетки.

Они оставляют попытки ее переубедить. Возможно, она правда хочет поехать в Нью-Йорк. Перезарядиться после провала с Кейпом.

Тем временем наступают часы посещений. Сражаясь с матанализом, я вынуждена терпеть пустую болтовню Неда и Холли.

— Где ты хочешь пообедать? — спрашивает Нед.

— Не имеет значения. Если там это будет слишком дорого, можем просто поесть в столовой, — отвечает Холли.

Нед смеется.

— Не-а, это не круто. Ты что любишь?

— Что угодно! — восклицает она, все еще не догоняя, что крутые девчонки едой не интересуются. С начала учебного года она, наверное, фунтов десять набрала.

— Ладно, тогда я сам место выберу. И рассчитываю получить за это поцелуй.

Холли краснеет.

— Посмотрим.

Я знаю, что она разом смущена и счастлива, что сможет произвести впечатление на Мередит поцелуем Неда — невзирая на историю с потной шеей.

Они все чирикают и чирикают, перебирая подробности вечера. Я надеваю красные наушники «Сони» и заваливаюсь на кровать с учебником математики.

Поскольку дверь открыта, я вижу всех, кто входит и выходит. В доме

нас только четверо, поэтому движение в коридоре не слишком интенсивное. И вдруг я вижу высокого парня, мелькают темные волосы. Кейп! У меня возникает абсурдная мысль, что он сейчас войдет в нашу комнату и пригласит на танцы меня. Но нет, конечно же нет.

Кейп проходит мимо и стучит в дверь Мередит. В его походке – новая уверенность, которую я приписываю нашему ночному развлечению. Теперь он чувствует себя ровней Мередит, так же уверен в себе, как и она. Уверен, что снова ее завоюет.

Я задумываюсь, не рассказать ли Мередит, что теперь мы вместе, но мне не хочется рисковать испортить отношения с ними обоими, стать девчонкой, которая сидит в углу и играет одна.

Я воображаю, как Мередит отрывается дверь и видит Кейпа, воображаю примесь удивления в ее небрежном «привет». Она не ожидала его увидеть.

Или, возможно, в мирке Мередит парни всегда возвращаются. Таких, как Мередит, никогда не подводят, никогда не ставят в неловкое положение. Никогда не унижают. Они просто меняют свои планы.

Кейп там уже почти час. Она заставляет его попотеть.

По окончании часов посещений мы все собираемся в комнате Мередит и Джесс. Мы с Мередит курим. Мередит на седьмом небе.

– Я плонула на поездку в Нью-Йорк. Кейп пригласил меня на танцы. Поначалу я сказала «нет», но вид у него стал такой подавленный – как у потерянной собаки, – что я над ним сжалилась и согласилась.

– Как здорово, Мередит! – восклицает Холли. – Теперь мы сможем готовиться все вместе! Неправильно, если бы ты пропустила танцы.

– Да, и ты даже можешь одолжить мою базу под макияж от «Клиник». Я заметила, что у тебя стали проступать прыщики. И довольно много.

Если Холли оскорблена, то не подает виду. На ее взгляд, Мередит не критикует, а вносит конструктивное предложение. Холли касается лица и говорит:

– Спасибо, Мередит. Я это ценю.

– Ты не принесешь нам своего пойла, Беттина? Я собираюсь сделать Кейпу минет, а под хмельком смогу даже поднять его на новый уровень. Ну, и он сам может решить меня поласкать, а благодаря рому будет уже не так неловко.

– Натан мне сказал, что в такой ситуации следует подстричь лобковые волосы и спустить состриженное в унитаз. Тогда парню легче найти дорогу. Хочешь, возьми мои маникюрные ножницы.

– Ты это сделала? – спрашивает Мередит.

– Да, – пожимает плечами Джесс. – И там, внизу, все выглядит гораздо аккуратнее. У Ната будет чистое рабочее место.

Я в шоке, что у Джесс такие отчаянные сексуальные планы. Что она позволит парню трогать свое анорексичное тело с острыми костями и плоской как доска грудью.

Вид у Холли заинтригованный.

– Мне никогда такое в голову не приходило.

Я знаю, что если Кейп будет ласкать ухоженную «я» Мер, то к моей он и прикоснуться не захочет. Внезапно меня охватывает мысль, а вдруг Мередит попросит у Джесс ножницы и сделает это прямо сейчас. Я хочу увидеть, отличается ли ее влагалище от моего. Может, если я подберусь достаточно близко, то смогу почувствовать ее запах и понять, может, оно более чистое и свежее, чем у меня.

– Спасибо, Джесс. Гениальная мысль. Я собиралась надеть стринги и оголить зад, но это гораздо лучше.

– Без проблем.

– Можешь надеть мои бриллиантовые гвоздики, если хочешь, – снисходит Мередит.

А вот это серьезно. Бриллиантовые сережки-гвоздики есть у всех подруг Мередит, они – как булавки женского клуба. Они не для особых случаев, девчонки носят их круглые сутки, даже на занятия спортом.

Ради разнообразия все девчонки Брайта выглядят богаче меня.

20. Стрижка II

Октябрь 1983

У меня нет подходящего платья для танцев, пусть даже на сами танцы я не попаду, но у меня осталось еще достаточно в дорожных чеках из той пачки, какую дала мне в начале учебного года Бэбс. Я решаю сходить в город и купить платье. Джейку, возможно, все равно, как я одета, а вот мне нет. Мне хочется поучаствовать в ритуале приготовления с остальными девчонками.

Я иду через кампус, пока не выхожу на единственную улочку, составляющую «городок» Кардисс. Тут есть кафе-мороженое, книжный магазин, салон загара (как ни странно), несколько семейных ресторанчиков, где подают суп с солидными ломтями хлеба, и гамбургерная. Одежду продают только в двух местах. «Миссис М.» явно рассчитан на женщин средних лет, давно не бывавших в спортзале: там повсюду монохромные брючные костюмы ярких цветов, брюки длиной три четверти и рубашки оверсайз с обвислыми бантами. Маловероятно, что его посещают преподавательницы Кардисса. Большинство училок похожи на Дидс – подтянутые от постоянных тренировок женщины, которые выглядят так, словно сами еще учатся в колледже. Чтобы найти что-то своего размера, Дидс приходится покупать себе одежду в Бостоне или заказывать по каталогу. Почему-то я даже жалею, что она не пошла со мной – как старшая сестра, например, а потом я вспоминаю про пять печеных, которые она выложила на тарелку в день моего приезда, и понимаю, что она никогда и никому не даст больше самого крайне необходимого. Жаль, что мне заранее не пришло в голову съездить в Бостон, но танцы завтра. Придется обойтись тем жалким ассортиментом, какой есть в Кардиссе.

Дверь в дверь с заведением «Миссис М.» – магазинчик под названием Wow!. Обычно я избегаю магазинов, в названиях которых есть восклицательный знак, но сегодня у меня нет выбора. В Wow! два отдела: для подростков и для взрослых. Я пробегаю глазами подростковые платья – сплошь до полу. Пышные рукава и пастельные тона – не свадебные платья, но очень к ним близко.

Я перехожу в отдел для взрослых. Перебираю платья на стойке и нахожу простое прямое черное платье длиной чуть выше колена. Здесь есть также отдел обуви, и продавщица помогает мне подобрать черные лодочки. Просто и элегантно. Мой наряд почти точная копия того, который Бэбс

надела на похороны Мака.

Рядом с кассой – стойка с бижутерией. Никакого голубино-серого жемчуга с бриллиантами, конечно, нет и в помине, но я нахожу серебряную цепочку, которая как раз подойдет к медали отца. Я все еще боюсь сделать следующий шаг и попытаться его разыскать. После инцидента с Кейпом я сомневаюсь, что в ближайшем будущем осмелюсь снова нарваться и быть отвергнутой. Что, если у моего отца есть настоящая семья, жена и сын или дочь моего возраста, и я ему не нужна? Но, может быть, лишь может быть, я – тайна, которую он скрепя сердце хранит все эти годы, потому что Бэбс так велела, но на самом деле он очень хочет, чтобы я знала. Я все еще не могу понять, зачем Бэбс держит его имя в секрете. Возможно, потому что хочет, чтобы я принадлежала ей одной? Не потому что любит меня, а потому что не хочет, чтобы я любила кого-то еще? Возможно, медаль даже не его, возможно, это просто безделушка, которую Бэбс мне сунула, чтобы я от нее отстала? Я знаю, что, если верно последнее, я буду просто раздавлена. Я помню, как часто Бэбс корежила мои мечты, обращая их в унижение, и пока не готова снова в подобное окунуться.

Хотя выбирать туфли продавщица из Wow! помогала мне практически молча, она мало чем отличается от всех существующих продавщиц, которые ведут себя так, будто знают тебя сто лет, а потому вправе высказать свое мнение. Вот эта пытается отговорить меня от покупки черного платья.

– Это для танцев? – спрашивает она.

– Да.

– У нас есть более праздничные ансамбли. Давайте помогу вам что-нибудь выбрать.

«Ансамбли?» Она что, смеется, мать ее? Я-то думала, таких словечек в разговоре уже никто не вворачивает. А еще меня выводит из себя то, что она считает, будто может давать мне советы по части моды. Не понимает, что я не хочу быть как остальные девчонки. В их платьях слишком много «чаяний», говоря ее словами, а мое самое оно.

– Спасибо, мне нравится это.

Качая головой, она пробивает. Плевать мне, что она думает. Бэбс никогда не стала бы выслушивать советы женщины, которая работает в магазине одежды. Советы какого-нибудь модельера, который шлет на заказ ей одной: Роя Хальстона, например, Эмануэля Унгаро или Билла Бласса – еще куда ни шло, но только не той, кто зарабатывает семь долларов в неделю и заворачивает покупки в обертку. Все, что покупает Бэбс, присыпают на дом в плотных защитных пакетах с вешалкой, и каждый предмет туалета отдельно упакован в пластик.

Мои платье, туфли и серебряная цепочка тянут вместе на шестьдесят долларов. Уверена, продавщица ожидает, что я буду расплачиваться кредиткой родителей. Но я даю ей двести долларов дорожными чеками. Поначалу она вообще не понимает, что это такое, и надолго над ними зависает. Готова поспорить, она никогда не ездила за границу. Я уже собираюсь объяснить ей, что они разновидность наличности, что она может позвонить в банк «Америкэн экспресс» и там спросить, но она молчит. Просто протягивает мне сдачу.

– Хороших тебе танцев! – говорит она мне вслед, точно счастлива, что смогла мне что-то подобрать. Может, у нее своих дочерей нет.

– Спасибо, – откликаясь я, точно я в таком же предвкушении, что и она.

Все вечеринки, на которых я когда-либо бывала, заканчивались скверно, но по одному моему виду этого не скажешь.

Моя следующая остановка – местный салон красоты с дурацким названием «Волосы, ждите нас!». Я решаю сделать эпиляцию бикини и какую-нибудь экстремальную стрижку. Мне хочется перебить ухоженную Мередит, пусть даже я знаю, что Джеку наплевать. Я никогда в жизни не делала эпиляцию зоны бикини. Только сопровождала на процедуру Бэбс и болтала с ней, пока косметичка-чешка срывала волосы у нее с промежности. Одно из правил Бэбс: никогда и ни за что не брей промежность. Волосы отрастут снова, к тому же жесткие – своего рода женская борода. Она бы гордилась, что я следую ее совету.

Я подхожу к тетке на ресепшен.

– Мне бы хотелось сделать эпиляцию зоны бикини и постричься.

Тетка смотрит на меня, качает головой.

– Мы эпиляций не делаем. Да и бикини в это время года мало кому нужны. Но у нас есть услуга по удалению волос пинцетом.

Пинцетом? Чтобы привести меня в порядок, потребуется по меньшей мере неделя. Наверное, надо будет этим заниматься по ночам, закончив с домашкой. Но задача по вырыванию волос луковица за луковицей кажется подавляюще огромной и болезненной.

– М-м-м, нет, спасибо. Тогда только стрижка.

– Мы могли бы подправить тебе бровки, милочка. Они чуток густоваты.

Еще деталь моей внешности, которой мне никогда не приходило в голову стыдиться. Могу себе представить воспаленные красные полосы на лбу.

– Обычно я сама их подправляю, просто чуть припозднилась.

Она качает головой, точно не готова этого спустить.

– Так вот, дорогая, уже пора.

Нет причин мило разговаривать с теткой, которая критикует мою внешность. Я же не просто так пришла к ней в салон, мне же надо решать какую-то проблему. Я улыбаюсь – обещание «я этим займусь».

– Так, значит, только стрижка? – продолжает она, довольная, что настояла на своем. – У нас особые цены для учениц Кардисса. Пятнадцать долларов.

Цена меня смущает. Ровно столько Стейси давала Джейфу на чай в «Зодиаке». Может ли быть хорошей такая дешевая стрижка? Двадцать процентов от пятнадцати это будет сколько, три доллара? А что вообще можно купить на столь скучные чаевые? Я испытываю большое искушение сказать дамочке, что я заплачу больше, словно хочу купить некую гарантию, что меня хорошо постригут, но даже я знаю, что так не делается.

– Отлично, – говорю я. – Спасибо.

– Подойди к Барб вон там в углу.

Она указывает мне на коричневое вертящееся кресло у окна. Барб низенькая, на обеих запястьях у нее браслеты, которые звякают, когда она пожимает мне руку. Усаживая меня, она говорит:

– Ну и что у нас сегодня на уме?

Это «мы» меня успокаивает, точно мы собираемся работать над совместным проектом. Я смотрю в зеркало перед собой и вижу прилепленную к нему скотчем лицензию косметолога. На лицензии печать штата Нью-Гэмпшир. Джейф свои дипломы напоказ не выставлял. Возможно, их у него не было. Интересно, она обязана вести светские разговорчики со всеми своими клиентами до и во время стрижки? Это часть кодекса парикмахеров? Своего рода клятва Гиппократа, но только для волос? Когда дело дошло до меня, Джейф таких принципов явно не придерживался.

– Я иду на танцы и хочу выглядеть по-новому, – говорю я.

Волосы у меня длинные, до середины спины, но у них нет того объема, как у Мередит. Мне хочется чем-то выделиться, не хочется походить на неудачную имитацию Мередит.

– Как насчет оттеночного шампуня и перманента?

Бэбс всегда насмехается над перманентами, говорит, что несчастные хотят курчавые кудри, а получают спутанные космы. «Если тебе нужен объем, лучше выбери горячие бигуди».

– Я думала только о стрижке. Возможно, каре.

– Ты уверена? Это довольно радикальный шаг. Как насчет того, чтобы

просто подровнять концы?

Барб что, боится, что не сумеет? Но вид ее лицензии придает мне уверенности в ее способностях.

– Нет, я уверена.

Она ведет меня к раковине и моет мне волосы: сперва дважды намыливает шампунем, который пахнет зеленым яблоком, потом наносит густой, пахнущий лимоном кондиционер.

Мы возвращаемся к ее креслу, и она стрижет. Волосы сыплются мне в глаза, но я их не закрываю, я смотрю.

Увидев меня, Холли приходит в ужас.

– Беттина! Твои волосы! Что случилось?

Она явно никогда не листала Vogue. Ее реакция подтверждает, что я приняла верное решение.

– Просто они мне надоели.

– До танцев всего день остался. Что, если Джейку не понравится? Ты уже ничего не поправишь!

– Какая разница, что подумает Джейк? Это всего лишь волосы.

– Ну... если ты уверена. А маме ты скажешь?

– А ей все равно.

Когда мы идем на обед, я высматриваю свое отражение в огромных окнах библиотеки. Вижу девушку, которая вполне могла вырасти не в Чикаго, а в Париже или даже в Нью-Йорке. Я почти такая же гламурная, как Бэбс. Может, мне все-таки следует ей позвонить и рассказать?

В столовой мы застаем Джесс и Мередит за столиком в углу. Они сидят в компании еще трех девчонок, в которых я узнаю членов команды по хоккею на траве: Серену, Лейк и Элизабет. Все они такие же красивые, как Мередит, с небольшими вариациями формы носов и губ. Не знай я Мередит, я с трудом отличила бы, кто тут кто. По тому, как они подаются к ней, как поглощенно внимают ее словам, очевидно, что она глава стаи. Мы с Холли продвигаемся вдоль стойки раздачи. Подсаживаемся к Мередит и ее cercle des amies^[16]. При виде моей новой прически Мередит поднимает бровь. Остальные словно бы не замечают, или им все равно, ведь я не одна из них. Я не в счет.

– Рисково, – говорит Мередит.

– Не слишком.

Интересно, что подумает Мередит о моем новом платье? Станет ли она его вслух высмеивать, а про себя сочтет крутым? Возможно, однажды захочет одолжить...

Я пробегаю взглядом по столовой. Кейп сидит с Лоуэллом всего в трех столиках от нас. Мередит прихорашивается ради Кейпа, садится прямее, встряхивает светлой гривкой, разбрасывая волосы по плечам. Удивительно, но он как будто смотрит на меня, и Лоуэлл тоже. Кто бы мог подумать, что парням есть дело до волос, особенно коротких! Может, они думают, что получилось уродливо. Мне плевать. От внимания Мередит не ускользнуло, что Кейп смотрит на меня. Он дуется.

Мы заканчиваем обедать, но я мешкаю, возвращаюсь за второй чашкой кофе. Я, наконец, чувствую себя достаточно уверенно, чтобы остаться в столовой одна. Прощается со мной только Холли. Ее голос выдает самую маленькую толику жалости. Готова поспорить, в Айове короткие волосы бывают только у младенцев и теток в менопаузе. Я ни в одну из этих категорий не попадаю.

Кейп и Лоуэлл еще за своим столом. Выпархивая на улицу, Мередит игнорирует Кейпа, поскольку он не встречался с ней глазами за обедом. Если он и заметил ее театральный выход, то не подает виду.

Допив кофе, я бросаю пластмассовую чашку в мусорный бак. Я еще не готова возвращаться в Брайт. Не хочу видеть стайку подружек Мередит из других общежитий. Когда я там, на лицах у них всегда чуточку оскорбленные мины, словно они ждут, когда же Мередит меня выгонит. Но, по счастью, она так никогда не делает.

Я решаю пойти выкурить сигарету у лодочного сарая. Хочу почувствовать холодок ветра с реки на шее, которую раньше скрывали волосы. Пройдя несколько шагов, я чувствую, как сзади кто-то трогает меня за локоть. Я поворачиваюсь, ожидая увидеть Джейка. Сюрприз: это Кейп.

– Ты куда направляешься?
– Покурить у лодочного сарая.

От Мередит я знаю, что Кейп считает курение отвратительной привычкой. Он никогда не подносил сигарету к губам. Поэтому такой ответ – мой способ сказать ему, мол, пусть идет своей дорогой и оставит меня в покое. Я все еще в ярости, что он пригласил Мередит на танцы.

А он на это:

– Можно с тобой?

А я:

– Конечно.

Я пожимаю плечами, но мне любопытно, с чего это он за мной увязался.

Мы идем молча, пока не доходим до скамейки у лодочного сарая. Я

выуживаю из сумки сигарету, но он меня останавливает: протягивает руку и ерошит мои короткие волосы. Я сажусь и смотрю на него снизу вверх.

– Какого черта, Кейп? – спрашиваю я.

– Я просто хотел извиниться за... ну... сама знаешь...

Этого я ему спускать не собираюсь.

– «Сама знаешь»? Что это значит?

– Что произнес имя Мередит, когда мы...

Мне так хочется, чтобы он вслух произнес название того, чем мы занимались, но хотя бы в толике сообразительности парню не откажешь.

– Ах как мило, – говорю я самым искренним тоном, на какой способна. – Но мне, пожалуй, понравилось.

– Правда? – переспрашивает он, на ходу меняя стратегию.

– Нет, не правда, Кейп, – с горечью говорю я. – Той ночью все было скверно.

– Извини. Я никогда не думал, что так все закончится.

– Чего уж там. – Я тянусь за зажигалкой.

Но не успеваю я прикурить, как он подается ко мне и мягко целует в губы. Почему? Дело в моей новой стрижке? Он просто хочет, чтобы я пришла к нему поздно ночью, чтобы он отточил свои сексуальные навыки?

Как ни приятен поцелуй, я гну свое:

– Какого черта ты делаешь? Насколько мне известно, Мередит вернулась в Брайт.

– Пожалуйста, пойми. Мы с Мередит знаем друг друга много лет. Я с ней познакомился еще совсем мальчишкой. Школа Сен-Бернард устраивает балы с ученицами школы Чейпин. Ее родители дружат с моей матерью. Мне с ней комфортно.

– Почему ты сказал ей, что ее любишь?

– Потому что думал, что люблю. Мередит была моей первой девушкой. Первой девушкой, за которой я ухаживал.

– Почему ты пригласил ее на танцы после всех гадостей, которые она про тебя говорила?

– Я не знал, кого еще пригласить.

Меня подмывает возразить: «А почему не меня?» – но это может прозвучать как крик отчаяния. Поэтому я говорю другое:

– Ты хочешь сказать, что из девятисот учеников в этой школе в голову тебе пришла только Мередит?

– Если хочешь знать правду, я пригласил бы тебя. Но я подумал, что Мер будет после этого подло с тобой обходиться. И остальные девчонки, кого я считаю интересными, уже идут с кем-то еще. И вообще они бы

отказали мне из уважения к Мередит.

– Как у тебя все продумано, – говорю я. – Но и я бы тебе отказалася. У меня уже кое-кто есть.

– Кто? – спрашивает он. Точно это невозможно. – Кто?

– Джейк Кроненберг.

Кейп никак это не комментирует. Словно до него и не дошло.

– Ну, хочешь зайти сегодня ночью?

– Уж и не знаю, – говорю я. – Не хочу злить Джейка. В конце концов, чтобы попасть к тебе в комнату, мне приходится лезть к нему в окно.

– А какое тебе дело, что он подумает?

– Сама не знаю. Но это невежливо.

– Я мог бы спуститься и открыть входную дверь Уэнтингтона, если скажешь, когда точно придешь.

– И чем мы займемся? Будем играть в слова? Мне большое сочинение завтра Дональдсону сдавать.

– Мы будем делать что захочешь, Беттина, – говорит Кейп.

21. Кейп, полночь

Октябрь 1983

После прогулки с Кейпом я иду в почтовое отделение. Я не знаю в точности зачем, просто мне надо чем-то себя занять. Сдается, послеекса и разговорчиков с Кейпом я заскучала по Бэбс. Вдруг она прислала мне еще посылку? В моем почтовом ящике что-то лежит, но не розовая квитанция. Нет, это открытка.

Достав, я осторожно держу ее обеими руками. Я ненавижу открытки. Их посылают те, кому хочется похвастаться отличным путешествием. Но эта другая. На лицевой стороне там не картинка, где голубые волны лизут девственный пляж, а рисунок углем юной девочки. Русые волосы, карие глаза. Она хорошенъкая, в том прямолинейном смысле, в каком бывают хорошенъкими только юные девочки. Никакого макияжа. Улыбка обращена не тому, кто ее рисует, а миру вообще.

Я переворачиваю открытку. Строчки написаны твердым почерком, черными чернилами. Никаких перечеркиваний, никаких описок. Оборотная сторона карточки разделена на две части: на одной половине мой адрес, на второй – текст. Я его читаю.

«Дорогая Беттина,

Я нарисовал это сразу после того, как впервые увидел тебя в Чикаго, но Бэбс сказала прислать тебе ее, когда станешь постарше. Я никогда не забуду тот вечер. Твой танец был таким талантливым. Ты была такой храброй, что вышла перед гостями. Мне очень жаль, что все именно так закончилось. Я всегда буду жалеть, что как твой кузен не повез тебя в больницу и что после не связался с тобой раньше. С Бэбс непросто, но она правда тебя любит. Напиши, если хочешь.

С любовью.

Лукас».

Меня охватывает странное чувство. Мне даже хочется порвать и выбросить открытку. Он – взрослый мужчина, который слушается Бэбс, когда посыпать мне почту, а когда нет. И еще его слова: «Пошли танцевать под Дучина и поливать всех розовым шампанским», – они тогда ушли и

оставили меня в крови на кухне. Я снова переворачиваю открытку. Внимательно всматриваюсь в портрет. Я несколько минут смотрю на девочку и только потом до меня доходит: это же я.

Я возвращаюсь в Брайт-хаус. Не хочу идти к другим девчонкам в комнату Мередит, не хочу разговаривать про грядущие танцы. Конечно, я не могу им рассказать, что сегодня ночью увижу с Кейпом, а им никогда не понять истинной подоплеки моих отношений с Джейком.

Оставшееся у меня время я использую для того, чтобы закончить очередное задание Дональдсона. Устроившись за столом, я пишу про «отцовский завтрак» в Чикагской Начальной. Не лучшая история, какая есть в моем репертуаре, я бы сказала, чуток пресная, но я знаю, что слушатели посмеются над Уэндолин Хендерсон. А еще она не вызовет встревоженных взглядов Дональдсона. И меня не пошлют из-за нее к школьному психологу, как девушку, которая написала про то, как любит объедаться батончиками «Твинкиз», а после вызывать у себя рвоту. Моих одноклассников, возможно, ужаснет диалог про «у-Беттины-нету-папы», ну и что с того? К этой ране я как будто привыкла.

Я забираюсь под одеяло, но слишком возбуждена, чтобы заснуть. В половине двенадцатого Холли уже крепко спит, и в нашей комнате черным-черно. Включив настольную лампу, я набрасываю на нее шарф от «Эрме», чтобы приглушить свет. Вместо обычных своих черных брюк и футболки от «Агнес Б.» я решаю надеть мое новое черное платье и лодочки, а к ним — медаль отца на цепочке, точно мы с Кейпом взаправду идем на танцы.

На щеки я наношу немного румян, на губы — толику помады. Когда я бросаю взгляд в зеркало, оттуда на меня смотрит взаправду привлекательная девушка. Точно Лукас своим рисунком проявил истинные мои черты, как ластиком стер неприметную серенькую мышку, которую всегда видела Бэбс.

Я взбиваю две подушки и накрываю их одеялом, чтобы моя кровать выглядела так, будто в ней кто-то спит, — на случай, если Дидс изменит своим привычкам и зайдет нас проводить. Многие ученики тайком сбегают из общежитий в ночь перед танцами — полные предвкушений и необходимости выпустить пар.

Кампус сияет фонарями, так что дорожку разглядеть нетрудно. Пять минут до полуночи. Я ускоряю шаг и к общежитию Кейпа подхожу ровно в полночь. Я тихонько стучу во входную дверь, и, конечно же, он мне открывает.

Я несколько обескуражена, что на Кейпе пижама: фланелевые штаны в

красную клетку и белая футболка. Точно он только выбрался из постели. Теперь мое платье и лодочки выглядят нелепо. Как всегда, я слишком стараюсь. Слава богу, Бэбс вбила мне, что колготки – это решительно средний класс и что никогда не следует их надевать, разве только на самые официальные церемонии. Когда я снимаю лодочки и цепляю их за каблуки пальцами левой руки, то оказываюсь босиком, как Кейп. Не хочу цокать по ступенькам лестницы в его комнату.

Когда мы переступаем порог, Кейп говорит:

– Ты выглядишь красавицей, Беттина.

Он тянется поцеловать меня – мягко и нежно, как у лодочного сарая, но я отстраняюсь.

– Это не из мести Мередит?

– Конечно нет, – говорит он, точно я из ума выжила, раз спрашиваю такое.

А вот я вдруг далеко не уверена. Возможно, он все еще девственник и хочет заняться сексом перед танцами, чтобы не опростоволоситься перед Мередит.

Внезапно происходящее вызывает у меня ярость. Но чего я ожидала? Пиджак и корзинку для пикника ради полночной трапезы?

– Ты правда хочешь, чтобы я тут была? – В моем голосе определенно слышится стервозность.

– Конечно, – неуверенно отвечает он. Все идет не так, как он планировал.

– Докажи.

– Как? – спрашивает он. – Что сможет тебя убедить?

Я сама не знаю. Потом я вижу у шкафа его мокасины с монетками. Мне приходит в голову последний, самый страшный тест.

– Отдай мне свои пенни, – бросаю я ему вызов.

– Что? – удивленно переспрашивает он, недоумевая, зачем мне его мелочь.

– Те, что у тебя в мокасинах.

– Я не могу.

– Почему?

– Это моего отца. Я никогда не доставал их из обуви.

– А показать хотя бы можешь? – спрашиваю я равнодушно, словно уже потеряла к ним интерес. Однако я знаю, что без них я из его комнаты не уйду.

Кейп несколько минут возится с мокасинами, но все-таки достает монетки. Он возвращается с ними к кровати, где я сижу в моем черном

коротком платье. Протягивает их мне. Это действительно те самые коллекционные монетки 1909 года. Я сжимаю их в кулаке так, как мне хотелось сделать каждый раз, когда я видела, что Мак носит их в мокасинах.

– Я их принесу тебе в следующий раз, когда мы увидимся, – решительно говорю я.

– А тебе не кажется, что и ты тогда должна мне дать что-то равноценное?

Думаю, он ожидает, что у меня нет ничего такого, что с ними сравнилось бы, что он выиграл в этой игре и что я буду вынуждена отдать монетки. Я провожу пальцами по медали отца на цепочке, ее не видно, она висит у меня между грудей. Потянув за цепочку, я вытаскиваю медаль, расстегиваю застежку и протягиваю серебряную штуковину Кейпу.

– Что это?

– Это принадлежало моему отцу. Моя мать дала ее мне пару лет назад. Как тебе известно, я не знаю, кто мой отец. Моя мать отказывается мне говорить.

– Почему бы тебе самой не узнать?

– Как?

– Вот смотри, прямо тут, на медали. Это девиз на латыни, в переводе будет: «Верой и мужеством», а грифон – символ школы Райдер. Мы играем с их командой в сквош.

Я понятия не имела, что Кейп так силен в латыни. Райдер – маленький гуманитарный колледж одного уровня с Гроутоном. Значит, мой отец был не только одаренным, но и из состоятельной семьи. Не швейцар в здании, где расположен наш пентхаус (такой вариант мне тоже приходил в голову).

– Ты могла бы позвонить туда и попросить посмотреть, кто в том году получил премию за сочинение на латыни. Так и узнаешь.

У меня было много надежд на эту ночь, но я и вообразить не могла, что Кейп подбросит мне идею, как найти отца. И как просто это будет сделать.

– Честный обмен? – спрашиваю я Кейпа.

Он говорит, мол, да, при условии, что я ни при каких обстоятельствах не потеряю монетки. Их надо вернуть любой ценой.

– Конечно, медаль тоже, – говорю я.

Но теперь, когда Кейп расшифровал надпись, медаль не имеет для меня ценности. Просто любопытная побрякушка.

После этого обмена я наконец верю, что для Кейпа все серьезно. Он правда хочет, чтобы я была тут. Он готов отдать пенни – во всяком случае

на время – за пару часов со мной. Он забирает их у меня и кладет вместе с медалью на старый дорожный сундук, который служит ему прикроватной тумбочкой. Возвращается к кровати и садится рядом со мной. Он тянется меня поцеловать, на сей раз настойчивей. Опять гладит мои короткие волосы. Потом отстраняется и берет мое лицо в ладони. После минутного созерцания он очень тихо произносит:

– Меня так чертовски к тебе тянет, Беттина.

Я уже осталась только в лифчике и нижнем белье, но впервые в жизни я не смущена. Мое тело не идеально худое и даже не подтянутое, как у Мередит после хоккея на траве, но Кейпу как будто все равно. Ему требуется какое-то время, чтобы расстегнуть на мне лифчик, но, на мой взгляд, его сосредоточенность на этом занятии даже привлекательна. Он берет в рот сначала одну, потом другую мою грудь, «моя я» намокаает. Я почти беспокоюсь, что кончу еще до того, как мы дойдем до самого главного.

Я стягиваю с него футболку и пижамные штаны. Я чувствую его напряженный пенис: он так тверд в предвкушении, что почти больно, когда он вжимается мне в бедро. Я ничего так не хочу, как взять его член в рот и сосать его так сильно, чтобы Кейп потерял сознание. Он снимает покрывало с кровати.

Но я притягиваю его к себе, ввожу в себя его член. Я успеваю заметить, что конец уже скользок в предвкушении. Я начинаю двигать бедрами, но Кейп медлит, останавливается.

– Погоди, – говорит он, – дай я надену презерватив.

Я не хочу сбиваться с ритма, а потому говорю:

– Просто выйдешь и кончишь мне на живот.

Презерватив наводит на мысль о Джейке, чья ловкость с надеванием как будто только подчеркивает его опыт с девушками помимо меня, его опытность по части секса как такового.

Кейп теперь дышит так тяжело, что он уже не в состоянии пререкаться из-за презерватива.

– Ладно, – сипит он между выдохами.

Всего две минуты, а он уже готов кончить. Тут раздается стук в дверь.

– Вот черт, Лоуэлл! – выдавливает Кейп, хотя практически не способен говорить.

– Минутку! – кричу я.

Я чувствую, как пенис Кейпа во мне скучоживается, ритм потерян. Скатившись с меня, Кейп натягивает покрывало нам до подбородка. Мне хочется расплакаться, потому что Кейп не дошел до края, не кончил во мне,

а еще рассмеяться, потому что я знаю, что Лоуэлл с нас обоих не слезет, будет без конца дразнить и подтрунивать. Ведь никак не скрыть, чем мы тут занимались.

Раздается скрежет поворачиваемого в замочной скважине ключа, и я слышу, как низкий голос произносит:

— Я отпираю дверь.

Преподавателям полагается произносить эти слова, открывая запертую дверь в комнату, но они никогда не дают тебе достаточно времени бросить любое незаконное дело, каким ты занят.

Дверь открывается, и на пороге возникает мистер Карлсон. Глава общежития Кейпа.

— Вот черт, — произносит едва оправившийся от перепихона Кейп.

И мы оба понимаем, что мы крепко, очень крепко влипли.

22. Пойманы на горячем

Октябрь 1983

Пока я одеваюсь, мистер Карлсон ждет в коридоре, за что я ему благодарна. Я слышала истории про учителей, которые стоят и смотрят, как ты неловко натягиваешь на себя шмотки. Я надеваю платье и лодочки. Пока Кейп выуживает из-под кровати пижамные штаны, я незаметно хватаю с сундука монетки.

Мистер Карлсон не произносит ни слова, пока я иду за ним вниз по ступеням Уэнтингтона. Молчит он и всю дорогу до Брайта.

Когда мы поднимаемся на крыльце, он нажимает кнопку звонка. А я так надеялась, что у него есть ключи и что я смогу прошмыгнуть к себе незамеченной. Но нет. Встреча лицом к лицу с Дицс в безбожные два часа ночи – часть моего наказания. Она появляется быстро и нас впускает. Ее комната на первом этаже. На ней шорты с надписью «ДАРТМУР» и огромных размеров зеленая футболка.

Она видит меня с Карлсоном, но, учитывая, какой поздний уже час, ей требуется пара минут, чтобы окончательно проснуться и понять, что случилось. Карлсон немного выжидает, потом многозначительно произносит:

– Я застал Беттину в комнате одного моего студента, они занимались сексом. – И легонько толкает меня в спину.

– Спасиочки, Майк, – говорит Дицс и берет меня за руку повыше локтя. Сдавливает чуть сильней, чем надо.

Интересно, жалеет ли она, что не донесла на меня, когда в мой первый день по прибытии застукала с сигаретой в ванной. Мы проходим в гостиную.

– Дело нешуточное, Беттина, – говорит она холодным-прехолодным тоном. – До заседания дисциплинарной комиссии факультета, а оно состоится через несколько дней, ты на испытательном сроке.

Она отводит меня наверх в мою комнату. Я понимаю, что я уже больше не ученица Кардисса на хорошем счету. Я – в своего рода чистилище, пограничном пространстве между отчислением и восстановлением в правах. Я встревожена, но все еще пребываю в счастливом угаре от того, что переспала с Кейпом.

Очнувшись у себя в комнате, я сбрасываю платье и лодочки и оставляю их валяться у кровати. Теперь не будет вылазки на карьер с

Джейком. Интересно, он придет в ярость и перестанет со мной разговаривать или ему будет все равно? Так или иначе, между нами все кончено. Я окончательно и бесповоротно разорвала наше соглашение.

Я переодеваюсь в футболку с логотипом Кардисса, в которой сплю. Лежа в кровати, я перебираю события вечера и их возможные последствия. Нас с Кейпом, возможно, отчислят, но в каком-то смысле и Мередит тоже будет наказана. Я воображаю себе, как она сейчас крепко спит, не подозревая, что я не только испоганила ей школьные танцы, но и трахнула ее бойфренда-девственника. Интересно, она его простит? Сомневаюсь, особенно если учесть, что его застали со мной, с девчонкой, которая и в подметки ей не годится. Я начинаю бояться завтрашнего дня. Надо бы самой ей сказать, но сомневаюсь, что у меня хватит духу.

Я жду, когда рассветет, чтобы выйти покурить. Знаю, это не самая удачная мысль, но какого черта.

23. Признание

Октябрь 1983

В общежитие я возвращаюсь около семи, выкурив почти половину пачки. Я думала мои соседки уже ушли на завтрак, но их голоса еще раздаются из комнаты Мередит. Услышав мои шаги в коридоре, они кричат, чтобы я к ним зашла.

— Беттина, — окликает Мередит. — Иди сюда. Мне нужно тебе кое-что показать. Пока тебя не было, мы немного попрактиковались в приготовлениях. Иногда просто необходимо нарушать правила — ради высшего блага. Думаю, сегодня можно пропустить завтрак, а?

Интересно, что она подумает о моем «высшем благе»?

— Ты только посмотри, — продолжает она.

Мередит одета, но босиком. Она разводит пальцы ног, и я вижу, что ногти на ногах у нее выкрашены ярко-белым, а на ногтях больших пальцев — бордовая буква «К».

— Что скажешь? Это сюрприз для Кейпа. Мы, возможно, отправимся в душ.

Они прекрасны. И в иных обстоятельствах я бы так и сказала. По пути в общежитие я решила было, пусть Кейп сообщает дурные новости, но теперь я понимаю, что придется мне. Я просто не могу дать ей продолжать в таком духе.

— У меня дурные новости, Мередит. Ты не могла бы закрыть дверь?

Она явно в замешательстве, но делает, как я прошу.

— Возможно, тебе следует закурить, — говорю я, дурацки стараясь быть добре, хотя это ведь я ее обидела. Я сажусь на кровать.

— Нет, спасибо. Ты же знаешь, как Кейп ненавидит курение.

— Э... танцев не будет.

— Ты о чем? Их отменили?

— Нет, но...

Это будет потрудней, чем я думала. Холли и Джесс смотрят на меня во все глаза, ждут продолжения и, без сомнения, недоумеваю, что станется с выходными платьями, уже висящими в шкафах.

— Ну, э... — Я застяла, не могу найти слов.

— Выкладывай уже, Беттина. Ты начинаешь действовать мне на нервы.

В этом — вся Мередит, и это придает мне смелости ей рассказать. Опустить ее до моего уровня. Может, даже уколоть до крови.

– Прошлой ночью меня застукали в комнате Кейпа, и мы с ним оба на испытательном сроке. Мы не можем пойти на...

– Я знаю, черт побери, что такое испытательный срок. А что вообще ты делала в его комнате? Преследуешь его?

– Нет.

– Ну тогда что? Я знаю, что ты в первый же день в него втюрилась. Ты так пялишься на него в столовой. Он, наверное, в ужасе от происходящего.

«Давай же! Пли!» – думаю я.

– Кейп сам меня позвал.

При всей моей браваде я понимаю, что захожу на опасную территорию.

Мне следовало бы подластиться к Мередит, ведь она в студенческом судебном совете. Теперь пощады от нее не жди. Она меня распнет.

– Он тебя пригласил? – переспрашивает Мередит и умолкает. – Я тебе не верю, мать твою.

– У меня есть пенни, чтобы это доказать.

– Какие пенни?

– Из его обуви.

Я спала с монетками, сжимая в руке, даже брала с собой утром, когда ходила к лодочному сараю. Я продолжаю:

– Они принадлежали его отцу, и он дал их мне, чтобы я ему поверила.

– Ха! – рявкает Мередит, старательно подыскивая иной сценарий, который бы все объяснил. – Наверное, ты пробралась к нему в комнату, чтобы их украсть, а он тебя застукал, и вот тогда вас и поймали.

Даже самой Мередит такая версия кажется маловероятной. Она опускает взгляд на свои ноги, возможно, ей хочется засунуть большие пальцы в рот и обгрызть с ногтей лак и буквы «К».

– Зачем ему понадобилось, чтобы ты ему поверила?

Вот она – точка без возврата.

– Потому что, – медленно говорю я, – он хотел заняться со мной сексом.

– И занялся? – спрашивает Мередит не в силах остановиться и не выяснить подробности.

– Да.

– С чего вдруг ему с тобой трахаться? Ты же даже не хорошенъкая. Ты, наверное, его подстерегла. Ах ты жалкая потаскушка!

– Я просто хотела поставить тебя в известность, чтобы ты была готова, когда об этом заговорят в кампусе.

– Убирайся из моей комнаты, дура!

Если Мередит склонна закатывать истерики, сейчас самое время.

Я встаю уходить, Мередит запускает в мою сторону учебником математики. Он едва-едва не попадает мне в голову.

В ближайшие дни мне предстоит сделать еще одно признание. Надеюсь, оно пройдет лучше, чем это.

24. Тот же день

Октябрь 1983

Я испытываю некоторое облегчение, что сама рассказала Мередит о событиях вчерашней ночи. Она, наверное, воображает, что все произошло быстро и неловко. В одежде, мое платье измято. Несколько поцелуев и быстрый перепихон. В сущности, так оно и было. Возможно, со временем она меня простит.

Завтракать я иду одна, остальные девчонки все-таки решили пропустить. Им потребуется немало времени, чтобы обсудить, пережевать и проглотить то, что я им сообщила. Но, учитывая мой статус, я не могу себе позволить снова нарушать правила. После утренней ссоры у меня нет аппетита, и я до смерти боюсь идти в столовую одна.

Я наливаю себе кофе, осматриваюсь, где бы сесть. Кейп тут. Сидит с Лоуэллом и несколькими парнями из Уэнтингтона. Выглядит немного подавленным, но довольно спокоен: ест вафли, пьет апельсиновый сок. Я не осмеливаюсь подсесть к ним. Все ученики на нас смотрят. Потом я вижу Джейка, он, как всегда, сидит один, читает «Нью-Йорк таймс». Может, он еще не знает? Или если знает, может, нам следует официально разорвать наши отношения? Откуда мне знать, как это делается?

– Привет, Джейк, – нерешительно говорю я.

– Садись, – отвечает он.

Я испытываю облегчение, что в его тоне нет ни тени горечи.

– Я разминулась с тобой сегодня у лодочного сарая, – рискую сказать я. Пока все нормально. – Чудесное было утро.

– Послушай, Беттина, любой веселой болтовне я предпочитаю честность. – Теперь в его голос закрадываются резкие нотки.

– Значит, ты слышал, – тихонько отвечаю я.

– Я хочу услышать от тебя.

– Прошлой ночью меня застали в комнате Кейпа, и меня ожидает дисциплинарная комиссия.

– И... вы... – продолжает Джейк.

– Занимались сексом.

– Поверить не могу, что ты занималась сексом с таким слоняком, как Кейп.

– Все не так просто. – Я отпиваю кофе. – У нас... долгие...

– Да мне какое дело, – обрывает он, теперь в его тоне сквозит скука.

Я почти потрясена, что громкой ссоры не будет.

– Можно я тут посижу и допью кофе?

– Конечно. Хоть упейся.

Он складывает свою газету, хватает поднос и уходит.

Теперь я остаюсь за столом одна – как он всегда сидит один, но у меня нет его уверенности в себе, чтобы расслабленно допить кофе.

Около шести вечера я сижу на своей кровати. В самой атмосфере кампуса что-то переменилось, ведь во всех общежитиях девчонки готовятся к танцам.

Я смотрю, как Холли сушит феном волосы, накладывает тени для век (цвета голубой ели, какие были когда-то у Стейси) и надевает свое расфуфыренное платьишко. Разумеется, она в «команде Мередит», поэтому делает вид, что меня вообще тут нет. По пути в туалет я прохожу мимо комнаты Мередит и Джесс и с удивлением обнаруживаю, что Мередит тоже одевается. У меня большое искушение зайти и напомнить ей, что Кейп на танцы не пойдет, но она, наверное, и сама знает.

Когда я возвращаюсь, Холли уже нет, надо полагать, она спустилась в гостиную внизу, чтобы Неду не пришлось идти за ней наверх.

И тут я слышу, как знакомый голос кричит:

– Эй, Мередит, ты готова?

Лоуэлл!

Она кричит в ответ:

– Иду, милый!

Лоуэлл? Как Мередит это провернула? Он же наверняка пригласил другую. А теперь он объявился в Брайте и ждет Мередит, точно он – следующая песня в микшированной программе. Может, Кейп его упросил или, может, Лоуэлл с самого начала был в нее влюблен. Может, он был просто вежлив со мной, потому что я живу в ее общежитии. Но, как и Кейп, он – красивый парень, и Мередит не пострадает от того, что я переспала с Кейпом. Я ей вечер не испортила.

Когда все уходят, я достаю из ящика с нижним бельем пенни, провожу несколько раз указательным пальцем по аверсам. Интересно, где сейчас Кейп?

Я вспоминаю нашу с ним ночь. «Моя я» начинает намокать. Встав, я запираю дверь. Согласно уставу, тем, кто на испытательном сроке, дверь полагается держать открытой, но я не рискую снова пойти в душ, однако мне просто необходим кайф. В общежитии никого, но Дидс может вернуться, проверить, чем я занимаюсь. Устав воспрещает мастурбацию? Я

все равно ею займусь. Совсем как в детстве. Это снимает тревожное состояние. Я ложусь на кровать, стягиваю штаны и трусы – на мне все еще белье с прошлой ночи. Теперь – это сувенир. Как и пенни.

Мне хочется почувствовать, что Кейп тут, рядом со мной, я прикладываю пенни к «моей я», завожу их в себя – достаточно глубоко, чтобы почувствовать их внутри, но не настолько, что не смогу достать их, когда закончу.

Я не стану мыть их перед тем, как вернуть. Словно мы снова занимались сексом.

После я отпираю дверь и проваливаюсь в глубокий сон.

25. Телефонный звонок

Октябрь 1983

Восемь часов вечера. Из сна меня вырывает крик Дидс:

– Беттина, к телефону!

Я думала, во время испытательного срока нельзя разговаривать по телефону. Очевидно, можно. Я надеюсь, это Кейп звонит из Уэнтингтона, чтобы посетовать на наше заточение. На то, что мы пропустили танцы.

Телефонный аппарат в Брайте – желтый, с вертящимся диском, он стоит на столике в гостиной возле дивана. Выглядит устаревшим, сущая рухлядь, какую покупают на распродаже имущества умершего. Таким могла бы пользоваться старушка, чтобы звонить семье или выслушивать просьбы о печенье или вязанных крючком одеяльцах для благотворительных распродаж.

Поднеся трубку к уху, я выдавливаю:

– Алло?

– Для паршивки, которая умудрилась на хер испоганить себе учебу в Кардиссе, голос у тебя весьма жизнерадостный.

Бэбс...

– Я не... Нет, Бэбс, я... – выдавливаю я в ответ. Я не слышала ее голоса уже пять месяцев.

– Ну, так позволь тебе сказать, я очень на тебя зла. Во-первых, тебя поймали, во-вторых, у тебя не достало смелости самой мне сообщить. Я плачу чертову кучу денег, чтобы ты училась в этой школе, а тебе даже не хватило вежливости снять трубку и рассказать мне, что происходит.

– Извини, Бэбс, – тихонько говорю я.

– Дело не в извинениях. Я хочу, чтобы ты научилась отвечать за свои поступки. Мне звонит какой-то, мать его, декан и просто изумлен, обнаружив, что я узнаю последней. К тому же с Хейлером Морсом! Смахивает на жалкий крик о помощи. Хочешь моего внимания? Ну так ты его получила. Но я не собираюсь обнимать тебя и поливать слезами и к психотерапевту с тобой не пойду.

– Все было не так, Бэбс. Мне нравится Хейлер. Или Кейп, как его все называют.

– О'кей, пусть будет Кейп. Я не против, что ты с ним трахалась. Я давно ждала этого дня, когда ты наконец займешься сексом. Но мне и в голову не приходило, что ты будешь так глупа, что попадаешься.

– Бэбс, – снова пробую я. – Мне правда очень жаль.

– Не сработает, детка. И это еще не все, самое худшее – что мне полагается присутствовать на гребаном заседании дисциплинарной комиссии. А у меня свои дела есть. И мне, вероятно, придется сидеть с Мэгс и строить из себя невесть что, пока она будет делать вид, что вообще не знает, кто я такая. Кейп про Мака знает?

– Нет, – отвечаю я.

– Но если его мать такая трусиха, что ему не рассказала, это сделаю я.

– Пожалуйста, не надо.

– Полная откровенность, – продолжает она. – Нет причин избавлять твоего долбаного принца от грязных подробностей. Может, даже научится чему-нибудь.

Хотя вначале я сомневалась, стоит ли рассказывать ему про роман наших родителей, теперь у меня нет выбора.

– Значит, увидимся в среду, – говорю я, тон у меня теперь скорее удрученный, чем жизнерадостный. – Ты остановишься в «Кардисс-инн»?

– Я в пансионах не останавливаюсь. Там вечно заставляют тебя общаться с другими постояльцами. Никакого обслуживания в номерах, омерзительный завтрак в затхлой общей столовой, всякие там свежеиспеченные кексы, масло в тюбиках и банки повидла, в которых застряла ложка. Гадкий кофе и нельзя курить. Я остановлюсь в «Ритце» и найму лимузин, чтобы отвез меня из Бостона в кампус.

– О’кей, – говорю я. – Спасибо.

– Не благодари меня. Это ты напортачила, и я приеду не для того, чтобы за тобой подтирать.

Она бросает трубку. Я стою и слушаю долгие гудки, прокручивая в голове наш разговор. Как ни скверно он прошел, у меня возникло престранное впечатление – впечатление, что Бэбс меня любит. С тех самых пор как отвесила мне пару оплеух на «Похмельной жрачке в круизе», она не давала себе воли и не злилась на меня вот так. Она действительно собирается бросить свои дела и приехать в Кардисс. Конечно, она не станет разыгрывать преданную мать, не заночует в «Кардисс-инн», чтобы быть поближе к моему общежитию, чтобы иметь возможность за каких-то пять минут добежать до кампуса и меня утешить. Но она все-таки приедет. А это чего-то стоит.

26. Разговорчик

Октябрь 1983

Следующий день – воскресенье. По субботам у нас занятия только до середины дня, поэтому воскресенье – единственный день недели, когда по расписанию ничего нет. Мы можем спать допоздна, можем играть на лужайке в тарелочки, можем даже не ходить на завтраки и обеды. По воскресеньям также полагается нагонять домашние задания и – для большинства учеников – делать еженедельный телефонный звонок домой. После перепалки с Бэбс я не склонна снова разговаривать с ней, пока она не приедет на «суд», как я его теперь называю.

Пусть даже пока ничего не произошло, мне все равно тревожно и неуютно.

Меня еще не вышибли, но всякий раз, когда я выхожу из общежития, у меня такое чувство, будто я на чужой территории. А кроме того – поверить не могу, – мы с Кейпом не поговорили о событиях той ночи. В глубине души я, наверное, верила, что он меня разыщет, но, как всегда, именно мне приходится гнаться за желаемым. Нет, я не спешу с ним увидеться. Когда это произойдет, мне придется рассказать ему про Мака, не то его исподтишка огорошит этой информацией Бэбс.

Я иду в столовую на ланч, отмечаю, где сидят Кейп и Лоуэлл. Я сижу за столом, одна. Пью мой кофе, ем два куска белого тоста с маслом.

Потом бросаю недоеденное в мусорный бак и подхожу к их столу.

– Привет, Беттина, – говорит Кейп дружелюбно, но осторожно, словно боится, что я сейчас предложу заняться сексом прямо в столовой или по меньшей мере устрою сцену.

– Ну... – тяну я, поскольку оба на меня пялятся. – Я хотела спросить, не можем ли мы пройтись?

Он медлит, потом:

– Мне бы очень хотелось, но я не хочу, чтобы учителя нас увидели и решили, что мы делаем это постоянно. Что мы не выказываем раскаяния.

– Мы могли бы встретиться у лодочного сарая.

– Отлично, – говорит он. – Ты иди первой, а я тебя там встречу через двадцать минут.

Учебный год начался недавно, и мы с Кейпом первые, кто попался. Нет, конечно, мы не единственные, кто занимается чем-то противозаконным, просто остальные осторожнее. Пока я иду к реке,

ученики обходят меня стороной, точно боятся, что могут заразиться тем, что постигло нас с Кейпом. Мне грустно. Любой, кто сейчас меня избегает, мог бы быть моим другом, а я сосредоточилась на том, чтобы завоевать Мередит.

Я сажусь на скамейку и жду.

Кейп приходит минут через двадцать, садится со мной рядом.

– Полагаю, ты хочешь обсудить стратегию.

Удивленная его уверенностью в том, что таковы мои намерения, я отвечаю:

– Да.

– К твоему сведению, отчислять учащихся – скорее искусство, чем наука. Комиссия принимает во внимание уйму вещей, причем таких, которые не имеют ничего общего с самим нарушением. Одному ученику позволяют остаться, а другого просят уйти, даже если оба совершили одно и то же.

– И как это работает? – спрашиваю я, ошарашенная новой для меня информацией.

– Ну, для начала они рассматривают, «наследственный» ты или нет. Мой отец учился в Кардиссе. А твой?

– Дед. Это считается?

– Похуже, чем отец, но тоже сойдет. Затем фактор денег. Они не любят отчислять тех, у кого богатые предки. Моя семья состоятельная, но не богатая. Моя мама, по сути, живет на страховку отца, и у нее есть кое-какие семейные деньги. А у тебя как?

– Моя мама – «шоколадная наследница». – Я морщусь, что это произнесла, но разговор как будто этого требует.

– Как в «Шоколад Баллентайн»?

– Да.

– Благотворительностью занимается?

– Только что подарила миллион долларов «Школе мисс Портер»^[17], и там построили новую столовую.

Зачем рассказывать Кейпу, какая в этом кроется ирония, учитывая, как Бэбс ненавидит еду.

– Отлично, отлично. Глава отдела развития прекрасно знает, что творится в других школах и, несомненно, сообщит остальным преподавателям. Идем дальше. У тебя в чем-нибудь большие успехи есть? Есть что-нибудь такое, чего преподавателям не хотелось бы терять?

– Э... французский и английская литература, но это вроде все.

– От учебных предметов проку мало. Это должны быть спорт или

музыка. Например, не хочу хвалиться, но тренер по лакроссу будет драться, чтобы я остался.

– А, понятно. – Жаль, что у меня нет внеучебных увлечений, помимо курения и ловли кайфа.

– Значит, у нас обоих есть что-то, из-за чего нас трудно будет отчислить. Твои деньги и то, что я «наследственный» и из-за лакrossа.

– А нас не захотят наказать для острактики?

– Из всех нарушений – секс не самое худшее. Хуже всего обман на экзаменах и преследование других учащихся, за ними идут наркотики и алкоголь. Проблема с сексом в том, что девчонка может забеременеть, а ответственность возложат на школу.

Я вспоминаю тот факт, что мы обошлились без презерватива. Куда бы Кейп его прятал, когда нас поймали? Ему пришлось бы сдать его как улику?

– Тебе все понятно? Думаю, наши дела не так уж плохи.

– Да, – рассеянно отвечаю я. Почему-то зная, что они ой как плохи. – Послушай, Кейп, – начинаю я, – я должна тебе кое-что рассказать. – Я тушу одну сигарету, закуриваю другую.

– Что? – спрашивает он, чуточку удивленный, что я хочу еще что-то обсудить, когда он только что объяснил, что расклад очень даже в нашу пользу.

Я медлю, понимая, что мое признание, возможно, самая неудачная «стратегия», но я не могу допустить, чтобы про Мака рассказывала Бэбс.

– Я была не вполне с тобой честна. Моя мать знала твоего отца и помимо вечеринок. Он довольно часто ее навещал.

Многозначительная пауза, потом он спрашивает:

– И что значит «навещал»?

Черт. Вот сейчас...

– У них был роман. Он продолжался около полугода. Мне очень жаль.

– Откуда ты знаешь? – спрашивает он так, словно его интересуют источники, подлинные документы, словно я написала курсовую с хлипкими аргументами и сомнительными сносками.

Я решаю избавить Кейпа от подробностей того, как сидела на лестнице и слушала, как Бэбс с Маком занимаются сексом, как позже Бэбс рассказывала мне все то, чего я не могла видеть или слышать.

– Я видела его обувь в коридоре поздно ночью.

Кейп целую минуту молчит, потом хрустит пальцами. У него нет сигареты, чтобы снять напряжение.

– А... тогда это объясняет долбаные пенни. Кстати, я хочу получить их назад. Почему ты мне, черт побери, раньше не сказала? Я бы ни за что с

тобой не переспал. Моя мама про эти визиты знает?

– Да. Это было практически общеизвестно.

– Господи Иисусе, Беттина. Подумай только, каково было моей маме, когда она узнала, что из всех девушек в Кардиссе я попался с тобой! Она плакала, когда я с ней вчера разговаривал, а она никогда не плачет. На самом деле я только раз видел, чтобы она плакала, – когда мы возвращались с похорон отца. Зачем ты сейчас все это вытащила? Хочешь, чтобы я тебя возненавидел?

– Это не моя вина, Кейп. – Я не знаю, как ему объяснить, что, в отличие от его матери, Бэбс поступает, как ей взбредет в голову.

– Может, и нет, но все равно ты была там все те ночи, когда моя мама не спала, дожидалась его. И в меня ты вцепилась, как последняя извращенка, словно та давняя история тебя заводит.

– Кейп! Когда все это случилось, мне было лет одиннадцать. И я любила твоего отца. Он был ко мне добр.

– Ах, как мило! Что ж, я рад, что он хотя бы к кому-то был добр. Потому что меня он практически игнорировал. Его никогда не было рядом, а если и был, то не обращал внимания.

Я слышу ненависть в его голосе. Начинаю плакать.

– Я не собираюсь тебя жалеть, Беттина, если ты жалости хочешь.

Я ничего не могу с собой поделать. Слезы все льются и льются, пророчишают дорожки по моему лицу.

– Тебе правда так надо меня ненавидеть? Я не хотела... я не хотела про это заговаривать. Я просто подумала, что, учитывая обстоятельства, тебе надо знать.

– И чего ты от меня хочешь?

– Не знаю. Чтобы ты сказал, что это не моя вина? – рисую я. – Чтобы простил, что не рассказала раньше?

– А вот этого не будет, – отвечает он.

Он старается, чтобы это прозвучало подло, но я знаю, что ему тоже хочется плакать. Он встает, отходит на несколько шагов, потом поворачивается, к нему уже вернулось самообладание:

– Ищи и в этом хорошее: ты всегда можешь написать про это рассказ.

27. Понедельник

Октябрь 1983

До «суда» три дня. В кампусе я приобрела статус своего рода «знаменитости». Всем не терпится узнать, каковы будут последствия нашего проступка. Нас отчислят или нам позволят остаться? Проступок особенно пикантный, поскольку речь идет о сексе. Большинство учеников школы слишком поглощены учебой, чтобы потерять невинность.

Мередит все еще в ярости, и остальные девчонки Брайта следуют ее примеру. Они больше не отпускают гадких замечаний, они попросту меня игнорируют. Холли это дается нелегко, потому что она взаправду милый и добрый человек. Не может заставить себя рассказать родителям о случившемся с соседкой по комнате, у которой вроде бы были такие же, как у ее семьи, ценности. Воображаю, как она говорит в телефонную трубку: «Да, все отлично. Мы с Беттиной прекрасно ладим».

Но и ее остатки доброжелательности развеиваются как дым, когда до нее доходит, что я тут не бедная ученица по гранту, как она сама, а дочь Бэбс Баллентайн, «шоколадной наследницы». Я в родстве с едой, как они изначально и думали.

Холли узнает это от одной ученицы старших курсов из Чикаго, которая позвонила домой поделиться новостями, что меня ждет дисциплинарная комиссия. А родители ответили, мол, чего еще ждать от дочери Бэбс с ее деньгами. Теперь у Холли есть свои причины со мной не разговаривать. Я солгала ей и ее родным. Тот факт, что я этого не хотела, не в счет.

Мне не вполне понятно, когда Бэбс приедет в кампус. Я боюсь ей позвонить и спросить. Она может приехать во вторник вечером и повести меня в город обедать. Она может дождаться среды и приехать перед самым «судом». Или, может быть, ну просто может быть, она вообще не приедет. Придется подождать, там видно будет.

Вечером в понедельник, после обеда, в нашей с Холли комнате пусто, но на стене у моей кровати кто-то большими коричневыми буквами вывел слово «ЛГУНЬЯ». Я подхожу поближе и обнаруживаю, что эпитет написан шоколадом. На стене за моей подушкой красуется слово «БЛЯДЬ» – тоже шоколадом. Мне стыдно, а еще я прихожу в ярость, что придает мне смелости встретиться лицом к лицу с Мередит, Джесс и Холли.

Я врываюсь к ним в комнату. Потрясена видом того, что Холли курит. Она явно еще не научилась и кашляет после каждой затяжки, но не

сомневаюсь, к концу семестра, в декабре, она овладеет этим полезным навыком.

– В чем дело? – раздраженно спрашивает Мередит.

– Что это за долбаные художества у меня на стене? Должна сказать, написать шоколадом весьма оригинальная идея.

Мередит пропускает мой вопрос мимо ушей, зато поворачивается к Холли, которая смотрит мне прямо в глаза и говорит:

– Я узнала правду о твоей семье. Как ты посмела позволить моим родителям считать, что у тебя нет денег? Ты даже взяла десять долларов у папы! Ты что, над нами издевалась?

В любых других обстоятельствах я попыталась бы объяснить, даже извиниться. Но сейчас я в такой ярости от дезертирства Холли, от того, что она испоганила мне стену, что могу только буравить ее взглядом.

– Тебе известно, что это считается преследованием? – спрашиваю я. – А это посерезней того, в чем меня сейчас обвиняют.

Холли бледнеет, смотрит на Мередит, но та только говорит:

– К списку похвальных эпитетов Холли следовало бы добавить «доносчица» и «сучка».

Я никогда на них не донесу, но черпаю некоторое удовлетворение в их реакции на мой блеф.

– А пошла ты, Мередит, – говорю я и иду в ванную за тряпкой.

Намочив ее, я начинаю оттираять стену. По крайней мере, Холли не воспользовалась несмыываемыми чернилами.

Покончив со стенами, я сажусь за домашние задания. Зачем? Просто не могу придумать, чем бы еще заняться. Потом я замечаю, что все вещи Холли исчезли.

Она, наверное, перенесла их в пустующую комнату на двоих дальше по коридору, по другую сторону от двери Мередит и Джесс. «Ну и что?» – говорю я себе. Она оставила коврик, который смастерила мне ее мама. Долбаная семейка Комбсов и их глупый, льстивый подарочек. Это ведь их вина, что я солгала про деньги. И что мне с ним делать? Отослать коврик по почте, приложив пятьдесят долларов и записку: «Донна, может быть, тебе следует обратиться в программу «Следи за весом» или купить себе красивые туфли?» или просто выбросить? В пентхаусе он все равно будет выглядеть глупо.

28. Телефонный звонок II

Октябрь 1983

Я страшно боюсь столкнуться с Джейком или Кейпом, поэтому сижу у себя в комнате, пропускаю завтрак, потом вдруг звонит телефон. От Дида ни слуху ни духу, поэтому я бегу вниз и беру трубку.

– Алло?

– Беттина, милая, это Бэбс.

«Милая?» Учитывая обстоятельства, звучит фальшиво, но кому какое дело.

– Привет, Бэбс, – отвечаю я неуверенно, я ведь не знаю, куда заведет этот разговор.

– Послушай, позавчера мне не следовало так из себя выходить. Думаю, просто круто, что у тебя был секс. Плевать на школу, которая считает это преступлением.

Я медлю, прежде чем ответить, мне не хочется ей противоречить.

– Но мне правда нравится в Кардиссе.

– Тебе нравится Кардисс или Кейп?

– Оба, – отвечаю я.

– Но только подумай, как мы весело будем проводить время, если тебя отчислят, – продолжает она. – Мы отправимся путешествовать. Будем смотреть кино по ночам. Ходить по магазинам. В следующем семестре ты пойдешь в другую школу. «Школа мисс Портер» непременно тебя примет. Учитывая, сколько «капусты» я им отсыпала.

Бэбс решила развлекаться в моем обществе? Может, ей некого трахать и ей скучно с одинокими женщинами ее собственного возраста, они ей кажутся депрессивными. Может, я – своего рода соска для младенца, пока она подбирает подходящий новый состав для Бэбс-шоу, но кому какое дело? Я в любой день предпочту Кейпу Бэбс.

– Я сегодня во второй половине дня приеду в Бостон. Давай приезжай в «Ритц», там и переночуешь. Сходим в сказочный новый ресторан, он называется «Туш», просидим в баре до закрытия. Я сняла апартаменты.

Каким бы заманчивым ни было предложение, я не могу поехать. Но как объяснить это Бэбс?

– Боюсь, я не могу Бэбс. До заседания дисциплинарной комиссии я на испытательном сроке и к восьми должна быть в общежитии. Сомневаюсь, что мне позволят покинуть Кардисс. Даже с родителями.

– Чушь собачья, – отвечает она. – Я твоя мать, и я плачу по счетам в этой вшивой школе. Давай сюда мисс Как-Етам.

Положив трубку на столик, я бегу наверх за Дидс. Она сидит, сгорбившись, за письменным столом, правит красной ручкой сочинения по «Le petit prince». Она поднимает голову и смотрит на меня. Вид у нее раздраженный.

– Да? – отрывисто спрашивает она.

– Э... простите, что вас отрываю. С вами хочет поговорить моя мать.

– О'кей.

Встав, Дидс распрямляет плечи, надеясь приобрести осанку, какая пристала главе общежития. Она спускается за мной в гостиную. Она босиком, ногти на ногах подстрижены, но не покрыты лаком. Она берет трубку.

– Да, – произносит Дидс, стараясь, чтобы ее голос звучал авторитетно.

Мне не слышен монолог Бэбс на том конце провода, но по лицу Дидс очевидно, что на нее он не действует.

– Мне очень жаль, миссис Баллентайн, Беттине нужно быть в Брайте в восемь вечера. Также ей не позволено покидать кампус, во всяком случае не дальше города Кардисс. Возможно, вы могли бы приехать ее навестить?

Пауза.

– Я понимаю, мисс Баллентайн, но Кардисс не делает исключений для наследниц.

Пауза.

– Я знаю, что эта ночь очень важна, так как завтра заседание комиссии. Вот почему Беттине обязательно соблюдать все правила. Исключений не бывает.

Пауза.

– Да, вы ее мать, но, отдав ее в Кардисс, вы сделали школу *in loco parentis*^[18]. Если вы не хотите забрать ее из школы раз и навсегда, вы не можете отменять наши правила. Мне очень жаль, что вы расстроены. И нет, я не хочу обсуждать с вами мою личную жизнь.

Пауза.

– Нет, насколько мне известно, Кейп не собирается покидать кампус или Кардисс со своей матерью.

Дидс теперь уже бурно жестикулирует, точно Бэбс способна ее видеть, напрочь забывает, что я стою рядом.

– Хорошо, я передаю трубку Беттине. Надеюсь, я ясно обрисовала вам мою позицию.

Дидс протягивает мне трубку, качает головой. Возвращается в свою

комнату и, надо думать, к «Le petit prince». Потрясающая книга, но как раз такая, где ей понятны сюжет и синтаксис. В отличие от нашей с Бэбс книги.

Мы возобновляем прерванный разговор.

– Что за чертова кукла! – говорит Бэбс. – Никакого представления о приоритетах. И чувства юмора ни на грош.

– Наверное, придется подождать до среды. Мне правда бы хотелось приехать, Бэбс. Прости, что не получается, – говорю я, думая, что Бэбс восприняла Дидс всерьез. Но Бэбс, разумеется, никого не принимает всерьез.

– Ты что, шутишь? Я сейчас же пришлю за тобой лимузин.

На ответ у меня уходит далеко не секунда. Если пойти к Кейпу среди ночи было большим риском, то уехать среди дня на двенадцатидверном лимузине – чистой воды самоубийство. Если я это сделаю, меня точно вышибут.

– Беттина? – Бэбс ушам своим не верит, что я решила вдруг следовать правилам. Голос у нее встревоженный. – Вся эта брехня про *in loco parentis* сущая чушь. Я твоя мать. Мне решать, что можно, а что нет.

Я вспоминаю ее посылку до востребования. Посылая ее, она старалась быть крутой? Или она с самого начала хотела, чтобы меня отчислили? Возможно, и то и другое.

– Прости, Бэбс, но я не могу. Надеюсь, ты хорошо повеселишься.

Разговор окончен. Мертвая тишина. Я держу трубку, точно ампутированную конечность. Надеюсь, я сделала правильный выбор.

29. Вторник

Октябрь 1983

Остался день до «суда», и я не могу найти чем бы себя занять. Я размышляю, что сделала бы в подобной ситуации Бэбс, и решаю отправиться за покупками. Мне нужен какой-нибудь костюм, подходящий случаю.

Мое черное прямое платьишко не только чересчур сексуальное, чересчур вечернее, но я просто не могу явиться на разбирательство в той одежде, в которой меня застукали.

Значит, назад в Wow!. За прилавком – та же продавщица. И снова она хочет мне помочь. Я уверена, она запомнила мой странный выбор «ансамбля» для танцев.

– Мне нужно платье для чаепития с бабушкой, – говорю я. Ложь, но удачное сокращение, подразумевающее «невинность, старомодность, непривлекательность».

– Думаю, у нас есть как раз подходящее.

Она идет в заднюю часть магазина. Перекапывает все стойки.

– У тебя восьмой размер, да?

Платье, которое она мне протягивает, полная противоположность тому, что я выбрала себе в прошлый раз. Цветастое, с круглым отложным воротником и длиной чуть ниже колен. Самое оно. Теперь обувь. Я выбираю пару лакированных туфель без каблуков и надеюсь, что не натру волдырей. Разнашивать их нет времени, а прийти на «суд», хромая, тоже не хочется.

Продавщица (оказывается, что ее зовут Бев) пробивает мои покупки и снова встревожена, что я пользуюсь дорожными чеками. Свернув платье, она убирает его в пакет с логотипом Wow! накрывает папиронной бумагой. Туфли она аккуратно укладывает сбоку.

– Желаю вам хорошо почаевничать, – говорит она.

– А?

Я уже забыла историю, которая вызвала к жизни это платье. И снова мне, похоже, не выпутаться без лжи.

– А, да. Спасибо, – говорю я.

Мой уход знаменует звяканье колокольчика над дверью.

Я продолжаю свой путь через городок Кардисс. Подхожу к гамбургерной «Пес и скрипка». Остановившись, я читаю выведенное на

улице меню. Заглядываю в окно. В передней кабинке у окна сидят Кейп и Мэгс. Склонив головы, они держатся за руки, точно молятся.

На меня вдруг накатывает тоска по Бэбс. Ну почему она не могла поселиться в «Кардисс-инн», отвести меня на ланч, утешить? Внезапно мне приходит в голову зайти в гамбургерную. Когда-то давным-давно Мэгс оказала мне довольно холодный прием в Чайном доме, но, может, на сей раз будет иначе? Пусть даже она плакала в телефон, когда Кейп рассказал ей новости, в конце концов она мать.

Я открываю дверь. Я иду к их столу, пакет из «Ух ты!» раскачивается у меня в руке. Кейп меня замечает – пусть и отводит взгляд и делает вид, будто меня не видел. Я подхожу к их столу, останавливаюсь в шаге у угла, на том самом месте, где стояла бы официантка.

Жду, когда мне предложат сесть. Поначалу ни один из них не произносит ни слова. Оба только смотрят на меня пристально.

Наконец, невзирая на неловкую ситуацию, Кейп вспоминает о манерах.

– Мам, – говорит он хладнокровно, – это Беттина.

– Как мне помнится, мы однажды встречались.

Потом – тишина. Словно они думают, что, если будут молчать, я сама все пойму и уйду.

Но, как это ни глупо, я все еще думаю, а вдруг они пригласят меня за свой стол. В конце концов мы ведь в одной лодке. А, впрочем, может, и нет.

– Ходила за покупками? – спрашивает Кейп, словно я выжила из ума, раз пошла по магазинам, когда нам предстоит столь судьбоносный день.

– Нет, в общем. Просто мне надо было кое-что забрать.

– Ну… – тянет он. – Ты не могла бы дать нам с мамой закончить обед, Беттина?

Но я еще не готова уйти.

– Миссис Морс, – говорю я, – я просто хочу извиниться, что мы с Кейпом попали в такую ситуацию. Мне жаль, что так вышло.

Я думаю, это может растопить ее холодность, показать ей, что я не Бэбс, что я способна к раскаянию. Но Мэгс остается непреклонной.

– Право же, уже поздно для извинений, Беттина, – говорит она. – Не знаю, может, матерь тебя на такое надувила, меня бы это не удивило.

Мне хочется сказать, что Кейп тут не жертва и что Бэбс тут ни при чем. Но я не уверена, а на сто ли процентов это верно.

30. Судный день

Октябрь 1983

Наконец-то среда. Дисциплинарная комиссия учащихся, или, говоря на местном сленге, «УчСуд», собирается в четыре часа, за этим «судом» последует разбирательство дисциплинарной комиссии преподавателей в пять. УчСуд имеет право решать нашу судьбу простым голосованием, он – формальность и реальных последствий иметь не будет. Просто он гарантия нашего позора, ведь нас будут судить сверстники. Я не забыла, что Мередит входит в комиссию. Интересно, она хотя бы чуточку злится на Кейпа или все повесит на меня?

В прошлую ночь я плохо спала и, невзирая на всю мою решимость, в пять утра все-таки сбежала из Брайта выкурить сигарету – и не одну. Я говорю себе, что хорошенько почищу зубы и оболью себя достаточным количеством «Коко», чтобы отбить запах. Я сижу на скамейке у лодочного сарай и смотрю, как мимо бежит река. Я знаю, как Вирджиния Вулф покончила с собой: набила карманы камнями и зашла в реку. Я с собой еще покончить не готова, но близка к тому. Теперь я всерьез беспокоюсь, а вдруг, раз я отказалась поехать в Бостон, Бэбс на все плонет и улетит назад в Чикаго.

Я тушу первую сигарету и мельком вижу мои щиколотки – по ожогу над каждой косточкой. Теперь вид шрамов уже не придает мне сил и уверенности в себе, я лишь чувствую себя ущербной. Как мне удалось так все испортить? Я испытываю большое искушение всему миру в лицо бросить, мол, смотрите, у меня проблемы, – приложить сигарету к обоим запястьям, но я знаю, что подобное не исправишь. И, возможно, однажды, когда Бэбс умрет, у меня будет шанс на нормальную жизнь.

Сегодня нам с Кейпом не обязательно посещать занятия, руководство школы ожидает, что первую половину дня мы проведем с родителями. Им позволено подняться к нам в комнату перед тем, как мы пойдем на заседание. Я знаю, что Мэгс, скорее всего, придет в Уэнтингтон после завтрака, а Бэбс... Кто знает, какие у нее планы.

Я возвращаюсь в кровать и на какое-то время проваливаюсь в дрему, потому что ночью то и дело просыпалась. Окончательно проснувшись, я иду в «Кардисс-гриль» и заказываю ванильный фраппе. Ничего другого я в себя затолкать не сумею, и плевать на калории. Вернувшись к себе, я пытаюсь читать «Анну Каренину», но то и дело отвлекаюсь на мысли о

Бэбс. Я решаю позвонить ей в «Ритц», хотя и не знаю, какой меня ждет прием.

Спустившись в гостиную, я поднимаю телефонную трубку. Использовать карточку для звонков слишком сложно, поэтому я звоню за счет абонента. О чудо! Телефонистка в «Ритце» принимает вызов и связывает меня с номером. Телефон звонит и звонит, и наконец Бэбс берет трубку.

– Алло? – произносит она неуверенно.

Большинство людей сонливость делает уязвимыми, но в случае моей матери это просто Бэбс не в лучшей форме.

– Бэбс? Это Беттина.

– Уже догадалась.

– Я просто звоню узнать, в какое время ты приедешь в Кардисс. Первое заседание в четыре.

– М-м-м... Давай-ка разберемся. Вчера ты наотрез отказалась приехать в Бостон, а я столько трудов потратила, планируя наш с тобой девичник. А теперь ты ожидаешь, что я потащусь в Кардисс. Скажи на милость, какого черта мне это делать?

– Э... Бэбс, – нерешительно начинаю я, зная, что от моих слов зависит, объявитя она или нет. – Родители обычно приезжают.

Невыносимо думать, что придется пройти через это одной.

– С каких это пор меня записали в категорию родителей? Хотелось бы знать, мне-то что с этого перепадет?

Я думаю. Правду сказать, на этот вопрос у меня нет убедительного ответа. Если мне придется попотеть, чтобы заманить ее сюда, велика вероятность, что она уже приняла решение. Чем бы ее заманить? Возможно, перевесит ее желание, чтобы я училась в Кардиссе. Или, возможно, она повеселится, глядя, как меня отчисляют.

– У учеников, чьи родители приехали, обычно меньше шансов быть отчисленными.

– А мне-то какое дело?

Дальше остается только умолять. Я выбираю новую стратегию:

– Могла бы посмотреть на Кейпа. Он очень похож на Мака.

– Ах да. Жду не дождусь.

– Я уже все ему рассказала, потому тебе не придется.

– Молодец, вот это моя девочка! Очко тебе за бесстрашие.

Я пробую еще раз.

– Пожалуйста, Бэбс, приезжай. Ты мне нужна.

Я знаю, что Бэбс презирает нытье в любых его проявлениях, но ничего

иного мне на ум не приходит.

– Посмотрим, как я буду себя чувствовать после чашки кофе и пары сигареток. Чao, детка.

Она вешает трубку, вопрос о ее приезде так и не решен. Я возвращаюсь к себе, так ничего и не добившись. На часах половина одиннадцатого, надо убить еще полдня. Я застилаю кровать, прибираюсь на письменном столе, аккуратно раскладываю одежду по ящикам. Пенни Кейпа лежат у меня на тумбочке. Я решаю взять их с собой на «суд».

31. Тот же день, продолжение

Октябрь 1983

Три часа. Пора одеваться. Я надеваю безвкусное «бабушкино» платье и лакированные туфли без каблука. Решаю обойтись без макияжа, просто умыться холодной водой и наложить немного крема. И губы не крашу, только провожу по ним шариком бальзама. Я гляжу в ростовое зеркало и едва себя узнаю. Я выгляжу такой невинной, как не выглядела даже в десять лет, когда всю одежду мне выбирала Бэбс.

Я сижу на кровати и курю. Не хочу идти к лодочному сараю, чтобы не столкнуться случайно с Джейком. Сигареты – отличный способ убить время, ничего, собственно, не делая. Пепел я сбрасываю в пустую банку из-под «диет-колы».

И тут раздается стук в дверь.

Дидс когда-нибудь надоест пытаться поймать меня за тем, что мне не следует делать?

Я осторожно открываю дверь. Это не Дидс, а Бэбс.

32. Материнский инстинкт

Октябрь 1983

В мою комнату Бэбс входит, даже не здороваясь. На ней бордовый костюм, отороченный по вороту и манжетам серым мехом. Цвета Кардисса. Я почти удивляюсь, что ей известно, какие они, впрочем, она всегда внимательна к мелочам. На ней рубиновое ожерелье, рубиновый браслет с мелкими бриллиантами и коктейльное кольцо с рубином. Она садится на кровать, осматривается и говорит:

– Ну и дыра! Больше на тюрьму похоже, чем на комнату в общежитии. А это еще что, черт побери, такое? – Она указывает на ковер с буквой «Б».

– Мама Холли мне подарила, когда я только сюда въехала.

– Понятно, радости китча. А простыни? Выданы школой? Учитывая, сколько я дала тебе денег, могла бы купить новые. И выглядишь как нищая замарашка.

– Я думала, в таком платье у меня будет вид раскаявшейся.

– Ты не выглядишь раскаивающейся, ты выглядишь как женщина, у которой напрочь отсутствует вкус в одежде.

– Я не намерена переодеваться, Бэбс. И других платьев у меня нет.

Встав, она подходит к шкафу, чтобы провести досмотр.

– А как насчет того, которое я тебе прислала? Или этого черного? Оно почти шикарное.

– Слишком рискованно. Я в нем была, когда меня поймали.

– И что с того? Слабо, что ли? Ты же не из Канзаса, а из Чикаго.

Я сдаюсь. Я сделаю что угодно, лишь бы умилостивить Бэбс. Я так благодарна, что она приехала. Я натягиваю черное платье. На мне все еще мои новые лаковые туфли без каблука.

– И тапки свои сними, – говорит Бэбс. – Ты слишком низенькая, тебе это с рук не сойдет. Лучше каблуки.

– Ну, не знаю, Бэбс...

– И накрасься. Постное лицо ничем тебе не поможет. Не хочу за тебя краснеть.

Сколько уже раз мы это проходили...

Я накладываю минимальный макияж. Время идти.

33. Суд

Октябрь 1893

Весь процесс проходит на верхнем этаже библиотеки имени Мэдсона. Там есть зал, который школа использует для особых случаев: собраний попечительского совета, заседаний комиссии по выбору нового главы факультета, дискуссий на тему изменения учебного плана. Бэбс хочет подъехать к зданию в лимузине, но, поскольку от Брайта до библиотеки две минуты пешком, я уговариваю ее этого не делать.

– Как хочешь, детка, – говорит она.

Мы идем по лужайке, я спотыкаюсь в лодочках на траве. Бэбс закуривает.

– Э... Бэбс, в кампусе нельзя курить.

– Может, тебе и нельзя, Беттина, но я тут не учусь, поэтому мне плевать.

Я молюсь про себя, чтобы она погасила сигарету до того, как подойдем к библиотеке. Слава богу, она докуривает. Мы приходим слишком рано. Выглядит так, словно мы отнеслись ко всему серьезно. Мы поднимаемся на лифте на седьмой этаж. Дверь в конце коридора слегка приоткрыта.

Бэбс идет к ней уверенно, твердым шагом. Словно делает такое каждый день. В этом вся Бэбс. Благодаря «шоколадным деньгам» она везде как дома.

Я тащусь следом. Я никогда не бывала в этом зале и с удивлением обнаруживаю, что при всей его загадочности это самая обычная классная комната, каких в Кардиссе сотни. Большой овальный стол, вокруг него деревянные стулья. В сторонке стоят шесть складных стульев, на которых положено сидеть нам. Это подразумевает, что у каждого из нас – и у Кейпа, и у меня – полный комплект родителей, которые помогут нам преодолеть выпавшее на нашу долю испытание. Разумеется, у нас их нет.

Кейп и Мэгс уже тут. На Кейпе синий блейзер, брюки цвета хаки и галстук Кардисса. На Мэгс – пастельная блузка в мелкий цветочек, синяя поплиновая юбка, колготки. Грасс-вудс до мозга костей. Я все еще не могу поверить, что в этом процессе одежда не важна. Если бы у меня сохранилось то летнее платье в розовую с белым клетку, я, вероятно, попыталась бы его надеть.

Они держатся за руки. Если Мэгс выбило из колеи появление Бэбс, она

не подает виду. Просто достает из сумочки мятные леденцы, предлагает Кейпу.

Я пробегаю взглядом по двенадцати ученикам, которые составляют УчСуд. На всех синие блейзеры со значками Кардисса на правом лацкане. Мередит сидит в дальнем конце стола, ее светлые волосы собраны в пучок, точно она учительница. Интересно, где держат все эти блейзеры? Я никогда не видела такого в шкафу Мередит. Такое в кампусе не поносишь.

Ученики сидят с непроницаемыми лицами, в комнате царит такое напряжение, что его, кажется, можно пощупать руками. Ровно посередине стола лежит экземпляр устава школы, на случай если кому-то из учащихся понадобится с ним справляться.

Помимо Мередит я вижу только одно знакомое лицо. Джейда из моего класса по биологии. Мы вместе препарировали свинью. Мои надрезы были такими нервными и кривыми, что стоили нам пятерки. С тех пор она со мной не разговаривает, и я знаю, что сейчас она не испытывает ко мне ни тени симпатии.

Если не считать Мэгс и Бэбс, единственный взрослый в комнате – мистер Карлсон, глава общежития Кейпа, тот, кто нас застукал. Наверное, он собирается предъявить нам официальное обвинение.

Он стучит молоточком по столу и просит всех встать.

– Повторяйте за мной, – приказывает он.

Я повинуюсь и открываю рот, но вдруг понимаю, что он обращается только к ученикам за столом. Я чувствую себя идиоткой.

– Мы, члены студенческого суда, клянемся рассмотреть каждого из представленных нам учеников без личной неприязни и только в свете совершенного правонарушения.

Все они это повторяют и занимают свои места.

Я смотрю на Мередит и не могу различить в ее лице и позе даже тени самодовольства, только серьезность – в реальной жизни она такую маску никогда не надевала.

Затем мистер Карлсон должен изложить, в чем заключаются наши преступления. Он остается стоять. Я чувствую, как Бэбс рядом со мной елозит, и знаю, что ей до смерти хочется курить. Интересно, она прямо тут достанет зажигалку или извинится и выйдет?

– Для начала, – говорит мистер Карлсон, – хочу напомнить вам, что каждого из этих учеников – Беттину Баллентайн и МакКормака Хейлера Морса – следует рассматривать как раздельные случаи, даже если их поймали вместе. – Помолчав, он продолжает: – Ночью двадцать третьего октября я вошел в комнату Кейпа и обнаружил Кейпа и Беттину в постели

Кейпа за действиями сексуального характера. Время было позднее, и оба были без одежды. Оба обвиняются в нарушении часов посещения и занятии сексом. Беттина также обвиняется в том, что покинула Брайт-хаус после комендантского часа, что само по себе является опасным правонарушением, поскольку ставит под угрозу безопасность в кампусе.

От моего внимания не ускользает, что из всех правонарушений разъяснение получил только мой уход из общежития.

Закончив излагать правонарушения, мистер Карлсон садится.

Нам не дадут слова перед УчСудом. Нас будут судить исключительно на основе наших правонарушений, не учитывая наши достижения в Кардиссе. Пока идет голосование о нашей участии, нас выставляют в коридор.

Скамейка, на которой нам положено сидеть, довольно маленькая. Неловко получается, но Бэбс сидит рядом с Кейпом, я рядом с ней. Мэгс – по другую сторону от Кейпа. Кейпу словно бы хочется оградить Мэгс от любого контакта со мной или с Бэбс.

Бэбс заводит с ним разговор. Я молюсь о доброжелательном «привет», но такое, разумеется, не в стиле Бэбс.

– Жаль, что твоего отца тут нет и он этого не видит. Во всем этом есть забавная симметрия, ты не находишь?

Кейп сидит, как палку проглотил. Стремится игнорировать Бэбс. А мне хочется врезать каблуком по мизинцу у нее на ноге. Почему, спрашиваю я себя, ну почему я хотела, чтобы она приехала? Как всегда, она только все портит. Но я ничего не могу сделать, чтобы ее остановить. Не могу заставить ее быть не той, кто она есть.

Проходит десять минут. Дверь открывается, и мистер Карлсон сообщает результаты голосования. УчСуд проголосовал позволить нам обоим остаться в Кардиссе. Я потрясена. Возможно, у Мередит влияния меньше, чем я боялась.

Члены УчСуда выходят один за другим, теперь уже без синих блейзеров. Теперь они снова такие же ученики, как мы. Никто не произносит ни слова, кроме Мередит, которая выходит восьмой. Она наклоняется и шепчет мне: «Я голосовала за то, чтобы ты осталась. Покинув Кардисс, ты избежишь всех тех радостей, какие мы тебе приготовили».

Потом Мередит подходит к Кейпу. Он встает ей навстречу.

– Я голосовала за тебя, Кейп, – говорит она. – Я знаю Беттину и знаю, что это была не твоя вина.

Он этого не отрицает, говорит только:

– Спасибо, Мер. – Целует ее в челку надо лбом.

Мэгс встает и обнимает ее.

– Спасибо тебе, милая Мередит.

– Не за что, – отвечает милая Мередит и уходит по коридору к лифту. А я невольно думаю про себя: «Это что, какая-то долбаная вечеринка с коктейлями?»

Теперь нам остается только ждать собрания учителей. Мы сидим молча, пока они по одному заходят в зал. У них нет особых блейзеров, как у УчСуда, они в обычных повседневных пиджаках и галстуках. Полагаю, то, что они входят в эту комиссию Кардисса, наделяет их достаточными полномочиями, чтобы отпала нужда в особой форме. Кто именно из учителей входит в дисциплинарную комиссию, всегда окутано завесой тайны. Пока сам перед ними не окажешься, никогда не узнаешь, кто вершит судьбы учащихся Кар-дисса.

Я оглядываюсь по сторонам, определяя, кто же здесь.

Заведующий учебной частью мистер Уотсон сидит рядом с Дональсоном. Я надеюсь, последний прочел достаточно моих историй про Бэбс, чтобы меня пожалеть. Диц тоже тут, что меня тревожит, поскольку она застала меня за курением, а Бэбс пыталась ее запугать. Она тут единственная женщина. Остальные мужчины, которых я видела на дорожках в кампусе, но не знаю лично.

Председательствует Уотсон, он ведь зав учебной частью. Я замечаю, что на столе перед ним две папки. На корешке толстой значится «МОРС», на той, что потоньше, «БАЛЛЕНТАЙН». Тут мне, наверное, следовало бы встревожиться, но почему-то мне все равно.

Снова встает и описывает наши преступления Карлсон. Обвинение почти дословно повторяет то, что он представил УчСуду, только ему нет нужды напоминать учителям, что наши случаи следует рассматривать раздельно и что нельзя позволять, чтобы на их решения как-то повлияло личное отношение. Мистер Уотсон тянется к папкам. Берет папку Кейпа.

– Факты, которые я сейчас изложу, не могут рассматриваться как аргументы для оправдания правонарушителей, но позволяют рассмотреть вклад каждого из них в дело нашей школы.

Мне хочется поднять руку и крикнуть: «Нечестно!» – поскольку последняя фраза сводит на нет любую беспристрастность, которую они обещали всего пару минут назад.

Он открывает папку Кейпа.

– Мистер Морс – «наследственный», в Кардиссе учился его отец. Растения на клумбах у входа в библиотеку преподнесены в дар его

матерью. Средняя оценка мистера Морса – три и семь десятых, также он является членом «Клуба юных республиканцев», клуба «Студенты против голода» и дискуссионного общества нашей школы. Он превосходный игрок в лакросс и известен не только своими достижениями, но и своей честностью в спорте. Предполагается, что этой весной он станет капитаном команды, учащийся младших курсов удостаивается такого титула впервые за двадцать лет.

Закрыв папку Кейпа, Уотсон открывает мою.

– Мисс Баллентайн в некотором роде «наследственная». В Кардиссе учился ее дед. При жизни он совершил щедрые пожертвования в фонд школы и включил Кардисс в свое завещание. Мисс Баллентайн недавно поступила в Кардисс на второй курс, поэтому у нее пока нет оценок, о которых можно сообщить. Она не является членом ни одной спортивной команды и не вступила ни в один клуб.

Мое досье, как он его здесь представил, наводит на мысль, что за те два месяца, что я провела в Кардиссе, я выходила из комнаты только один раз – только для того, чтобы переспать с Кейпом.

– Теперь у нас есть возможность заслушать учащихся, – продолжает Уотсон.

Я понятия не имела, что нам полагается произнести речь или выступать в свою защиту. Выступления на публике мне вообще не даются. Первым выступает Кейп, за что я благодарна.

– Мне понятна вся серьезность моего проступка, и я глубоко стыжусь позора, который навлек на школу и на мою семью. Я лелею надежду, что комиссия поймет, как я предан школе, и даст мне шанс продолжить мое обучение и мою деятельность в спортивной команде и в клубах, и, возможно, найти новое применение моим способностям. Я обещаю стать примером для подражания, помогать в учебе другим учащимся и объяснять им, как важно следовать правилам Кардисса. Спасибо за ваше понимание.

Закончив, он садится рядом с Мэгс.

Я встаю, хотя ничего умного мне в голову не приходит.

У Бэбс делается заинтригованное лицо, ей любопытно знать, что такого я придумала.

– Э... я сознаю, сколь тяжкий проступок мы совершили, и знаю, что никакими извинениями не загладить того, что мы сделали. Также я знаю, что у меня нет столь выдающихся достижений, как у Кейпа, но мне потребовалось время, чтобы привыкнуть к интернату. Я прилежно училась и надеюсь получить в этом семестре три и восемь десятых балла. В весеннем семестре я планирую вступить в клуб и, возможно, в спортивную

команду.

Я сажусь, зная, что моя речь была пересыпала всякими «если бы» и «гипотетически», но надеюсь, что преподаватели увидят во мне «потенциал». Конечно, никаким спортом я никогда не занималась, поэтому очень маловероятно, что меня возьмут в какую-то команду, и я сомневаюсь, что у меня достанет смелости или убеждений, чтобы вступить в какой-нибудь клуб. Да и в какой клуб я могла бы вступить? «Учащиеся против домашнего насилия»? «Пенни для Песиков»? Может быть, едва-едва, но может быть, я сумею принудить себя походить на всех вокруг. Сосредоточиться на поступлении в колледж. Заодно завести друзей.

Когда я возвращаюсь на свое место, Бэбс не гладит меня ободряющее по коленке, а сама поднимает руку.

– Да? – удивленно спрашивает Уотсон.

– Вы не против, если я выскажусь?

– Э-э-э, – отвечает он, – не в нашем обычай, чтобы родители высказывали свои замечания, но, наверное, мы можем сделать исключение. Мы вас слушаем.

Бэбс встает. У меня трясутся руки. Как жаль, что тем вечером я не поехала в Бостон. Пришло время расплаты.

– Как мать Беттины, – начинает Бэбс, – я, разумеется, знаю ее всю жизнь. Когда я услышала новость, что ее застали в комнате мальчика, я была разочарована, но не удивлена. Беттина никогда не признавала авторитетов, но раньше это всегда были мелочи. Тем не менее я не считаю секс в ее возрасте преступлением. У нее хорошие оценки и, на мой взгляд, как она распоряжается своим телом, это только ее дело. Это мое убеждение настолько твердо, что я готова забрать ее из школы, которая карает подростков за то, что они подростки. Вы действительно ожидаете, что они пойдут в колледж без жажды экспериментов? Но я знаю, что Беттина любит Кардисс, поэтому я готова пообещать школе миллион долларов, если вы измените политику в отношении секса и позволите Беттине остаться. Добавьте в учебный план секс-образование, если хотите, но не наказывайте учеников за интерес к противоположному полу.

Она садится, довольная собой. Она произвела впечатление. Ни одного бранного слова. И какое учебное заведение способно отказаться от таких денег?

Я смотрю на преподавателей. Они пораженно молчат.

Нас всех попросили покинуть комнату, пока учителя принимают решение. На сей раз Бэбс выходит из библиотечного здания. Уверена, она вышла наружу покурить.

Кейп и Мэгс все еще отказываются со мной разговаривать, но я чувствую, что им не по себе. Если деньги Бэбс вызволят меня из этой передряги, это подорвет саму систему.

Проходит двадцать пять минут. Выглядывает один преподаватель и знаком приглашает заходить. Бэбс не вернулась. Может, лифт застрял? По лестницам она не ходит. Совещание начинается немедленно, никто не дает себе труда дожидаться Бэбс.

Пока зачитывают решение, я не поднимаю головы. Пялюсь на лодочки. К каблукам прилипли травинки. Я начинаю их пересчитывать. Неизвестность держит меня в таком напряжении, что почти больно. Вердикт не только решит мою участь, но еще и докажет состоятельность или несостоятельность моих представлений о Бэбс. Она всегда получает то, что хочет. На сей раз она, по всей видимости, хочет чего-то хорошего для меня. Получит ли она?

Зав учебной частью озвучивает вердикт преподавателей. Но почему-то я ни слова не слышу. Или слышу, но до меня не доходит. Возможно, такое слишком трудно осознать девочке моих лет, которая сидит тут одна. Я выхожу из зала и вижу в коридоре нескольких учеников. Среди них Лоуэлл, он хлопает по спине Кейпа. К ним подходит еще один парень. Спрашивает:

– Эй, каков итог?

А еще один парень из Уэнтингтона, которого я видела несколько раз с Кейпом, отвечает во весь голос, точно меня и вовсе тут нет:

– Кейп остается, Беттину отчислили.

На лице Мэгс – проблеск облегчения. Наконец все стало так, как и должно быть.

Я протискиваюсь сквозь толчью учеников к выходу из библиотеки. Никто не встал на мою сторону. Никто не говорит «мне жаль», никто не желает мне удачи. Я иду искать единственную, кому небезразлична моя судьба. Бэбс. Я ищу ее снаружи, но нигде не могу найти. Я возвращаюсь в Брайт. Конечно же, она там, сидит в лимузине и курит, или она у меня в комнате, начинает собирать вещи. Это еще одно, что она после стольких поездок хорошо умеет. Она обожает складывать и упорядочивать. Но нет. В моей комнате пусто. Не знаю, почему она уехала, не дождавшись вердикта. Она что, просто предположила, что «шоколадные деньги» сделают свое? Но в данный момент это не имеет значения. Оставшееся мне придется закончить одной.

После отчисления у ученика есть двадцать четыре часа, чтобы покинуть кампус.

Даже будь я готова к отъезду, маловероятно, что я успею вызвать такси

и попасть на рейс в Чикаго. Достав дорожную сумку от Louis Vuitton, я начинаю собирать вещи. На все про все у меня уходит минут десять. В шкафу остается висеть только цветастое платье с круглым отложным воротником. Сняв с вешалки, я выбрасываю его в корзинку для мусора. Повлияло бы оно как-то на исход? Скорее всего, нет.

И как раз тут я кое-что вспоминаю... Посылка Бэбс! Источник всех моих бед. Коробка лежит у меня под кроватью, но я не могу оставить ее тут. Что с ней делать? Взять с собой бутылки я не могу. Слишком тяжелые, и дома у Бэбс есть еще. И в туалет в общежитии вылить нельзя. Пустую тару некуда выбрасывать. Я решаю отнести их в комнату Мередит. Подарок в благодарность, что за меня голосовала. Невзирая на угрозу терзать и мучить меня, если я останусь.

Подхватив коробку, я делаю несколько шагов по коридору и стучу костяшками пальцев в дверь Мередит.

– Входите, – весело выпевает она. Я почти слышу, как она добавляет: «Динь-динь, ведьма мертва».

Я открываю дверь, хотя мне и нелегко удерживать одной рукой тяжелую коробку. Переступив порог, я опускаю коробку на пол. Сажусь перед Мередит. Холли тоже тут, и она смотрит мне прямо в лицо и говорит:

– Жаль было слышать, Беттина.

Она – первая, кто мне такое сказал, и я думаю, какая она пока еще милая. Мне не помешала бы лучшая подруга вроде нее, но я сама все испортила.

– Я это вам принесла, девочки. Подумала, вы найдете применение.

Мередит заглядывает в коробку.

– Надеюсь, это не уловка, чтобы нас подставить?

– Конечно нет.

– Ну, на сей раз это я хорошенъко наберусь перед тем, как пойти к Кейпу.

– К Кейпу? – повторяю я, пораженная, что она вообще произносит его имя после всего случившегося. Может, я недостаточно важна и то, что мы с ним сделали, не в счет? – А как же Лоуэлл?

– Лоуэлл? О, мы повеселились на танцах, а потом он проводил меня до двери как истинный джентльмен. Но на том все. Он не Кейп.

– Значит, Кейп... – против воли продолжаю я.

– Поведет меня обедать со своей матерью.

– О, – только и могу сказать я.

А я-то думала, он придет со мной повидаться. Сочтет, что должен со мной попрощаться.

– Спасибо за подарок, Беттина, но мне нужно принять душ перед обедом, – пренебрежительно говорит Мередит.

Я возвращаюсь к себе. Рада, что приберегла для себя бутылку бурбона. Может, я и «небесстрашная» – как называет Бэбс тех, кто нуждается в алкоголе, – но после пары солидных глотков я чувствую себя намного лучше. Меня застукают? Ну и пусть. Чем еще Кардисс может меня наказать? Скоро стены вокруг меня начинают покачиваться. Я решаю прилечь на кровать. Я хочу пойти повидаться с Кейпом, поцеловать его, хочу, чтобы он провел руками по моему телу. Хочу сделать вид, будто все так, как было до того, как нас поймали. До того, как я рассказала ему про Мака. Я встаю, но обнаруживаю, что ноги меня не держат. Моих мыслей о Кейпе это не останавливает. Алкоголь не только притупляет чувства, но и напоминает об утратах. И мои утраты вдруг разрастаются и захлестывают меня. Наверное, вот почему Бэбс не пьет. Это не дает ей прилепиться к прошлому. Никаких мрачных мыслей о потере родителей. Не опустошена гибелью Мака. Довольна и спокойна со своими «шоколадными деньгами».

От опьянения мне грустно до слез. Мне хочется плакать от того, что я, возможно, никогда больше не увижу Кейпа. Знаю, будут другие парни, но такого, как Кейп, никогда. Я опускаю голову на подушку и отключаюсь.

Я просыпаюсь около девяти, все еще пьяная, но с чудовищной головной болью. На щеке у подбородка у меня нитка слюны, и мне отчаянно хочется пить. Кое-как встав, я бреду в ванную.

По пути из комнаты я спотыкаюсь о белый конверт, на котором написано мое имя. Я узнаю почерк Кейпа. Так, значит, он все-таки приходил. Возможно, постучал в дверь, а я в пьяном ступоре его не услышала. Поэтому он оставил мне записку. Уверена, она будет нежной, с извинениями, что он вышел из себя из-за романа наших родителей и сорвал свою злость на мне. Подобрав конверт, я прижимаю его к груди. Он на удивление тяжелый. Я забираю его с собой в ванную, твердо решив умыться и попить воды, чтобы унять сущняк, и только потом прочитать записку.

Вернувшись к себе в комнату, я думаю «Выкуси: Мередит!» Я сажусь на пол, отхлебываю еще бурбона. От предвкушения у меня трясутся руки. Я медленно открываю конверт, и на колени мне вываливается медаль моего отца. Я беру ее в руки, тру большим пальцем герб школы Райдер. Вот что было в конверте. Полагаю, он ждет, что я верну его пени тем же путем. Никакой записи, ни единого слова.

Внезапно меня охватывает такая злость, какой я не испытывала весь день. Нет, даже не злость. Чистейшая ярость.

Осмелев от алкоголя, я покидаю комнату и иду через весь кампус к лодочному сараю. Я даже сигарет с собой не беру. То, что я хочу сделать, должно быть чистым и решительным. Я подхожу к лодочному сараю.

От моей привычной скамьи реку отделяет забор, и, перехватив бутылку бурбона за горлышко, я разбиваю ее о дерево. Бутылка разлетается на осколки, и остатки бурбона выплескиваются на меня, омывают, как диковинные духи. Я вижу стекло в траве, и испытываю удовлетворение, что разбила что-то еще, что нельзя починить.

Я запускаю руку в карман. Я достаю по одной монетке. Уже темно, и выгравированной на них надписи не видно, но я различаю ее на ощупь. Я скимаю их в кулаке. Я снимаю рубашку и лифчик и стою перед рекой полуголой. Я тру монетками о кожу. Я вспоминаю, как мастурбировала с ними, но на сей раз я не испытываю возбуждения. Я просто хочу испытать ощущение интимной близости, какую приносит медь, вдавливаясь в мое тело, оставляя невидимые татуировки на коже.

Размахнувшись, я бросаю монетки в реку. Они по дуге вылетают из моей руки и с удовлетворительным плеском ударяются о воду. Они тонут.

Я надеваю лифчик, поверх него рубашку. Я смотрю на реку, проверяя, не всплынут ли они подобно трупам, но нет.

34. Прощание

Октябрь 1983

На следующее утро я просыпаюсь с похмельем около половины десятого. Я застилаю кровать и проверяю, все ли мои вещи упакованы. Следующая задача – составить план отъезда из Кардисса. Это единственный пункт в моей программе. Ничего моего нет в чьих-то еще комнатах общежития. Больше мне прощаться не с кем. Я просто девчонка, которая тянет тут время.

Заказывать билеты я иду в учебную часть, поскольку звонить по межгороду по телефону Брайта с крутящимся наборным диском практически невозможно. Секретаршу зава учебной частью зовут Салли. У нее явный бостонский акцент, она – из тех женщин, которые прибегают к аксессуарам вроде шарфов и брошей, чтобы отвлечь внимание от своего жира. Бэбс считает броши глупыми. Настоящие украшения должны касаться голой кожи. Ожерелья, браслеты, кольца. Бэбс даже пирсинг пупка предпочла бы броши.

Я выбрасываю Бэбс из головы, заставляя себя вспомнить, что пусть Салли не эталон моды, она все же старается, и – что важнее – была ко мне добра в те немногие разы, когда я заходила в учебную часть. Она никогда не забывает фамилий учеников.

Она поднимает глаза от газеты. Видит, что я жду, когда она обратит на меня внимание.

– Мне так жаль, Беттина. По тебе здесь будут скучать.

Никто больше мне такого не сказал. Я благодарна. Пусть даже она не всерьез говорила.

– Спасибо, Салли, – отвечаю я. Потом объясняю причину своего прихода: – Мне нужно позвонить, чтобы решить, как я буду добираться домой.

– Конечно, конечно, – говорит она. – Телефон вон там. У меня скоро перерыв, так что, пожалуйста, помни, что разговаривать по межгороду надо покороче.

Телефон серебристый, и у него есть настоящие кнопки, чтобы их нажимать. Достав бумажник, я извлекаю мою карточку постоянного клиента «Американ Эйрлайнз» и платиновую «Американ Эспресс». Бэбс дала мне карточку на крайний случай (как она выразилась), но главным образом, чтобы я купила ей дорогую одежду на юге Франции.

Я набираю номер «Американ Эйрлайнз». Механической голос просит подождать, и я вижу, как Салли встает из-за стола. Она тактично мне машет. Отправляется на перерыв пить кофе.

Минут через десять наконец прорезывается женский голос. Оператор помогает мне забронировать билет на рейс в три часа из Бостона в Чикаго. Ужасающе дорого, но и прерванный год в Кардиссе обошелся недешево. Затем я звоню в компанию такси и прошу заехать за мной в половине первого. Я уезжаю так же, как приехала: с маленькой дорожной сумкой и без родителей.

Салли все еще не вернулась. Свои звонки я сделала, но уходить мне не хочется. Что-то меня тут удерживает. Просидев еще две минуты, я хватаю трубку и наблюдаю 411. Я к этому еще не готова, но все равно это делаю. Не знаю, почему я ждала так долго. Возможно, потому что после стольких лет у меня все еще нет реального плана.

Дозвонившись до телефонистки, я говорю:

– Номер школы Райдер, пожалуйста. Конкорд, штат Нью-Гэмпшир.

Если верить Кейпу, это альма-матер моего отца.

У телефонистки уходит минута на поиски, а после она тарабанит семизначный номер. Областной код у школы Райдер тот же, что и у Кардисса.

Я вешаю трубку. Смотрю на телефонный номер. Мне надо действовать – так или иначе. Минут через пять вернется с перерыва Салли. Набрать этот номер – как импульсивный позыв позвонить парню, когда не уверена, нравишься ли ему. Не позвонить – все равно что выбросить хорошую книгу, которую не прочитала. Может, в Райдере не дают премий за сочинения на латыни. В конце концов, это просто телефонный звонок, меня он ни к чему не обязывает.

Набрав семь цифр, я прошу соединить с кафедрой латинского языка. Там отвечает приятный баритон с английским акцентом:

– Алло?

– Э... меня зовут Мередит, и я учусь в Кардиссе. На днях я нашла на гаражной распродаже серебряную медаль. На аверсе там эмблема школы Райдер, а на обратной стороне надпись «Первая премия за сочинение на латыни, 1958». Кажется, такая вещь может быть важна для того, кто получил тогда премию, и я подумала, вдруг вы можете сказать, кому принадлежит медаль, чтобы я ее вернула. Если вас не затруднит.

– Затруднит? Нисколько. У меня все победители за последние семьдесят пять лет на деревянных табличках на стене висят. Какой, вы сказали, год? О'кей, секундочку.

Всего секундочку? Все происходит слишком быстро! Может, повесить трубку?

– Ну вот, – объявляется снова преподаватель латыни.

– Подождите, – тяну время я. – А эту премию трудно получить? Ну... то есть... ведь не так много учеников выбирают латынь. Участников конкурса ведь не много?

– Вот тут вы правы. Но бывают годы, когда мы вообще премию не даем, потому что работа недостаточно выдающаяся.

– И ее всегда дают старшекурснику?

– Обычно да.

– И большинство конкурсантов учили латынь до того, как попали в Райдер или выбирают ее, когда уже у вас учатся?

– У нас и те и другие случаются.

Латинист начинает уставать от нашего разговора. Мои вопросы кажутся ему странными. К чему весь этот интерес, если я просто хочу послать медаль выпускнику школы?

– Так вам нужна фамилия или нет? У меня нет его адреса, но адрес вы можете узнать в офисе выпускников.

– Да, – говорю я. – Пожалуйста.

Я еще не вполне готова. Но ведь я никогда не буду готова.

Он называет имя и фамилию.

– Спасибо, – медленно произношу я и быстро вешаю трубку. Уверена, он говорит: «Всегда пожалуйста», но я не хочу этого слышать.

Часть III

35. Книга спичечных коробков

Ноябрь 1983

Мы с Бэбс сидим в столовой пентхауса. У нас обед, только мы не едим, а курим. Вопреки моим дурным предчувствиям из-за возвращения домой, Бэбс на удивление мила. Она не извиняется и никак не объясняет свое исчезновение из кампуса, но она позвонила в «Школу мисс Портер» – и меня с радостью примут в январе.

Я не рассказываю, что знаю, кто мой отец. Я боюсь ее реакции. Она же дала мне медаль – простой способ выяснить, но, возможно, считала, что я никогда не попытаюсь. Так или иначе, я не хочу испортить наши отношения. Она как будто прониклась ко мне уважением. Потому что я наконец-то занималась сексом? Потому что в моем возрасте со мной так мало хлопот? Но ни то ни другое как будто не обещает стабильности надолго. Поэтому я храню мое открытие в секрете.

Интересно, что мне делать до января? Найти работу? Шестнадцать мне исполнится только в марте. Слоняться по пентхаусу и болтать с Лили и Фрэнклином? Я говорю себе, мол, рано или поздно что-нибудь обязательно подвернется, а до тех пор я буду просто радоваться обществу новой, притихшей Бэбс.

Тем вечером Бэбс придумывает мне занятие. Убрав со стола, Лили подает нам кофе – черный, в маленьких кофейных чашечках, – Бэбс отпивает глоток и, закурив очередную сигарету, начинает жизнерадостным тоном:

– Ну, вот раз ты дома Беттина, у меня есть идея. Нам нужен совместный проект. Мне до смерти осточертел успех Талли и ее дурацких книжонок, которые она теперь строчит. Я знаю, что смогу перебить ее собственной книгой.

Талли все еще пишет свою серию «Дневники наследницы», но нашла себе и другие темы. Она взялась за сочинения из разряда «Помоги себе сам». В ее последней книге под названием «Эффект либидо» утверждается, что, если читательницы перенаправят свою сексуальную энергию на занятия за пределами спальни – работу в офисе, гимнастику или даже теннис, – их ждет феноменальный успех. Талли приглашают на разные телевизионные ток-шоу и даже вести семинары в дорогих санаториях. Хотя Бэбс известна по всему Чикаго, по телевизору ее никогда не показывали. Я знаю, что это выводит ее из себя.

– Что у тебя на уме, Бэбс? – спрашиваю я.

Воображение рисует мне самое худшее. Секс-пособие, где каждая глава посвящена одному из десятки ее лучших перепихонов. С нее станется написать про то, что у каждого мужчины свои потребности. Перечислить, что она делала для каждого из них, – возможно, в формате меню. Скорее всего, будет и подробный раздел о мастурбации.

– Людям интересно знать про мою жизнь «шоколадной наследницы». Мемуары я писать не стану, слишком уж passé^[19], вот я и подумала, надо показать читателям все места, где я побывала. С фотографиями спичечных коробков вместо иллюстраций. Я составлю к ним аннотации, а они дадут читателям полную картину не о только того, как живу я, но как живут богатые люди вообще.

Бэбс на самом деле не считает мемуары passé. У нее просто не хватает терпения их написать. Но я все равно ее поддерживаю. Вполне вероятно, она и впрямь сможет продать пару экземпляров. Никакого собственно сюжета или конфликта, но все равно любопытно.

– Отличная идея, Бэбс. Возможно, ты могла бы опубликовать их в формате скрапбука, такое мало кто делает. И назвать все вместе «Книга спичечных коробков». Не обычная бумажная книга, а, скажем, скрапбук в кожаном перелете с факсимиле коробков. Читатели смогут почувствовать, будто они твои друзья, вспоминают вместе с тобой о ресторанах и клубах, где тоже бывали. А еще есть поклонники, которым не терпится заглянуть в повседневную жизнь «шоколадной наследницы».

– Гениально. Просто замечательно.

Я практически уверена, что какое-нибудь издательство вроде «Риззоли» за это возьмется, или Бэбс может напечатать книгу за свой счет. Но в глубине души я знаю, что ей наплевать, купит ли ее кто-нибудь. Это даст ей повод закатить очумелую вечеринку и, если придется, раздавать книги даром. Ей отчаянно нужен какой-то проект, чтобы себя занять.

– Вот что мне от тебя нужно, Беттина, – продолжает она, – надо разобрать все спички в хронологическом порядке. Я записывала дату внутри каждого коробка, так что ты разберешься, что за чем идет.

Я справлюсь! Может даже, меня упомянут в соавторах. И после «Похмельной жрачки в круизе» мы с Бэбс ничем вместе не занимались. И на сей раз у меня будут настояще дело и настоящая ответственность. Возможно, Бэбс вправду поведет себя иначе теперь, когда я стала старше. Не в пример прошлому разу, когда я планировала свой танцевальный номер, сейчас я знаю, что способна проделать хорошую работу. Наконец-то после стольких лет она будет мной довольна.

Бэбс отталкивается со стулом от стола и поднимается по винтовой лестнице к себе в комнату. Я иду за ней следом, точно лестница ничем не отличается от всех прочих. Мы заходим в обувной шкаф. Это не шкаф как таковой, а скорее комната, где хранится по меньшей мере три сотни туфель. Разложены по цветам в специальных стойках. Все вместе выглядит как обувной отдел в Saks, только выбор получше и все туфли – размера Бэбс.

Из-за одной стойки она достает три большие продуктовые сумки, набитые спичечными коробками. Тут их по меньшей мере две тысячи. Она протягивает сумки мне.

– Это надолго тебя займет. Знаю, работы уйма, но тебе ведь больше нечем заняться. Нет лучшего лекарства от скуки, чем долгий проект. И я так тебе благодарна, моя милая девочка.

Прижимая к груди сумки, я спускаюсь в свою комнату, практически парю на волнах ее похвалы. Потом реальность берет свое.

Этот проект может затянуться до января. Что бы ни говорила Бэбс о том, как мы будем заниматься им вместе, это неправда. Я буду сидеть одна у себя в комнате, пытаясь навести какой-то порядок в этой свалке. Очередной погром, просто не такой грязный и более затяжной. И мне придется засиживаться допоздна, чтобы хотя бы как-то упорядочить коробки. Никаким единением матери и дочери тут и не пахнет.

Я ставлю сумки на пол у письменного стола. Беру один из груды – этот из «Максима» – и читаю: «Сентябрь 1976». Написано почерком Бэбс, как она и обещала. Все до единой спички на месте, поскольку прикуривает она от зажигалки. Она всегда говорит, что только пошлики прикуривают от спичек: от спичек сигареты горчат и вообще напоминают ей заправочные станции. Спички годятся только на сувениры.

Бары и рестораны на коробках могут отличаться, но история всегда одна и та же. Бэбс нет в пентхаусе, Бэбс расхаживает в модных шмотках, пьет модную минералку, сыплет своими вычурными словечками, Бэбс никогда нет рядом.

Я понятия не имею, как браться за этот проект. Вывалить все разом на пол? Доставать из сумок по одному коробку и сортировать по ходу? Наконец, я решаю рассортировать их по годам, а дальше разберемся. План кажется мне разумным, и я тружусь, пока не начинают слипаться глаза. Засыпаю я в четыре утра.

На следующий день я просыпаюсь около полудня. Я неплохо продвинулась, и мне не терпится рассказать Бэбс. Я спускаюсь на кухню. Она уже встала. Одетая в белый вафельный халат из «Рэффлс» в Сингапуре, она болтает по телефону. С Талли? С какой-то подругой,

которую я не знаю? Я медлю на пороге, пока она меня не увидела, и слушаю.

– Да, малышка дома и останется до Рождества. В школе Портер ее примут, чего тут удивляться. Наверное, обойдется мне в еще одно здание.

Пауза.

– Конечно, голова у нее светлая, но чтобы поймали на сексе? В ее-то возрасте? Просто глупо. Все в целом заняло, наверное, минуты три. А стоило трех лет в Кардиссе.

Пауза.

– Ага. Совершенно верно. Сын Мака.

Пауза.

– Самое для меня лучшее, что Мэгс была вне себя. Ни за что не поверишь, но эта сучка до сих пор цепляется за прошлое. Но я поступила как настоящая леди и ничего не сказала. Или почти ничего. Я даже разыграла добрую мамочку и предложила сколько-то «капусты», чтобы разрешили паршивке остаться. Я знала, что народ в Кардиссе слишком уж застегнутый, мать их, чтобы клюнуть. Вероятно, это и вынудило их ее отчислить. Они же не могут позволить, чтобы кто-то решил, будто они приняли взятку. Но я знаю, что это привело в ужас Мэгс.

Пауза.

– Нет, терапия – это последнее, что нужно Беттине. Чтобы ходить к психоаналитику, нужно быть интересным, не то наскучишь ему до смерти.

Пауза.

– Просто приводит для меня кое-что в порядок. Но уверена, она и это тоже испоганит. Я уже наняла помощницу, она начнет после Рождства. Мне просто нужно было чем-то ее занять, чтобы не путалась у меня под ногами.

Пауза.

– Прости, что всем этим тебе докучаю. Нет, я не собираюсь с ней это обсуждать. Я знаю, что чувствую, и делу конец. Я просто буду с ней поласковей, и скоро она отправится в школу Портер. Там мало шансов, что ее застукают на сексе, разве что она в лесбийскую любовь ударится. Но и тогда сомневаюсь, что это против правил.

Пауза.

– Пока, созвонимся.

Она вешает трубку.

Я отступают от порога, пока Бэбс меня не увидела. Поднимаюсь к себе в комнату, голова у меня идет кругом.

Два сценария. Один: Бэбс мной играет. Она наказывает меня за то, что

меня отчислили. За то, что я доказала, что в кои-то веки на «шоколадные деньги» не удалось купить любую прихоть. На самом деле она не верит, что я сумею сделать что-то полезное со спичками, просто хочет занять меня какой-то глупостью. Она планирует нанять помощницу, чтобы сделать все сначала, стереть все следы меня. Бэбс будет со мной мила, потому что ей нравится смотреть, как я ей доверяю и как радуюсь тому, что она, как мне кажется, мне дает.

Второй: она правда счастлива, что я дома. Хочет работать вместе над проектом. Гадости, которые она говорила по телефону... Но она вообще всегда так разговаривает. Она даже себе не может признаться, что я наконец ее завоевала.

Конечно, мне хочется, чтобы верным оказался второй сценарий. Но ее разговор так надолго затянулся. «Чтобы не путалась у меня под ногами... Ударится в лесбийскую любовь». Предложила Кардиссу деньги не для того, чтобы спасти мою задницу, а чтобы позлить Мэгс.

Насущный вопрос в том, а почему я вообще перебираю варианты? Почему вообще даю себе труд заниматься долбаной книгой?

Я собираю рассыпанные по полу моей спальни спичечные коробки. Складываю назад в сумки. Одеваюсь и ухожу из пентхауса. Иду в кино в «Уотер-тауэр-плейс». Сижу в темноте, ем попкорн, который запиваю большой диет-«Колой». Кино мне, в сущности, безразлично, я просто думаю, пока не появляется план. Такой план, который покажет, что важнее для Бэбс – спички или я. Мне кажется, я знаю ответ. Я думаю про отца. Если Бэбс велит мне когда-нибудь убираться раз и навсегда, у меня хоть будет к кому обратиться.

До конца дня мне удается не попадаться на глаза Бэбс. Вечером она идет куда-то на обед. Я ем на кухне мясную запеканку с Лили. Рано ухожу спать, говорю, мол, устала, мол, плохо спала вчера ночью.

Я ложусь в кровать. Ставлю будильник на три часа, к тому времени Бэбс уже будет спать. В настоящий момент она никого не трахает. Когда будильник звонит, я хватаю сумки с коробками и спускаюсь вниз. Я ненадолго задерживаюсь в гостиной. Мне нравится темнота, она позволяет видеть, как внизу, по Лейк-шор-драй спешат машины: ярко вспыхивают задние фары, кто-то стремится куда-то попасть. Еще мне нравится, как темные волны озера Мичиган бьются о пляж Оук-стрит. Этот механизм работает сверхурочно, ведь на пляже нет никого, кто загорал бы или наблюдал за мной.

Я выхожу на террасу пентхауса. Как-то Бэбс мне сказала, что трахала там многих мужчин, но, в отличие от Мака, они были не достойны постели,

и она не оставляла их на ночь, не позволяла пачкать ее простыни. В небоскребе «Джон-Хэнкок-Билдинг» напротив – совершенно черно. Конторы пустуют, в квартирах на верхних этажах все спят.

Подойдя к перилам, я какое-то время просто стою. Думаю про медаль, которую она мне дала, про руководства по сексу, про посылку, которую она отправила в Кардисс. Слишком уж это смахивает на Попытку – с большой буквы. Может, она просто не умеет иначе? Но в настоящий момент этого уже недостаточно. Я знаю, что должна действовать быстро, пока не растеряла решимость, пока меня не захлестнула фантазия, в которой Бэбс старается изо всех сил. Я ведь ее люблю. Но наконец-то понимаю: я хочу, чтобы меня любили в ответ.

Медленно подняв первую сумку, я высыпаю ее содержимое в ночь. Спичечные коробки высыпаются осторожно и медленно. Со следующими двумя сумками я набираю скорость, вываливаю спички за перила, так что они обрушаются водопадом. Я смотрю, как ветер подхватывает коробки, как они парят, складываясь в разные фигуры, прежде чем приземлиться посреди улицы. Как и «Сплаши», которые я выбрасывала ребенком, спички пропали безвозвратно. В отличие от плотных катышков шоколада, они будут приземляться изящнее, лягут на тротуар, точно бабочки.

Но не важно. Я забрала то, что Бэбс, вероятно, считает делом своей жизни, и разметала по всей улице. Выбросила раз и навсегда. «Сплаши» всегда можно достать еще, но спичечные коробки незаменимы.

Пустые сумки я оставляю на террасе и поднимаюсь наверх спать. Я не даю себе труда красться на цыпочках по ступенькам, пусть себе скрипят под моим весом. В то мгновение я не испытываю раскаяния. Мне незачем идти в ванну или ловить кайф, чтобы унять беспокойство. Я надеваю пижаму, забираюсь под одеяло и крепко засыпаю.

36. Прощай, Бэбс

Ноябрь 1983

Просыпаюсь я около девяти и в пижаме спускаюсь завтракать. В холле я вижу три продуктовые сумки, в которых некогда лежали спичечные коробки. Наверное, Лили нашла их на террасе и решила сохранить, поскольку Бэбс любит приберегать такие крепкие сумки, чтобы укладывать в них разные мелочи для вылазок за город.

На кухне я здороваюсь с Лили и ем омлет, запивая свежевыжатым апельсиновым соком и кофе, которые она мне подготовила. Обычно я просто гоняю яйца по тарелке, ведь в них так много калорий, но сегодня мне все равно. Я знаю, что Бэбс еще пару часов не встанет, поэтому одеваюсь и иду погулять на пляж Оук-стрит. День выдался холодный, пляж совершенно пустой.

Я снимаю кеды, и захожу в озеро. Вода – как жидкий лед, но я заставляю себя стоять. Я начинаю думать о том, как среагирует Бэбс на то, что я вышвырнула спичечные коробки с террасы пентхауса. Днем ситуация выглядит совсем иначе. Отчасти мне наплевать. Отчасти я не могу поверить, что предала ее таким образом. Я знаю, что теперь наши отношения изменятся раз и навсегда. Но я чувствую себя освобожденной, стоя в холодной воде, зная, как сильно я изменилась.

Вернувшись, я застаю Бэбс на кухне.

– Привет, Беттина, – весело говорит она. – Как продвигается проект?

– Никак, – невозмутимо отвечаю я. По правде сказать, мне не хочется портить момент и веселое приветствие резким ответом, но назад пути нет.

– Что значит «никак»? Что, так трудно, черт побери, спичечные коробки рассортировать? Ну, конечно, я всегда могу нанять кого-то поумнее тебя.

Ну вот опять, доброта никогда не длится долго. Бэбс всегда права. Бэбс в конфликты не ввязывается.

– А разве ты уже не подыскала кого-то работать над книгой? – вскидываюсь я.

– И в самом деле подыскала. У меня было ощущение, что нечто подобное случится, поэтому ассистентка начнет в январе. Но я хотела дать тебе шанс.

Так значит, по телефону она все-таки говорила правду.

– Незачем было утруждаться, Бэбс. – Впервые в жизни я не боюсь

того, что она сейчас скажет. С меня довольно.

– Что это значит? – повторяет она вопрос.

Я удивлена, что в кое-то веки застала ее врасплох.

– Я решила, что сам проект глупый. Я выбросила спички. – Я стараюсь подражать тону Бэбс – властному и пренебрежительному, но мне он плохо удается.

– Так ты можешь их собрать, – говорит она, наверное, думая, что они лежат где-то в мусорном баке. Она раздражается, нетерпелива.

– Нет, не могу.

– Мать твою, Беттина, где они?

Она ведет себя так, словно просто пытается получить от меня ответ, а конечный результат ее не интересует, поскольку знает, что обладает властью все исправить. Но ее выдает дрожь в правой руке. Все происходит не так, как она ожидала, и она вне себя.

– Я выбросила их с террасы. Теперь они рассеяны по всему Нортсайду.

– Это было глупо, Беттина. Глупо.

Звучит как своего рода преамбула. Рука у нее все еще дрожит. Я жду, что она отвесит мне пощечину, возобновит схватку. Но нет.

– Просто иди к себе, – негромко, но ровным тоном говорит она. – Не хочу тебя видеть.

Она поворачивается на каблуках и уходит. Так гораздо хуже, чем если бы она наорала на меня или ударила бы. Это бы означало, что я занимаю какое-то место в ее жизни. Но почему-то я понимаю, что она сбросила с себя роль матери раз и навсегда и не вернется.

– Пойду вздремну, – говорит она через плечо Лили и выходит из кухни без единого слова.

Такое Бэбс не свойственно. Она может спать допоздна, но она чурается самой мысли подремать днем. Она считает, это для людей, которые Себя Запустили.

Теперь я понимаю, то, что я сделала, для нее убийственно, поэтому она кажется такой опустошенной. Но я все равно сделала бы это снова.

Через неделю после того, как я выбросила спичечные коробки, Бэбс переходит Мичиган-авеню. Опустив голову, она прикуривает сигарету и не обращает внимания на то, что свет светофора переменился. Ее сбивает бурая «Тойота» с вмятинами на боках. Я знаю, что это привело бы ее в ужас – она бы предпочла, чтобы ее сбила машина из тех, на которых ездят богатые люди, например зеленый гоночный «Ягуар» с кремовой обивкой.

Однако мощности у «Тойоты» все равно хватает, и Бэбс взлетает вверх тормашками. Когда она приземляется, ее прекрасные ноги ломаются, а голова разбивается о мостовую, как картонка яиц. У Фрэнклина в тот день выходной, и она пешком шла в «Зодиак» сделать укладку.

Вызывать «Скорую» нет необходимости, ведь она так очевидно мертва, но приезжает полиция, чтобы составить акт. Водительница «Тойоты» – молодая девчонка с жуткими прыщами. Она рыдает, пытается объяснить.

Полицейские осматривают тело, четверть часа назад бывшее Бэбс, и в кармане находят бумажник. Это необычно, потому что она редко брала его с собой, но, возможно, без спичек она чувствовала себя незащищенной, словно ей нужно было удостоверение личности, чтобы доказать, кто она. Полицейские объявляются в пентхаусе где-то через час после аварии. Бэбс перевозят в морг, и они хотят, чтобы я опознала тело.

Я в полной прострации, что меня просят пойти посмотреть на обезображеный труп матери, но я не плачу. Пока. После я сижу с ужасающей мыслью, что она, возможно, намеренно проигнорировала светофор.

Когда я возвращаюсь, Лили еще на кухне. Она плачет, обнимает меня.

– Сахарок, – говорит она, – ты же знаешь, что мама тебя любила.

Я обнимаю ее в ответ, но я слишком опустошена, чтобы плакать. Я не могу решить, смерть Бэбс – это самое лучшее или самое худшее, что когда-либо со мной случалось. Я немного сижу рядом с Лили, потом говорю ей, пусть идет домой. Я хочу провести ночь в пентхаусе одна. Мне пятнадцать лет, но одна на ночь я тут останусь впервые. Я иду в мою комнату, и сам воздух кажется легким, как в те времена, когда Бэбс уезжала в свои короткие путешествия. Но само пространство теперь воспринимается иначе. Кроличий мех и кровать с балдахином смотрятся декадентски, а еще чудесно: у Бэбс было по-настоящему оригинальное, богатое воображение – в отличие от меня, я ведь ищу альтернативные реальности в книгах. Я ложусь на кроличий ковер, трусь щекой о мягкую шерстку.

Встав, я иду по коридору в комнату Бэбс. Не будет большеекса на лестнице, не будет криков из-за ее закрытой двери, не будет пособий по минуту. Внезапно я испытываю благодарность к Бэбс, что она снабдила меня этими сведениями, мне жаль все тех ребятишек, которым до всего приходится додумываться самим.

Я захожу в ее в гардеробную для обуви. Над обувными стойками тянутся полки, где стоят коробки с артефактами с вечеринок Бэбс. Я

замечаю одну с наклейкой «ПОХМЕЛЬНАЯ ЖРАЧКА В КРУИЗЕ», и подтягиваю поближе стремянку на колесиках. Сев на пол, я открываю коробку, достаю сувениры того вечера. Там рюмки «ПЕЙ ДО ДНА, БЛЮЙ СПОЛНА», прозрачный пластиковый куб с волнами, в которых тонут купальщики, крошечные бутылочки рома и водки и багажные бирки. Я аккуратно раскладываю все на ковре. Потом – мой костюм. Мой купальник-бикини с буквами «Б», вышитыми голубым бисером, кажется таким маленьким, что я не могу поверить, что когда-то его носила. Потом я нахожу мою кассету с «Кордебалетом». Не важно, что она стала причиной катастрофы: Бэбс сохраняла все, связанное со своими вечеринками, как мать бережет дневники и письма из летнего лагеря.

На дне коробки – ее белый купальник, капитанская фуражка и синие стилеты. Я вспоминаю макияж, какой был на ней в ту ночь: синие тени с блестками, шрамы румян. Мне странно грустно, что косметики в коробке нет. Для меня это стало лучшей частью праздника: Джаспер накладывал Бэбс макияж, а мы с Фрэнсис сидели на полу. Когда он закончил, Бэбс выглядела такой красивой, красивее всех на вечеринке. И все это было испорчено, потому что она переживала, вдруг Мак не придет. Конечно, она меня ударила, но, возможно, сделала это потому, что злилась на Мака. И кровь никакого отношения к Бэбс не имела, ну правда никакого. Это же я была так глупа, что нагнулась и свалилась с лестницы.

День подходит к концу, но никто не звонит с соболезнованиями или узнать, не нужно ли что-нибудь сделать. Я знаю, что еще рано, новость, вероятно, не разнеслась. Я просматриваю записную книжку, спрашивая себя, кто позвонит, кто захочет взять на себя роль заплаканной лучшей подруги? Или даже быть во внутреннем круге, кем-то, кто принесет лазанью и поможет мне писать некролог? От всего этого мне становится грустно за Бэбс. При всех «шоколадных деньгах» настоящих друзей у нее не было. Но даже если ни у меня, ни у нее друзей нет, одному человеку позвонить придется. Лукасу.

Он, вероятно, единственный, кому будет не все равно, что Бэбс умерла. Он берет трубку на пятом звонке. Я впервые ему звоню, даже не знаю, что он скажет, услышав ни с того ни с сего мой голос. Но он всегда был добр ко мне, пусть даже на небрежный и отстраненный лад. В конце концов, он ее кузен. Я изложу ему новости, а дальше пусть он берет дело в свои руки, посмотрим, к чему это приведет.

– Здравствуй, Лукас, Бэбс мертва, – говорю я без преамбул.

Возникает пауза, потом:

– Беттина? Господи, что случилось?

— Ее сбила машина, когда она переходила Мичиган-авеню. Сегодня утром.

— Вот черт. Ты в порядке?

— Да, — лаконично отвечаю я, как, на мой взгляд, ответила бы взрослая. Потом начинаю плакать. Я хочу рассказать ему все. Про то, как меня выгнали из Кардисса. Про спички. Все это моя вина.

— Думаю, это моя вина, Лукас. Я напортачила...

— Нет, Беттина. Не больше, чем кто-либо еще.

— Но я переспала с парнем, меня вышибли из Кардисса...

— Знаю. Она мне по телефону рассказала.

Так, значит, в тот день, на другом конце провода был он. Я разочарована, что он не предпринял ничего, чтобы меня поддержать. Но теперь, когда Бэбс нет, возможно, все изменится.

Он дает мне немного поплакать, потом говорит:

— Хочешь, я приеду и помогу тебе с ее делами?

Я делаю вид, будто обдумываю, тогда как, конечно, я хочу, чтобы он приехал.

— Да. — Тут я вспоминаю о манерах и, хотя ситуация их не вполне требует, говорю: — Спасибо.

Он нужен мне здесь. Пусть даже я ее единственная дочь, я невольно думаю, что он знает ее лучше меня.

— Буду у тебя утром, — говорит он. — До тех пор продержишься?

Я киваю, потом вспоминаю, что он меня не видит.

— Да, — говорю я. — Увидимся утром. Еще раз спасибо, Лукас.

Мы оба вешаем трубку. Тут до меня доходит, что, если он собирается быть тут утром, ему придется лететь на самолете, и я вспоминаю, как он ненавидит летать. Это хороший знак. Если он идет на такое ради Бэбс, возможно, сделает что-то и ради меня.

Ту ночь я решаю провести в комнате Бэбс. Я надеваю халат из «Рэффлс», который был на ней тем утром, когда я сказала, что выбросила ее спички. Эту мысль я от себя гоню, ведь теперь эти вещи уже не принадлежат Бэбс. Теперь все в пентхаусе мое.

Медаль отца я кладу в карман халата. Я знаю, наконец пришло время ему рассказать. Скоро, думаю я. Никакой кары от Бэбс не последует, и самое худшее, что может случиться, он меня отвергнет. Это большое «худшее», но лучше расставить все точки над «и». Если он не признает меня своей дочерью, я смогу похоронить мысль о нем вместе с Бэбс, одновременно потерять обоих родителей, в точности как это было с Бэбс. Если она сумела пережить такое, смогу и я.

Я откидываю шелковое персиковое покрывало и устраиваюсь на накрахмаленных, отглаженных простынях, расшитых словом «Бэбс». Я чувствую себя как в коконе, защищенной и одинокой разом. Я знаю, что в такой ситуации Бэбс сказала бы: «Теперь ты сама по себе, дружок», – и с этим не поспоришь. Что ж, впервые в жизни я взаправду, взаправду сама по себе.

Лукас приезжает на следующий день. Я уже проснулась и оделась. На мне прямое черное платье, которое я купили в магазинчике Wow! в Кардиссе, и золотой браслет-манжета из шкатулки с украшениями Бэбс. По правде говоря, мне не хотелось надевать это платье, поскольку меня в нем отчислили. Но у меня больше нет ничего черного. Кажется непристойным идти за покупками на следующий день после того, как твоя мать умерла. А вот, будь я на ее месте, Бэбс без зазрения совести пошла бы в Saks: «Жизнь, черт побери, продолжается», но у меня пока еще сохранился мой собственный набор довольно консервативных правил. Возможно, когда-нибудь я усвою правила Бэбс, но не сейчас.

Лукас тоже одет в черное: черный костюм с черным галстуком. Я знаю, что так одеваются только для похорон, и догадываюсь, что он уже проходил через это раньше. Скорее всего, он был на многих похоронах, знал многих людей, которые умерли. В отличие от меня, для него это не первое столкновение со смертью. Слава богу.

Единственное, что не укладывается в его консервативный наряд, – заляпанные краской кеды-конверсы. Я знаю, что это, скорее всего, не те, в которых он был на «Похмельной жрачке в круизе», а значит, такая обувь его фирменный знак. Воображаю, они важны потому, что представляют собой парадокс его жизни: краска выдает в нем художника, то есть отщепенца среди людей его круга, а вкупе с «шоколадными деньгами» кеды показывают, что он может носить все, что пожелает, даже на похороны кузины.

Он крепко меня обнимает и целует в лоб, потом отстраняется и с интересом рассматривает.

– Беттина, девочка моя, как же ты выросла с той вечеринки.

«Да, – думаю я, – какая жалость, что тебя при этом не было».

Нас ждут у юристов Бэбс в два, то есть еще через час. Не знаю, что нам полагается делать до этого времени. Я не в состоянии вести задушевный разговор о «конце и новом начале», а потому предлагаю выйти на заднюю террасу, может, поговорить о его работах, о его семье в Нью-Йорке.

– Ты не против, если я выпью? – спрашивает Лукас.

– Чего бы ты хотел? – говорю я, разочарованная, что ему нужно спиртное, чтобы общаться со мной.

– Виски. Безо льда.

Я наливаю ему виски. Интересно, что сказала бы Бэбс? Что он не *бессстрашный*? Или что ради такого дня можно пренебречь правилами?

Себе я беру диетическую «Колу», и мы выходим на террасу – ту самую, откуда я выкинула спичечные коробки. Я все еще хочу, чтобы кто-то даровал мне прощение, сказал, что это не моя вина. Но Лукас ведь ничего не знает, и, возможно, я никогда ему не расскажу. Вероятно, он думает, я всегда была дерзкой паршивкой.

– Ты когда-нибудь видела картины, которые я посыпал Бэбс?

– Да, она вешала их в игровой. Я в детстве много на них смотрела.

– И как они тебе?

– Я правда не понимала, почему они такие серые, что ты хотел этим сказать.

– Обычно я пишу более реалистичные вещи, но Бэбс сказала, что хочет абстрактные. Мне редко доводилось видеть ее или тебя, и я всегда хотел иметь хотя бы какое-то место в пентхаусе, чтобы напомнить вам обеим о моем существовании. Пусть даже я в Нью-Йорке.

Мне хочется сказать ему, что он преуспел, но я все еще разочарована, что он не сделал большего. Должен же он был почувствовать, какая из Бэбс мать. Он правда ненавидит летать самолетом или это только предлог?

Лукас вертит в руках бокал виски. У меня нет сил выносить его извинения. Как бы трудно ни бывало с Бэбс, она всегда была в моей вселенной, где-то находилась. Извинившись, я иду на кухню, чтобы приготовить себе напиток в духе Бэбс. Наливаю в винный бокал «Перье», разбавляю свежевыжатым апельсиновым соком. Я выкуриваю две Duchess Golden Lights Бэбс, которые лежат в серебряной чашке у телефона. Рядом с чашкой – дорогущее блюдце японского фарфора Имари, которое она использовала как пепельницу. Я не пробовала ее сигарет с того самого дня, когда оставила себе шрам на лодыжке, но, закуривая их, чувствую себя к ней ближе. Поверить не могу, что она уже никогда больше не закурит.

Я иду в буфетную, где она развесила все наши Рождественские Открытки. Конечно, я знаю историю создания каждой из них, но в финальном кадре, который шел на Открытку, мы смотримся счастливыми, единым целым, нас не разлить водой, не разбить, – как сделал бы мой отец, присутствуй он на фотографии. Возможно, Бэбс это знала и взаправду хотела, чтобы я принадлежала ей одной. Она не терпела группы: у нее была

только одна лучшая подруга, только один любовник зараз, а когда они уходили, у нее всегда была я.

Времени уже половина второго, и я иду за Лукасом. Напоминаю ему, что нам надо к юристам.

– О’кей. Еще успеем поговорить. Давай-ка возьмем себя в руки и продержимся следующие пару часов. Это будет потруднее, чем ты думаешь. Когда мой отец умер и оставил мне все свои «шоколадные деньги», вот тут до меня взаправду дошло, что его больше нет. Конечно, деньги теоретически должны осчастливить, особенно когда получаешь «капусты» столько, сколько получил я, но никогда не сможешь забыть, как ты их получил.

«У Бэбс такой проблемы как будто не было», – хочется сказать мне, но я молчу. Лукас отставляет стакан, встает, готов идти.

Фрэнклин ждет нас в гараже, и мы садимся в «катафалк». Я изумлена, что в машине еще сохранились частички Бэбс, и не хочу их потревожить. Я чувствую аромат ее духов и вижу заткнутую в кармашек на двери пачку «Дачес Голден лайт». Я решаю закурить и в паузах между затяжками водить перед собой сигаретой, создавая своего рода благовоние Бэбс.

Машина трогается. Лукас берет меня за руку, держит и не отпускает, в этот момент нам следовало бы так много сказать друг другу. Мне хочется этим упиваться, но я все еще не вполне ему доверяю. Он словно бы пытается установить контакт, но я помню, какое он предложил тогда решение... «Пошли танцевать под Дучина и поливать людей розовым шампанским...» Возможно, он просто разбавленная версия Бэбс. В конце концов, он же Баллентайн.

«Катафалк» останавливается у здания конторы «Харрис и Грассер», лифт возносит нас на тридцать третий этаж. В конференц-зале нас ждет женщина-юрист. Она напоминает мне Уэндолин Хендерсон, мою классную руководительницу в Чикагской Начальной. Она толстая, одета в черный костюм и красную шелковую рубашку, которые плохо скрывают складки жира у нее на животе. На ней черные блестящие лодочки и колготки кофейного цвета, на тон темнее, чем следовало бы. В ее случае лодочки не оттеняют мышц голени, а просто подчеркивают толстые коленки. Я знаю, Бэбс была бы в ужасе, что подобная тетка будет осуществлять ее последнюю волю и зачитывать завещание.

Тетку зовут Констанс, и она достает набитую документами папку. Лукас нервно стучит ногой по полу, и, как хотелось бы Бэбс, я жалею, что нельзя закурить. Констанс встает, начинает зачитывать вслух какой-то документ:

– Я, Табита Баллентайн, заявляю, что это моя последняя воля и завещание. В случае моей смерти я не хочу быть похороненной, но хочу, чтобы мой прах развеяли над озером Мичиган.

Совершенно не в духе Бэбс. Не будет никакой вечеринки, никакой помпы и шумихи, чтобы знаменовать ее переход в мир иной. Пусть даже никто еще не позвонил с соболезнованиями, я знаю, что ее знакомые придут в пентхаус, чтобы отпраздновать ее жизнь. Потом я вспоминаю ее стандарты: тема, изысканные приглашения, хорошая музыка и уйма выпивки. Она, вероятно, думала, что я не справлюсь с организацией такого праздника, что я ее опозорю, сколько бы я ни старалась.

Констанс продолжает:

– Что касается всего моего имущества, я оставляю все моей дочери Беттине Баллентайн. Имущество будет находиться в доверительном управлении до достижения ею двадцати одного года. Опекуном и душеприказчиком я назначаю моего кузена Лукаса Баллентайна, и он получит плату за исполнение своих обязанностей. Беттина вправе брать деньги из трастового фонда на расходы, как сочтет уместным мистер Баллентайн. По моим оценкам, она получит триста миллионов долларов после уплаты налогов, в дополнение к моей квартире и иному моему имуществу. Если она решит его продать, вырученные средства также пойдут в трастовый фонд под управлением мистера Баллентайна, где будут находиться до достижения ею двадцати одного года.

Подписано, Табита Баллентайн.

Мы с Лукасом сидим молча, перевариваем услышанное.

Я знаю, что должна быть в восторге, но почему-то его не испытываю. Какого черта мне делать с такой кучей денег? Сама мысль меня пугает. Я уже не просто девчонка, которая живет в пентхаусе со своей мамой-«шоколадной наследницей», которая часто бывает подлой, но с которой никогда не бывает скучно. Вдали от нее я почти могла бы сойти за нормальную. Но у Бэбс не было выбора. Почти все в Чикаго знали про «шоколадные деньги». Ей пришлось играть роль: покупать драгоценности, закатывать вечеринки, делать «покупки на скорость». От нее такого ждали, хотела она того или нет. Неудивительно, что она съехала с катушек.

Теперь, когда я стала «долбаной шоколадной наследницей», мне придется делать то же самое?

Три дня спустя мы с Лукасом бредем по пляжу на Оук-стрит. Мелкие волны не разбиваются о берег, а лижут песок. Темно. Нам никому не хотелось объяснять, что мы делаем, поэтому мы выбрали позднее время.

Лукас несет красную жестяную банку в горошек с останками Бэбс. Мне кажется дурацким, что Бэбс захотелось, чтобы ее пепел развеяли именно здесь, – она ведь никогда не ходила на этот пляж, считала, что он для среднего класса.

Почему не Лазурный Берег? Не Портофино? Но поскольку она мертва, едва ли это имеет большое значение. Возможно, она боялась, что в конечном итоге окажется на каминной полке в пентхаусе и будет стоять там, пока я не выкрою время для путешествия.

Лукас отворачивает крышку банки. Среди пепла видны мелкие осколки костей, частицы ее рук, ног, черепа. Лукас пропускает пепел сквозь пальцы, вылавливает косточки, точно морские раковины.

– Хочешь бросить Бэбс в воду, Беттина? – спрашивает он.

Я не могу поверить, что женщина, порвавшая мою коктейльную салфетку с автографом Брук Шилдс и заставившая меня голой убирать комнату, теперь просто горстка пепла, которую мы называем Бэбс. Я забираю у Лукаса банку.

– Да, – говорю я. – Нам надо сказать какие-то слова?

Лукас на минуту задумывается.

– В память о Бэбс, которая всегда умела веселиться...

Меня это разочаровывает. Его слова свидетельствуют, что Лукас не понимает, какой в действительности была жизнь в пентхаусе.

Мне хочется добавить что-нибудь, но в присутствии Лукаса ничего не приходит в голову.

Кажется слишком интимным швырять в Бэбс оскорблений при мужчине, которого я едва знаю.

Поэтому я просто замахиваюсь и выбрасываю останки, смотрю, как дуга пепла летит в озеро. Потребовалось несколько замахов, прежде чем жестяная банка опустела и Бэбс окончательно не стало.

Лукас кладет мне руки на плечи, чтобы обнять. По настоящему обнять. Дольше, чем на пять секунд.

– Давай возвращаться, милая. Холодает.

На нас свитера и джинсы, но от промозглого вечернего холода они не спасают. Когда он называет меня «милая», я снова начинаю плакать. Это «милая» как будто обращено именно ко мне, а не просто вежливое слово, чуть более формальное, чем мое имя.

– Расскажешь мне все, как вернемся в пентхаус. Я никуда не еду. На самом деле я тебя с собой заберу.

Да. Я все... Я все ему расскажу. Пора уже, чтобы узнал кто-то еще, кто-то помимо нас с Бэбс.

По возвращении в пентхаус Лукас говорит, мол, приготовит обед.

– На кухне от меня мало проку, но пасту-то я сумею сварить.

Я не слишком голодна, скорее смертельно устала, но все равно соглашаюсь, показываю ему, где кастрюли, и накрываю на стол. Когда все готово, мы садимся друг против друга. Учитывая обстоятельства, атмосфера в пентхаусе не способствует светской болтовне, и какое-то время мы едим молча, точно мы на неловком свидании.

Молчание за обедом я использую, чтобы внимательно его рассмотреть. Золотистые курчавые волосы, карие глаза – он ничуть не похож на Бэбс и даже на Мака. Руки у него крупные, и пальцы далеко не изящные. Я легко могу представить себе, как он держит в них длинные кисти, наносит широкие мазки на полотно. Когда он тянется за стаканом, я замечаю, что он, как и я, левша. Он красив, но не броской красотой. Чтобы увидеть, что он красив, нужно узнатъ его поближе. Но его особенность я улавливаю сразу, ведь я тоже не броская, по мне тоже часто скользят взглядом.

Мы продолжаем есть, и хотя мне приятно, что я не одна, что в кои-то веки рядом взрослый, я начинаю злиться. Почему его помочь пришла только в самом конце? Он, возможно, считает, что как раз сейчас она нужна мне больше всего, но ведь это не так. Почему он не приезжал чаще, почему только в тот раз? Почему столько лет не пытался противостоять Бэбс? Если она велела ему не приезжать, то неужели они с Поппи не могли хотя бы приехать в Кардисс, повести меня на ланч? Я что, слишком о многом прошу? Это его ни к чему не обязывало бы, но так много было для меня значило.

Наконец, осмелев от таких мыслей, я решаю поговорить с ним о Самом Важном. Не знаю, сказала ему Бэбс или нет, но мне надо знать подробности. Все подробности. Взяв винный бокал, я отпиваю глоток, прежде чем ринуться в бой. Лукас как будто занят пастой. Да наплевать, думаю я. Почему я должна давать ему время пригладить волосы и подготовиться?

– Лукас. – Я смотрю на него пристально и негромко говорю: – Я знаю.

Перестав жевать, он встречается со мной взглядом. Напряженным взглядом. Во всяком случае, он не пытается выставить меня дурой, переспрашивая: «Что знаешь?»

– Бэбс тебе сказала?

– Нет, не совсем. Она дала мне твою медаль за латынь из Райдера, и я не пыталась получить эти сведения до самого отъезда из Кардисса. Боялась узнатъ. А еще мне не хотелось выводить из себя Бэбс. Я всегда думала, что, давая мне ее, она брала меня на слабо.

Лицо у Лукаса обмякает. Он переваривает услышанное.

– Мы пообещали друг другу, что сохраним это в тайне, – наконец говорит он. – Разумеется, все вышло случайно. Я перепил, и сама знаешь, как Бэбс любила перегибать палку. Когда она мне сказала, мне и в голову не могло прийти, что она тебя родит. Все в целом было так непристойно. Мало того что мы кузены, я был женат на Поппи и мы ждали Джо-Джо. Я думал, она обо всем позаботится, решил, что она еще не хочет заводить детей. Но она пришла в ярость и не только родила тебя, но и велела перевязать себе трубы, чтобы ты была единственной. Это нас навсегда связало бы, и я всегда был бы повинен в ее бесплодии. Впрочем, я и не подумал бы, что она хочет еще детей.

– Так ты хотел, чтобы Бэбс от меня избавилась? – Я хочу, чтобы он это повторил, он же должен понимать, что подразумевают эти слова, учитывая, что я сижу с ним за одним столом.

– Ну... поначалу, конечно. Но как только ты родилась...

– Ты любил меня как родную, и расстраивался, что Бэбс не позволяет нам видеться.

– Ну... нет... не совсем, но я много думал о тебе, о том, как тебе живется с Бэбс.

– Вот спасибошки. Поппи ты рассказал? Она знает? Особенно если учесть, что я буду с вами жить.

– Нет. Послушай, Беттина, все сложно.

– Ах вот как? Для меня или для тебя? Послушай, я не ожидаю слезливого воссоединения. И извинений в общем-то не хочу. Бэбс определенно не говорила, что их следует ждать. Я вообще не знаю, чего, черт побери, хочу. Не беспокойся, я не стану называть тебя папочкой. Я никому не скажу. Просто не надо меня жалеть. Возможно, однажды ты познакомишься со мной поближе и об этом пожалеешь, а если нет, мне наплевать.

Лукас пытается взять меня за руку. Отстранившись, я встаю, бросаю салфетку на стол.

– Возможно, и посуду тоже помоешь. Было бы просто замечательно.

Я поднимаюсь в комнату Бэбс, где решила провести мою последнюю ночь в пентхаусе перед тем, как на утро уехать в Нью-Йорк. Меня бьет дрожь. Я не собиралась говорить Лукасу гадости, но его признание не оставило мне выбора. Хватит с меня мольб, хватит попыток доказывать, что я достойна любви. Я просто смирюсь с этой мыслью, буду жить с ним в Нью-Йорке и делать вид, что я сирота с мертвой матерью и уймой денег.

Я переодеваюсь в ночную рубашку Бэбс, надеваю ее халат из

«Рэффлс», забираюсь в кровать и быстро засыпаю. Эмоциональная встряска меня опустошила, я совершенно вымотана.

Поздно ночью я чувствую легкое прикосновение к плечу. Я медленно открываю глаза: Лукас. Наклонившись, он целует меня в щеку. Я ничего не могу с собой поделать, я плачу. Рыдаю. Он утирает мои слезы, ловит их в ладонь. Мы молчим, и минут через десять он уходит.

В Нью-Йорке Поппи надо мной хлопочет. Она постоянно меня обнимает, каждый день встает пораньше, чтобы приготовить нам с Джо-Джо завтрак. Она ведет меня в Saks, чтобы пополнить мой гардероб, и ни разу не отпускает замечаний о моей комплекции.

Ее поведение я нахожу наивным, точно она думает, будто сама я с подобным не справляюсь. Но я знаю, что она старается найти для меня место в своей жизни. По счастью, она ни слова не говорит о моем курении. Наверное, думает, мол, такой у меня способ горевать, мол, это позволяет мне чувствовать себя ближе к Бэбс. Я не пытаюсь разрушить ее иллюзии – это уже не имеет отношения ни к кому, кроме меня.

Я учусь в частной школе для девочек «Брирли», потом в колледже Уильямс «лиги плюща». Я завожу друзей, но это всегда тихие, незаметные книжные черви, над которыми Мередит потешалась бы. Как бы ни радовалась она, что меня отчислили, я все еще по ней скучаю. Пусть даже в этих престижных учебных заведениях я смогла начать с чистого листа, мне никак не удается преобразиться в стервозную блондинку, ради дружбы которой дерутся сверстники и которая сама устанавливает собственные правила – какими бы они ни были переменчивыми. В сложных ситуациях я спрашиваю себя, как поступила бы Мередит, но никогда не могу заставить себя выполнить подсказанное ею решение. Знаю, власть, которой обладала Мередит, была мелочной, и все равно я силюсь ее обрести. У меня даже возникает нелепая мысль, что однажды она меня разыщет. Может, она даже включит мою крошечную фотокарточку в свой альбом старшеклассницы. Поскольку я знаю, что это всего лишь фантазии, я никогда не позволяю себе поинтересоваться.

Однако больше всего я сожалею о Кейпе. Я ищу его среди парней в Уильямсе. Многие на него похожи, и у меня часто перехватывает дыхание, когда они проходят мимо. Я всегда говорю себе, что если я столкнулась с ним однажды, так почему не во второй раз? Но, разумеется, его там нет.

37. Взрослые. В прошлом и в настоящем

Сентябрь 1991

Мне двадцать шесть лет, и я все еще живу в Нью-Йорке. «Шоколадные деньги» наконец полностью мои. Я купила себе квартиру на Восточной Семьдесят второй стрит – с двумя каминами, встроенными шкафами и гардеробной. Наняла профессионального декоратора. Я выбрала приглушенную гамму и, невзирая на стоимость, получившийся результат не нарочно показушный, а скорее сдержанный. Я анонимно пожертвовала две тысячи долларов Кардиссу на премию за самую бесстрашную прозу. Невзирая на тот факт, что меня отчислили, любой оставшийся во мне гнев превратился в сентиментальность и уважение к тому, чему там учат.

Правда в том, что мне страшно тратить «шоколадные деньги». Я хочу нормальной жизни, если таковая вообще существует. Я не хочу влиться в племя самодовольных немногих, кто ничего не делает, только развлекается и ходит за покупками. Разумеется, в отличие от Чикаго, в Нью-Йорке большие состояния не вызывают такого ажиотажа. Довольно часто я вижу на достопримечательностях фамилии детей, с которыми училась в Кардиссе: центр Рокфеллера, Коллекция Фрика, крыло Сэклера в Метрополитен, – иногда даже на таких повседневных продуктах, как кетчуп «Хайнц». Почему-то я никогда не замечала, что в Кардиссе не я одна была из состоятельной семьи. У меня возникает идея разыскать этих детей и создать своего рода группу поддержки, чтобы всем вместе понять, как справляться с такими деньгами. Но в глубине души я знаю, что страх денег не реальная проблема, а просто невроз, какой встречается у некоторых людей, и я забрасываю этот проект.

Я работаю в литературном журнале «Блю-Си-пресс» и зарабатываю шестнадцать тысяч в год. Эту работу я получила исключительно благодаря моим оценкам в колледже и диплому по английской литературе. До журнала я нигде не работала, и рекомендаций у меня нет. Мне хочется «сойти за свою», поэтому я принимаю скучные чеки и делаю вид, будто только благодаря им удается перебиться до конца месяца. Правда в том, что я иногда забываю их в карманах, или на дне рюкзака, или даже не удосуживаюсь на них посмотреть. Я всегда ношу драные джинсы или одежду из секонд-хендов. А еще конверсы, как Лукас. Они – само совершенство, они как будто напрочь отрицают саму мысль о том, что некогда я соприкасалась с миром высокой моды.

Однажды во время перерыва на ланч я иду по Мэдисон-авеню, рассматриваю витрины магазинов. Внутрь я никогда не захожу, но платья на манекенах напоминают мне о Бэбс. Я отмечаю те платья, которые она купила бы, и те, которые высмеяла бы. Это мой способ почувствовать, что она не ушла раз и навсегда, а просто где-то в долгом путешествии. Я знаю, она велела бы мне: «Да зайди же внутрь, мать твою, и купи себе настоящую одежду». Сказала бы, что моя задрипанная одежонка «сущий позор». Но учитывая, как я одета, ни одна продавщица не подойдет ко мне с предложением помочи, и это защищает меня от искушения уподобиться Бэбс и позволяет цепляться за мысль, что теперь я самостоятельная личность. Могу одеваться, как захочу.

Вот этим я и занята, когда кто-то окликает меня по имени. Я медлю, прежде чем обернуться. Это писатель, чью рукопись в «Блю-Си-пресс» отвергли? Парень из Уильямса, который принудит меня к неловкому разговору? Я все еще не освоила навык светски болтать о пустяках с людьми моего возраста.

Я медленно поворачиваюсь. Теперь, когда Бэбс больше нет, ситуации редко бывают такими скверными, как я опасаюсь. Но, увидев, кто меня окликнул, я столбенею. Щеки у меня заливаются краской, как при температуре.

Это Кейп.

Он высокий, он быстро нагоняет меня длинными шагами.

– Привет, Беттина, – говорит он, наклоняясь, чтобы обнять.

Я отстраняюсь. После всех этих лет я по-прежнему зла на него. За то, как равнодушно он вернул мою медаль. За тот факт, что получил разрешение остаться. За тот факт, что мы так и не были взаправду вместе.

– Как дела?

Мои два шага назад его ничуть не обескураживают.

– Неплохо, неплохо, – хочу сказать я громко, но я все еще так потрясена, что выдавить могу только шепот.

– Я слышал, твоя мама умерла, – говорит Кейп так участливо, что я задумываюсь, а он вообще хотя бы что-нибудь помнит?

Я киваю.

– Мне правда очень жаль, Беттина. – На сей раз он умеряет тон.

Я, в общем, не могу определить, то ли ему искренне жаль, то ли он только вид делает.

– Слушай, – продолжает он, – у тебя есть минутка на ланч?

Мне правда хочется знать, как у него дела, но мне надо возвращаться

на работу. Хотя я знаю, что могу позвонить и отговориться под любым глупым предлогом – «Блю-Си-пресс» как раз такое место.

– Конечно, – говорю я почти враждебным тоном.

– Пошли в «Монлабер». Тут недалеко, сразу за углом.

В ресторане «Моламбер» все по стандартам Мэдисон-авеню: накрахмаленные белые скатерти, крошечные стеклянные вазы с белыми розами, серебряные столовые приборы. Моя жалкая одежонка не слишком меня беспокоит. В Нью-Йорке только туристы и те, кто считает меню дорогим, беспокоятся, что плохо одеты. Я заказываю «пелегрино» и апельсиновый сок, а Кейп получает свой скотч. На мой взгляд, час для алкоголя еще слишком ранний, но, в отличие от Бэбс, я никогда не отпускаю замечаний о том, что заказывают другие. Какое мне в конце концов дело? Кейп не мой парень и никогда им не был.

Когда официант уходит, я наконец позволяю себе его рассмотреть. Он почти не изменился: растрепанные русые волосы, голубые глаза, совершенно прямой нос, такой, ради которого девушки-еврейки ломают свои. На нем летние брюки, рубашка в розовую клетку, синий блейзер.

Я бросаю взгляд на его руки, хочу проверить, кусает ли он еще ногти, и замечаю у него на запястье часы Мака и – что удивительней – обручальное кольцо на пальце. Теперь мне не хочется разговаривать о колледжах, в которых мы учились, о нашей работе. Мне хочется перевести разговор на настоящее.

– Так ты женат, – начинаю я.

– Да, – отвечает он и вертит кольцо на пальце, ему как будто надо его коснуться, чтобы удостовериться, что это правда.

– Кто? – говорю я, не добавляя «счастливица».

– Ты ее не знаешь.

К чему утаивать? Разве на этом ланче он не должен повторить, что я его не достойна?

– А, ну ладно, – неловко отвечаю я.

– Послушай, Беттина, я должен перед тобой извиниться.

Наконец.

– За что?

Есть столько всего, за что он мог бы просить прощения. Интересно, что именно он выберет?

– Что винил тебя в любовной интрижке отца.

Так вот что он хотел мне сказать. Избавить меня от чувства вины за что-то, чего я даже не делала.

– Спасибо, Кейп, – сухо говорю я, – но я не вполне понимаю, как

девочка десяти или одиннадцати лет могла организовать интрижку между двумя взрослыми людьми, сознательно вступившими в половую связь. Возможно, я была неправа, что тебе об этом рассказала, но в Кардиссе мог появиться кто-то из Грасс-вудс, и ты все равно узнал бы. И тот парень или девчонка не любили бы тебя, как я.

Кейп молчит, но, судя по всему, ему не по себе. Слово «любить» сбило его с толку. Вероятно, его все еще влечет к женщинам, которые его принижают, – как Мередит.

– И вообще, Кейп, не понимаю, почему ты решил извиняться сейчас?

Он подается вперед, ему хочется выговориться.

– Полгода назад я был на вечеринке в клубе Йельского университета.

Ага, «лига плюща». Значит, Кейп исполнил обещания, которые давал на дисциплинарной комиссии Кардисса: натаскивал отстающих, улучшил оценки, превосходно играл в лакросс.

– Это было за два месяца до нашей с Лолли свадьбы.

«Лолли-лолли-пропололи...» – хочется пропеть мне. Но я знаю, что это, скорее всего, сокращение от Люсиль, Изольды или чего-то равно претенциозного. Но в конечном итоге мне все равно.

– Так вот, – продолжает Кейп, – тем вечером в клубе я столкнулся с Анной. Девушкой, с которой встречался целых два года и которая в конечном итоге меня бросила, потому что, по ее словам, я недостаточно интеллектуал. Я старался читать Вирджинию Вульф и Фолкнера, но она все равно не пожелала взять меня назад. Получив диплом, она уехала в Тибет и занималась там... Ну... чем-то, чем там занимаются выпускники Йеля... Тем вечером на вечеринке она выглядела как никогда свежей: никакого макияжа, простое голубое платье. Я решил, она ищет потенциальных меценатов для какого-то благого дела, за которое в тот момент ратует. Я рискнул к ней подойти и пригласил вместе пообедать. Есть мне не хотелось, я просто хотел побывать с ней немного. С вечеринки мы уходили последними. Я чуток перепил, и мне пришлось схватить ее за локоть, чтобы не потерять равновесие. Я подозвал такси, и когда мы садились, наши коленки соприкоснулись.

История начинает мне наскучивать, я не могу понять, зачем он рассказывает это мне – не кому-то вообще, а именно мне. Наша встреча сегодня случайная или он позвонил мне на работу и какая-то глупая практиканта проговорилась, где меня искать? Мне хочется сказать: «Давай уже поскорей, мать твою», но он как будто твердо решил не опускать ни единой детали:

– Пока мы ехали в такси, я попытался ее обнять, совсем как тогда,

когда нам было по двадцать. Я все еще был под хмельком, поэтому промахнулся и поцеловал ее в губы. Она поцеловала меня в ответ, и мы обнимались прямо в такси.

– И?.. – спрашиваю я, когда он выуживает булочку из хлебной корзинки и начинает намазывать ее маслом.

– И все. Я отвез ее до квартиры и вышел из машины, чтобы немного пройтись и проветриться по пути домой. Когда я пришел, Лолли сидела на диване в моей пижаме «Брукс Бразерс» и заканчивала со списком гостей на свадьбу. Я едва не взял ее за руку и не рассказал ей, что только что произошло, но просто пошел в душ.

– И чего ты от меня хочешь? Дальше поцелуев дело не пошло, и формально ты еще был холост.

Мне хочется расхохотаться от его серьезности, от того, какую чушь он принимает за «всю тяжесть ситуации».

– Мне нужен твой совет, Беттина. Ты всегда была самой умной девушкой, какую я когда-либо знал. А еще тебе известно о романе моего отца. Мне нужно знать твое мнение. Я такой же, как он?

– Будь ты таким же, как Мак, – медленно произношу я, – ты никогда бы мне не рассказал. Ты не втягивал бы третью лица в свои романы, которых у тебя, кстати, нет, – если ты только не хочешь попасться. Не рассказывай Лолли. Одна ошибка не стоит того, чтобы рушить брак.

– А если я снова оскользнусь?

– Если тебя это так тревожит, поступи честно и разведись с ней, пока вы не завели детей. Но я знаю, что больше ты такого не сделаешь. Просто знаю.

Кейп смотрит на меня с облегчением, словно правда думает, что у меня на все есть верные ответы.

– А как твои дела, Беттина? Разве ты не боишься превратиться в Бэбс?

Хотя это самый большой мой кошмар, я с уверенностью отвечаю:

– Нельзя превратиться в другого человека, Кейп. Даже если я совершу все те же ошибки, что и она, я все равно останусь собой.

Он молчит несколько минут, явно переваривая мои слова, потом вдруг спрашивает:

– А как насчет монеток? Они еще у тебя?

Значит, за столько лет он так и не забыл про два долбаных пенни, которые мне дал?

Мне не хочется объяснять, как зла я была в тот день и что я с ними сделала.

– Поищу. Наверное, лежат где-нибудь.

– Ты обещала, что их не потеряешь. И я вернул тебе твою медаль. Кстати, ты разыскала отца?

– Э... да. Все-таки он был мертв.

Незачем выкладывать все Кейпу. Раз уж он женат на девице по имени Лолли, я почему-то думаю, что близкими друзьями мы никогда не будем. После этого ланча я больше его не увижу.

– Мне очень жаль, Беттина.

За спагетти с моллюсками мы обсуждаем его медовый месяц. Они ездили на Бали. Приносят счет, и Кейп платит за нас обоих. Я говорю «спасибо» и подставляю щеку. В глубине души надеюсь, что он меня поцелует, как это было с Анной. Ведь я тоже девушка, с которой он однажды переспал. Но потом я вспоминаю, что за мной он никогда не ухаживал.

Встав из-за стола, мы выходим на улицу.

– До свидания, Беттина, – говорит он. – И снова он уходит прочь. – Позвони, если найдешь мои пенни, – кидает он через плечо.

– Конечно, – отвечаю я и не добавляю: «Скажи, пусть протралят реку в Кардиссе».

Я собираюсь отвернуться, но медлю, смотрю, как Кейп уходит по Мэдисон-авеню. И в моем воображении тротуар превращается из бетона в траву, раздвигается в огромную лужайку. Кейп уже не мужчина в пиджаке, а одиннадцатилетний мальчик в белых шортах, белой рубашке поло и клетчатой кепке, которую я видела в вестибюле Чайного дома много лет назад. Он поворачивается ко мне – я стою посреди лужайки в розово-белом летнем платьице – и вдруг срывается с места в карьер. Добежав, он сбивает меня с ног, и мы катаемся по траве, мутузим друг друга, как щенки. Мы не поднимаем глаз, но чувствуем взгляды наших матерей, которые болтают и смеются на веранде, возможно, пьют чай со льдом. Наконец, когда с притворной схваткой покончено, он берет меня за руку и помогает встать, отряхивает грязь с коленок, потом небрежно обнимает меня за плечи.

И так же внезапно я возвращаюсь к настоящему. Я все еще вижу, как Кейп уходит по тротуару, становится все меньше и меньше. Он не обращает внимания на витрины, просто лавирует между пешеходами, точно машина в потоке движения. Он ни разу на меня не оглядывается. Не видит девушки, что стоит посреди тротуара. Одна.

Но Кейп – лишь одно из многого, что Бэбс у меня отняла.

Сноски

1

Фильм (1977) реж. Герберта Росса, кинодебют Михаила Барышникова. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

2

Культовый ночной клуб и всемирно известная дискотека в Нью-Йорке (1977–1980), прославившаяся легендарными вечеринками, жестким фейсконтролем, беспорядочными половыми связями и непомерным употреблением наркотиков.

3

Безалкогольный коктейль из имбирного лимонада с толикой сиропа гренадин, который часто подают обедающим со взрослыми детям вместо собственно коктейля.

4

Безалкогольный напиток, предшественник «диет-колы».

5

«На последнем дыхании» (*фр.*) – дебютный полнометражный фильм Жан-Люка Годара, одна из первых и наиболее характерных картин «французской волны». Благодаря роли в этом фильме американская актриса Джин Сиберг стала культовой фигурой во Франции и США, в обиход даже вошло выражение «стрижка под Джин Сиберг».

6

Американский фантастический сериал 1977–1984 гг., в котором на некоем тропическом острове волшебник мистер Рорк выполняет желания героев.

7

Конец разговора (*фр.*).

8

Начиная с прибл. 1940-х появились мужские туфли, сходные по покрою с оксфордскими ботинками, но не имевшие шнурков, по сути, современные слипоны. В какой-то момент в петельку стали вставлять пенни или десятицентовую монету – этой суммы было достаточно, чтобы сделать звонок из телефонного автомата, к 1960-м гг. монетки в петельках превратились в моду.

9

Речь идет о монетках по 1 пенни, отчеканенных в 1909 г. в Сан-Франциско по эскизу Виктора Дэвида Бреннера. Поскольку отчеканено их было всего несколько сотен тысяч, именно эти монеты представляют собой коллекционную ценность.

10

Успешный американский телесериал о круизном лайнере, который шел с 1977 по 1986 г.

11

Джазмен и меценат, сын джазового пианиста Энди Дучина.

12

Исключительно популярный хит 1979 г. Руперта Холмса; саундтрек множества фильмов.

13

Светская львица и дизайнер (1931–2013).

14

Солнцезащитные очки-стекозы, закрывающие половину лица, введенные в моду Жаклин Кеннеди-Онassis.

15

«Здравствуй, грусть» (*фр.*) – дебютный роман Франсуазы Саган.

16

Кружку подруг (*фр.*).

17

Одна из старейших частных школ для девочек из богатых семей, основана в 1843 г.

18

Лицом, замещающим родителя (лат.).

19

Устарелые (*phr.*).